

Дуглас Брайан Красавица в зеркалах

Конан – 134

...и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

Глава первая Юный граф между жизнью и смертью

Маленькое графство Бенойк на юге Аргоса, что раскинулось по обоим берегам реки Лида, лихорадило. Несколько седмиц кряду наследник, молодой граф Цинфелин, был опасно болен. Старый граф Гарлот уже отчаялся увидеть своего сына живым.

Ситуация действительно складывалась серьезная. Цинфелин был единственным сыном Гарлота; другой надежды у графства просто не имелось. Если Цинфелин сейчас умрет, то земли Бенойка отойдут короне, и графство навсегда потеряет свою независимость. Многие обитатели этого древнего владения по-настоящему любили правящую династию и были ей преданы. Особенно если учесть, что графы Бенойка всегда оставались щедрыми по отношению к верным людям и охотно наделяли их имуществом.

В давние времена графы Бенойка много воевали, и добыча бывала существенной. Потом настало время для более мирных владык; однако подданные их процветали и продолжали души не чаять в своих повелителях.

Династия оборвется? Неужели такое возможно? Шепоток расползлся по графству, и многие скорбно качали головами и возносили молитвы к богам.

Только бы милосердные боги не допустили подобного! Нет, Митра этого не допустит, ведь Митра следит за тем, чтобы все в мире совершалось справедливо, — а графы Бенойка всегда были верными адептами этого бога! Ведь со смертью Цинфелина погибнет и надежда,

и кто может предсказать — какой окажется судьба графства под тяжелой рукой короля? Нет и нет! Только не это!

На алтари приносились жертвы, — молили не только Митру, но и шемитского бога Бела, весьма чтимого в Аргосе; читались заклятия, отгоняющие от ложа больного наследника злых духов.

На пятый день неустанных молитв и неусыпных трудов со стороны дворцового медика — и еще десятков личных врачей, присланных всеми состоятельными людьми графства, — юный граф наконец открыл глаза.

Тяжелое забытие миновало. Холодный пот выступил на лбу молодого человека, и взгляд его глаз, хоть и оставался страдальческим, сделался по крайней мере осмысленным.

Повсюду обнимались и поздравляли друг друга, как будто в графстве наступил праздник.

Но радость оказалась преждевременной. Хоть тело молодого графа и было спасено от неминуемой смерти, некое повреждение было нанесено его духу.

Лихорадка больше не возвращалась, но было совершенно очевидно: душа юноши пребывает в болезненном и печальном мире. Цинфелин забросил все свои прежние занятия. Еще совсем недавно не было для него более приятного дела, чем охота или сумасшедшая скачка верхом; он любил стрелять из лука и рубиться на мечах со своими друзьями из малой дружины, которую содержал для него отец.

Все это осталось в прошлом. Сохраняя облик юноши, душой Цинфелин неожиданно превратился в дряхлого старика. Любому другому делу он предпочитал теперь крепкий сон в мягкой постели. Куда подевался тот Цинфелин, что ночевал на голой земле, а во дворце приказал установить для себя обычную походную кровать, какой пользуются во время войны полководцы, — узкую и жесткую? Теперь его ложем служила широченная постель с пуховой периной и теплым покрывалом, сшитом из мягких беличьих шкур.

Он спал и спал... К нему заглядывали сочувствующие придворные его отца и чмокали губами, недоумевая. Врачи часами просиживали у его постели, прислушиваясь ко всему, что говорил во сне больной. Они пытались установить причину столь странного состояния Цинфелина. Но хоть юный граф и спал очень беспокойно, никаких связных речей не срывалось с его губ. Он лишь вскрикивал и ворочался, а иногда вдруг вскакивал и широко распахивал глаза, словно всматривался во что-то, видное лишь ему одному. А затем веки его медленно опускались, и он снова укладывался в постель и погружался в забытие.

Бывали у Цинфелина и бывшие друзья — крепкие молодые люди, от которых сильно пахло потом, выделанной кожей, сталью, лошадьми. Недоумевая, таращились они на своего прежнего предводителя. Лекари обычно спешили выставить их вон, и они уходили с опущенной головой.

Никто ничего не понимал. Магов при дворе Гарлота не привечали, так что сиять заклятье — если, конечно, все дело именно в заклятье, — было некому. Разыскивать мага по Хайбории Гарлот пока что не решался. Мало ли кто откликнется на зов! Среди магов много проходимцев. Даже больше, чем среди обыкновенных людей.

Решили пока выжидать.

Иногда, впрочем, юным графом овладевало беспокойство. Тогда он, напротив, не спал по целым дням и бродил по замку, как привидение. Казалось, он не вполне отдает себе отчет в том, куда несут его ноги. Если он случайно оказывался на кухне, то ел, но если бесцельные блуждания не приводили его к съестному, он обходился без еды и даже не вспоминал о том, что надо бы перекусить.

Он худел, скоро от него остались кожа да кости, и на изможденном лице ярко горели воспаленные глаза.

Графство Бенойк погрузилось в печаль. Никто не знал, как помочь всеми любимому юному графу. Гарлот сделался раздражительным и сварливым, начал бить слуг и кричать на подчиненных, а одного верного сотоварища, с которым пережил немало испытаний, неожиданно отослал от двора. Вдогонку изгнаннику полетело письмо, в котором Гарлот

извинялся за свое решение и добавлял: «Я боюсь, что моя теперешняя несдержанность может окончательно разрушить нашу дружбу, так что тебе лучше побыть вдали от меня».

Юный Цинфелин не был таким предусмотрительным. Разум его затуманился какой-то неведомой печалью. Однажды, когда молодой граф спал, к нему в комнату зашел его самый близкий друг по имени Рихан. Этот Рихан, широкоплечий, белокурый, простодушный парень чаще всех избирался Цинфелином в качестве партнера для фехтовальных упражнений. Вместе они провели немало часов. А сколько переломали тренировочного оружия! Рихан улыбался, вспоминая, как Цинфелин треснул его по голове деревянным мечом, и меч сломался, а он, Рихан, в ответ ударил Цинфелина щитом и сломал ему зуб. Вот была потеха!

Рихана врачи не допускали до ложа Цинфелина, но юноша рассудил по-своему: «Если ничто больше не радует Цинфелина, то, может быть, я сумею его развеселить? Я напомним ему много забавных историй из нашего прошлого. Неужели он забыл, как нам было весело? А как мы гнались за оленухой и угодили в грязное озеро? Как выбрались оттуда, по уши в тине, и зашли в дом к графине Церниве, а она нас не узнала и велела травить собаками... а собаки даже не: хотели к нам подходить, так от нас воняло тинной... Ух! Дух захватывает от всех этих воспоминаний. Неужто он все забыл? Я просто не могу в такое поверить!»

И Рихан решительно вошел в комнату.

Цинфелин спал. Молодой человек наклонился над графом и услышал, как тот тихо шепчет: «Нет, не надо... уйди, исчезни...» В первое мгновение Рихан подумал было, что это «исчезни» относится к нему, что это его юный граф просит уйти; но затем он понял: нет, мольба обращена к какому-то видению, которое мучает Цинфелина.

Рихан больше не колебался. Он встряхнул Цинфелина за плечо.

— Проснитесь, ваша светлость! Проснитесь! Это я, Рихан! Я здесь!

Цинфелин громко, со страданием застонал и открыл глаза. Он увидел Рихана и заморгал, привыкая к этому новому для себя зрелищу. Наконец он пробормотал:

— Рихан?

— Вы узнали меня! — возликовал дружинник. — Я так и думал. Не может мой господин не узнать меня! Не может мне не обрадоваться! Подать вам одеваться?

Цинфелин не ответил, и Рихан, приняв его молчание за знак согласия, напялил на своего господина рубаху, колет и сапоги. Цинфелин молча подчинялся всему, что с ним проделывали. Казалось, ему безразлично все происходящее.

А Рихан даже не замечал этого безразличия. Он все говорил и говорил:

— Вот я и подумал: разве можно такому молодому человеку, как вы, гнить в этой душной комнате? Да эта постель — просто душегубка какая-то! Здесь и здоровый-то умрет, не то что хворый. Болезнь ваша ведь прошла? Лихорадки больше нет? Люди говорят, вы поправились. Я вчера докторишек подслушивал, они точно утверждают: мол, нет больше болезни. Поедьте прокатимся. Звездочка оседлана, и Вихрь тоже бьет копытом. Я так думаю, вам пока лучше на Звездочке, она посмирнее. А?

Юный граф вдруг вырвался из рук Рихана. Он метнулся в сторону и побежал, загребая ногами, куда-то по коридору. Рихан поспешил за ним следом.

— Куда вы? Что случилось? Я обидел вас? Не хотите на Звездочке? Ну конечно, это лошадь больше подходит для женщины, но вы ведь хворали, вот я и подумал...

Не отвечая, Цинфелин спешил по коридору. Он ощупывал стены вокруг себя руками, как слепой, и только качал головой со слабым стоком. Вдруг он остановился, так что Рихан со всего маху налетел на него.

— Оставь меня! — закричал Цинфелин. — Стража! Хватайте его! Он хочет меня убить!

— Что вы такое говорите! — воскликнул Рихан, ужасаясь.

Стражники уже бежали к нему, топоча и бряцая оружием.

— Хватайте! — в исступлении вопил Цинфелин. — Убийца!

— Нет! Нет! — Рихан вытянул перед собой руки, как бы отстраняясь от этого страшного обвинения.

Стражники обступили его и потащили прочь.

Рихан не сопротивлялся и только твердил: «Нет, нет!»
Незадачливого дружинника доставили к графу Гарлоту.
Граф сурово уставился на него.

— Ты вошел в комнату моего сына, не так ли?

— Да, ваша светлость, но я...

— Молчи. Будешь говорить только «да» или «нет». Мне не нужны твои глупые оправдания.

— Но ваша светлость! — взмолился Рихан. — У меня и в мыслях не было причинять Цинфелину какой-либо вред. Мы же с ним друзья.

Я запрещал входить к нему. Ты помнишь об этом? — сурово спросил Гарлот.

— Да... — пробормотал Рихан.

— Хорошо. Ты нарушил мой запрет?

— Да.

— Он спал, когда ты вошел к нему в комнату? — продолжал граф.

— Да...

— И ты разбудил его?

— Да...

— Ты хотел убить его?

— Нет! — Рихан упал на колени и закричал, отчаянно взывая к рассудку старого графа: — Как вы можете даже предполагать такое! Я не знаю, чем обидел Цинфелина, но все, чего я хотел, — это покататься с ним верхом! Я даже оседлал для него Звездочку.

— Встань и убирайся с моих глаз, пока я не распорядился тебя повесить, — кратко приказал граф Гарлот, и Рихан выбежал из зала.

Тем временем Цинфелин, чье сознание растревожил Рихан, пустился в путь по замку. Его видели то в одном зале, то в другом. Иногда он подходил к окну и подолгу смотрел наружу с таким видом, как будто для него теперь запретны и поля, и реки, и леса — все те места, где он прежде так любил проводить время.

Если он замечал человека, он спешил скрыться или вдруг начинал кричать:

— Оставьте меня! Я хочу умереть! Как вы не понимаете, что я хочу умереть! Только смерть положит предел этой муке!.. Если бы вы знали, как это все мучительно, как больно, вы позволили бы мне умереть!..

Во дворце боялись, как бы юный граф не наложил на себя руки, но затем стало очевидно: Цинфелин все еще оставался прежним Цинфелином настолько, чтобы не помышлять о самоубийстве. Если бы кто-то захотел его убить, он бы, возможно, радостно принял смерть, но прервать свое бытие самостоятельно — нет, на такое он не был пока способен. Более того, когда его горячий ум вообразил, будто Рихан покушается на его жизнь, Цинфелин позвал на помощь.

И все же смерть представлялась ему желанной...

Один из врачей высказал предположение, что юный граф начал страдать раздвоением личности. Эту тему начали обсуждать сразу пятнадцать ученых мужей. Решили: предположение не лишено оснований, однако посвящать в суть дискуссии старого графа преждевременно. Если Гарлот узнает, что медики считают его сына и наследника безумцем, он, пожалуй, снимает слишком умные головы с плеч.

Наконец один из врачей, самый пожилой и опытный из всех, решился заговорить с юным графом о его желании умереть. Лучше бы он этого не делал!

С громким криком, в котором слышались отчаяние и ненависть, Цинфелин набросился на ученого старика и принялся его душить. Набежавшая стража едва-едва сумела оттащить Цинфелина от его жертвы. Молодой человек продолжал вырываться из рук удерживавших его стражников и осыпать врача проклятиями.

Пена срывалась с его губ, в горле клокотала ярость.

Цинфелина утащили в комнату и там повалили на кровать, привязав за руки и за ноги. Припадок буйства длился несколько часов, после чего юный граф опять погрузился в сон.

Скрыть это происшествие от Гарлота не удалось, и граф Бенойка решил принять собственные меры.

— Если мой сын попадает в детство и постепенно погружается во мрак, буду относиться к нему как к ребенку, — сказал он своим доверенным людям. — Даже если он сделался безумцем, как меня пытаются уверить, он все равно остается моим сыном. Я не откажусь от него так легко. Никому не видать графства Бенойк, пока мы с ним оба живы!

И граф велел повсюду разыскивать странствующих музыкантов, фигляров, рассказчиков, танцоров, певцов — всех, кто мог бы развлечь и развеселить больного.

— В конце концов, сын мой еще очень молод, а в юности у мужчины бывают приступы необоснованной тоски, — добавил граф. — Возможно, все дело именно в том, что Цинфелин вырастет. Никто в душе не был согласен с графом, но возражать ему также не осмелились.

И в замок начали прибывать жонглеры и фокусники.

Их набралось так много, что гарнизон пришлось переселить за стены замка в шатры, так что со стороны могло бы теперь показаться, будто замок Бенойк находится в осаде.

Те музыканты и сказители, которым не нашлось места в замке — несмотря на переселенный гарнизон — тоже устроились под стенами. Кто остался жить в своей телеге под навесом, кто разместился на голой земле, кто разбил небольшой шатер... Каждый поступал по своему усмотрению.

И началась совершенно невероятная жизнь. Солдаты гарнизона, горожане и жители замка заводили кратковременные, но очень бурные отношения с пришлыми артистами. Певцы и акробаты охотно проводили время с бывшими товарищами Цинфелина, их товарищи — жонглеры и музыканты — развлекали дворцовых дам. Разумеется, случались всякого рода недоразумения, и не одному музыканту пришлось спешно покидать Бенойк, спасаясь от разъяренного мужа какой-нибудь сугубой любительницы лютневой музыки.

Ежедневно юного графа приводили в большой зал — в былые времена здесь устраивались пиршества.

Цинфелина усаживали на большой трон, стоявший у стены в торце зала, под гигантским изображением родового герба. Справа и слева от трона выстраивалась стража: не столько для того, чтобы охранять самого Цинфелина, сколько для того, чтобы в случае вспышки ярости со стороны юного графа спасти ни в чем не повинных музыкантов.

Пару раз Цинфелин все-таки ухитрился вывернуться и наброситься на какого-то не угодившего ему бедолагу. Тот еле унес ноги из Бенойка. Гарлот послал ему мешочек с монетами — в знак утешения, подарил подбитый мехом плащ и попросил прощения.

Впрочем, это был единичный случай, ибо скоро Гарлот понял: одаривать всех обиженных Цинфелином — никаких денег не напасешься.

Юному графу не нравилась музыка. Он зевал, когда ему читали поэмы, требовал выпивки и еды, когда прелестные танцовщицы показывали ему самые соблазнительные танцы. Ни жонглеры, ни дрессировщики зверей, ни акробаты не в силах были вызвать на его лицо улыбку.

Тем не менее праздник продолжался. Странное то было празднество: все веселились насильственно, с большим трудом, в большой пиршественный зал шли как на казнь, с мрачным настроением. Слухи о характере юного графа разошлись среди артистов со скоростью лесного пожара. Артист создан для радости — а какое может быть удовольствие веселить человека, который только о том и мечтает, чтобы тебя удавить!

И только однажды Цинфелин выказал некоторое подобие интереса.

Перед ним выступали два странствующих фокусника, мужчина и женщина. Одеты они были в странную одежду — просторные шелковые рубахи, расписанные изображениями удивительных существ, и штаны с пузырями над коленями. Множество лент, байтов и бусин украшали их наряд.

Оба они по-своему очень красивы, с молочно-белой кожей и темными глазами. Они обладали неуловимым сходством, которое могло быть и родственным, но могло быть связано с глубокой душевной близостью: так муж и жена, прожившие вместе много зим, становятся в

конце концов похожи, как брат и сестра.

Цинфелин, впрочем, посмотрел на них без всякого интереса. Его обязали «насладиться» представлением — и он неподвижно сидел на своем троне, безрадостно наблюдая за фокусами.

Прочие артисты, танцовщики и музыканты, стояли поблизости, отдыхая и наблюдая за работой своих сотоварищей.

Молодой мужчина выставил посреди зала большое овальное зеркало и сделал широкий жест.

— Прошу вашу светлость посмотреть в это зеркало!

Цинфелин послушно наклонился вперед и заглянул в зеркало.

— Я ничего не вижу, — удивленно произнес он. И перевел глаза на фокусника: — Ты хочешь сказать, что меня больше не существует в мире живых? Что даже зеркала не отражают моего лица?

— Вовсе не это, — поспешно возразил фокусник. — Я лишь хотел удивить вас. Взгляните же, может быть, теперь вы увидите кое-что...

И снова Цинфелин подчинился и с самым равнодушным видом посмотрел в зеркало. Теперь оттуда выглядывала та женщина, которая была с фокусником.

Цинфелин невольно обернулся, чтобы посмотреть — не стоит ли она за его плечом; но рядом с ним никого не было. Трон, герб на стене — и все. Женщина куда-то скрылась.

— Где она? — спросил Цинфелин. — Это какая-то загадка? Учти, я не люблю загадок!

— Вашей светлости не придется ничего отгадывать — я все расскажу и покажу сам. Но разве вашей светлости не хотелось бы немного удивиться?

Цинфелин задумался, намереваясь как можно бодрее добросовестно ответить на этот вопрос.

Потом покачал головой:

— Я вообще не хочу ничего чувствовать. Если я допущу чувства в мою душу, то первым, что в нее войдет, будет боль, а мне бы этого не хотелось...

— Будем рассматривать удивление как явление рассудочное, а не душевное, — предложил фокусник.

— О, ты, кажется, изучал философию? — Цинфелин подался вперед, внимательно всматриваясь в фигляра. — Странно, — пробормотал он. — Сейчас, когда я получше разглядел тебя, мне кажется, будто я вижу человека, получившего хорошее воспитание... И это меня настораживает. Проклятье, кажется, тебе все-таки удалось меня удивить!

— Это не входило в мои планы, — поспешно сказал фокусник. — Моя персона не должна занимать вашу светлость ни в коем случае. Единственная моя цель — развлечь вашу светлость. Прошу, попробуйте еще раз посмотреть в зеркало.

Цинфелин глянул на полированную поверхность стекла и отпрянул: девушка смотрела оттуда и улыбалась. В этот миг фокусник хлопнул в ладоши, и его спутница выскочила из сундука, стоявшего возле стены.

Даже артисты, втайне завидовавшие фокуснику (еще бы! с ним единственным Цинфелин заговорил), разразились восторженными криками. А фокусник взметнул руки и снова указал на зеркало.

— Посмотрите теперь.

Цинфелин наклонился вперед, а затем — о чудо! — встал с трона, приблизился и присел перед зеркалом на корточки, внимательно всматриваясь.

Он видел незнакомый берег. Волны бились о скалы, высоко под самыми тучами виден был замок, а над островерхими башнями замка летали птицы.

Затем картина изменилась: теперь перед глазами молодого графа предстали купающиеся в море девушки с длинными зелеными волосами и прозрачными глазами цвета аквамарина. Вот одна из них нырнула, над волнами мелькнул русалочий хвост...

Сценка исчезла в брызгах пены и сменилась видением густого леса. Темно-зеленое кружево папоротников скрывало неподвижную фигуру убитого воина; кровь яркими

рубинами алела на траве и листьях. А рядом с воином лежало мертвое чудовище, и прекрасная дева стояла, в печали глядя на погибшего...

Поднялся туман и затянул всю сцену. Когда мгла рассеялась, Цинфелин увидел поединок двух полуобнаженных гладиаторов, вооруженных длинными кинжалами.

И почти сразу же эта картина скрылась, а вместо нее появилось хмурое море. Башня-маяк стояла на берегу узкого пролива, чайка одиноко кричала в вышине, и от этого печального крика местность казалась еще более заброшенной.

Цинфелин неожиданно побледнел. Он встал, отошел к окну, как бы не желая больше смотреть в зеркало, но затем вдруг подбежал к стеклу вплотную и прижался к нему лицом. Спутница фокусника, стоявшая ближе, заметила, что глаза Цинфелина закрыты, и по щекам из-под зажмуренных век катятся слезы.

Фокусник с любопытством наблюдал за молодым графом.

— Кажется, нам удалось вызвать ваш интерес, ваша светлость? — вкрадчиво осведомился он.

Цинфелин открыл глаза и несколько мгновений пристально всматривался в зеркало. Наконец он с трудом оторвался от картины.

— Да, — отрывисто бросил он. — Ваше зеркало... оно ведь магическое?

— Я бы так не сказал, — возразил фокусник. — Это всего лишь наука. Видите ли, ваша светлость, мы с моей подругой родились в городе Авенверес. Этот городок расположен на одном из островов, далеко в море... Считается, что это — уцелевший обломок Атлантиды. Поэтому и внешность наша обладает некоторыми отличительными особенностями — мы не похожи на других обитателей Хайбории...

Он поклонился и с улыбкой посмотрел на юного графа. Цинфелин выглядел взволнованным.

— Атлантида? — прошептал он.

— Так говорят наши старейшины, и у нас нет оснований им не верить.

Один из музыкантов, вне себя от зависти при виде того, какого успеха добился этот проходимец-фокусник, громко выкрикнул:

— Стало быть, наследники Атлантиды ради пропитания показывают теперь грошковые фокусы!

Кругом засмеялись. Насмешник горделиво огляделся по сторонам.

Цинфелин рассвирепел. Он поднялся с трона и закричал:

— Стража! Всех вон отсюда! Вывести всех вон!

Грохоча доспехами и оружием, в зал вбежали стражники. Они принялись весьма бесцеремонно хватать артистов и выталкивать их из зала. Какая-то арфистка отбивалась с гневным криком:

— Не прикасайся! Убери свои грязные лапы! Я и сама уйду!

Певец, которого любезно подталкивали кулаком в шею, возмущался:

— Как ты смеешь, мужлан! Я выступал перед королями!

— Давай, давай! — посмеиваясь, подбадривал стражник. — Нам-то какое дело, мы-то не короли!

Визжащую акробатку, миниатюрную девушку с длинными светлыми волосами, дюжий детина ухватил поперек туловища и уволок, как куклу.

Цинфелин даже не смотрел на происходящее, хотя — следует отдать должное стражникам и артистам! — зрелище было весьма любопытное и, можно сказать, забавное.

Фокусник и его подруга от души наслаждались, наблюдая за разгромом. Девушка даже подмигнула своему спутнику, а затем перевела простодушный взгляд на Цинфелина и растянула губы в веселой улыбке.

Наконец в зале остались лишь молодой граф и двое фокусников. Цинфелин показал рукой на стол:

— Здесь, кажется, осталось угощение... Берите, сколько хотите. Кажется, я не предложил вам перекусить.

— Выступать лучше на голодный желудок, — сообщил фокусник. — Лучше думается и сноровка совершенно другая. Сытый артист мечтает только об одном: о мягкой перине. Мы ведь очень ленивые люди, ваша светлость, и если что-то нам и по душе, так это безделье.

Девушка ущипнула его за бок.

— Говори о себе! Мне нравится то, что я делаю.

Он живо повернулся к ней:

— Это потому, что вся твоя работа заключается в сидении в сундуке.

Цинфелин хлопнул в ладоши.

— Довольно! Препираться будете наедине, а сейчас — ешьте и отвечайте на мои вопросы.

Фокусники не заставили просить себя дважды — они быстро устроились за столом и принялись уминать закуски, запивая их вином. Цинфелин смотрел на них с отрешенным видом. Его ничуть не раздражало, что эти бродячие фигляры жуют и чавкают в его присутствии, хотя мало кто из земных владык допустил бы подобную фамильярность.

Наконец Цинфелин сказал:

— Вы утверждаете, что в вашем зеркале нет никакой магии?

— Может быть, самая малость, — ответил мужчина с набитым ртом.

— И вы действительно потомки атлантов?

— Возможно, — сказал мужчина.

А женщина добавила:

— Так иногда говорят. Мы в точности и сами не знаем. Но некоторые признаки позволяют нам соглашаться с этим предположением. А некоторые... — Она пожала плечами.

— Это не важно, — махнул рукой Цинфелин. И глубоко задумался.

Пауза длилась довольно долго, и фокусники уж совсем было решили, что разговор окончен, но молодой граф все не давал им дозволения уйти. Наконец он спросил:

— Вы видели все то, что показывали зеркала?

— Кое-что из этого.

— А другое?

— Кое-что — плод наших измышлений. Но зеркало лишь угадывает нашу фантазию и находит нечто подобное в действительности.

— Иными словами, все, что отражает зеркало, так или иначе существует, и это можно найти?

— Да, ваша светлость. Если постараться, то найти можно все.

— Ясно, — кивнул Цинфелин.

Теперь от полубезумного, измученного болезнью, бессонницей, видениями и приступами бешенства молодого человека ничего не осталось. Перед артистами сидел молодой граф, человек, в точности уверенный в том, чего он хочет и чего добивается от других. И снова повисла долгая пауза. Закуски на столе закончились. Обтирая губы, артисты молча ждали продолжения разговора — или приказа удалиться.

Цинфелин вдруг встрепенулся и уставился на фокусников так, словно видел их впервые.

— Вы кто такие? — с подозрительностью осматривая их, осведомился он.

— Мы... фокусники, ваша светлость, — ответила женщина.

— Что вы здесь делаете?

— Мы развлекали вашу светлость, а ваша светлость позволила нам угоститься...

— Я? Дозволил угоститься? Вы что, ели тут у меня на глазах? И в этом заключалось ваше развлечение? Вы умеете как-то особенно чавкать?

Фокусники переглянулись. Гневные пятна поползли по бледному лицу Цинфелина. Он медленно поднялся с трона.

— Да вы знаете, что я сделаю с вами за это!..

И вдруг он обмяк и упал обратно на сиденье.

— Я вспомнил! — проговорил он совершенно другим тоном, в котором прозвучало

признание собственной вины. — Вспомнил. Вы показывали мне удивительные картины в зеркале, и я сам позволил вам подкрепиться. Да, так оно и было. Вот что. Я хочу, чтобы вы пришли ко мне еще раз. Вечером. Нет, лучше ночью. Вы придете? Приходите оба, и возьмите с собой зеркало. Я хочу, чтобы вы снова развлекали меня призрачными картинами. На сей раз нам никто не будет мешать. Никакие посторонние люди. Мне они мешали наслаждаться, поэтому я приказах их выгнать. Да, поэтому...

Он помолчал еще немного и заключил:

— К тому же ночь — верная союзница тех, кто хочет увидеть незримое, не так ли?

Фокусники с поклоном покинули зал и вышли в коридор. Там их сразу окружила стража. Они хотели было направиться к выходу, но начальник стражи махнул своим людям, и те скрестили перед носом у артистов копья.

— Куда?

— Нам нужно выйти, — объяснил мужчина. — Там, снаружи, остались наши вещи.

— Вы никуда не пойдете, — сказал начальник стражи. — Следуйте за мной.

— Но... — начал было мужчина.

Женщина взяла его за руку.

— Нам не причинят вреда, — тихо обратилась она к своему спутнику. — Подчинись ему и не спорь.

Женщина оказалась права. Молчаливый начальник стражи просто доставил обоих фокусников в личные покои графа Гарлота и запер за ними дверь.

Гарлот расхаживал по комнате, заложив руки за спину. При виде фокусников он остановился и резко развернулся.

— Итак, вам это удалось, — проговорил он.

— Что, ваша светлость? — с низким поклоном осведомился мужчина.

Кланялся он почтительно, но с неуловимым оттенком высокомерия: так истинный аристократ приветствует другого аристократа, более могущественного и знатного.

— Не притворяйтесь! — Граф Гарлот сжал кулаки. — Вы хорошо знаете, о чем идет речь. Мой сын опасно болен. Он утратил интерес к жизни. Он перестал улыбаться, ему не нравятся женщины, он позабыл охоту и верховую езду, выбросил из головы военные тренировки... Так не должно быть. Либо он должен умереть — если уж так сулили боги! — либо вернуться к нам. Вам удалось пробудить в нем интерес. Что вы сделали?

— Показали ему фокус, — ответила женщина.

— Покажите и мне, — приказал Гарлот.

— Эти фокусы были предназначены только для него, — возразил мужчина.

Гарлот вытащил кинжал и поднес к горлу мужчины.

— Я перережу тебе глотку, если будешь мне перечить!

— Как я смею возражать! — ответил мужчина спокойно, и тут Гарлот почувствовал, как острое другого кинжала упирается ему в живот.

Неуловимо быстрым движением фокусник извлек собственный кинжал и незаметно приставил его к телу графа. Поступок был дерзкий и мог стоить фокуснику жизни, но Гарлот лишь рассмеялся.

— Я так и понял, что ты — непростая птица! Как тебя зовут?

— Югонна.

— А твою спутницу?

— Далесари. Мы супруги.

— Это можно было предположить, видя ваше единодушие... Итак, вы нашли дорожку к сердцу моего сына. Учтите, у меня нет ничего дороже, чем сын.

— Мы это знаем.

— Не перебивайте! — Гарлот хлопнул ладонью по столу. — Слушайте меня. Я хочу, чтобы вы рассказывали мне обо всем, что происходит с моим сыном. Если он вам откроется, вы обязаны сообщить мне... Я не могу больше жить в неведении. Мне нужно знать, какой тайный недуг подтачивает душу Цинфелина.

Глава вторая

Нападение в темноте

По крайней мере, теперь у нас есть деньги, — заметил Югонна, когда они с Далесари спускались из замка в городок.

Обиталище графов Бенойка — древний родовой замок — был возведен на вершине высокого холма (здесь его называли «горой»). Между замком и городом было свободное пространство — там устраивались турниры и там же проходили тренировки воинства. Сейчас там пестрели палатки.

Чуть дальше виднелись стены городка. Туда и направлялись Югонна с Далесари. Как только они получили от графа Гарлота кошель, туго набитый монетами, Далесари тотчас объявила:

— Мне надоело глотать пищу, воняющую костром! И кислое вино, которое мы покупаем где попало, тоже стоит в горле колом. В конце концов, я привыкла к хорошо сервированному столу.

— Я тоже, — отозвался Югонна. — Не наша вина, что мы никак не можем добраться до Авенвереса.

После того, как магия дяди Далесари перенесла обоих в безводную пустыню, где оба влюбленных чуть не погибли, прошло больше зимы. Воспользоваться магией вторично они не решились. Сам колдун, желавший их погубить, был мертв, но кто знает, какие опасности таили в себе его чары! Нет уж. После долгих переговоров Югонна и Далесари решили возвращаться домой обычным способом — пешком.

Они добрались почти до границы Кхитая в поисках подходящего каравана, а затем двинулись с этим караваном обратно на запад. По пути им пришлось пережить немало испытаний. Сейчас они были гораздо ближе к цели своего бесконечного путешествия. Мало кто узнал бы в опытных странниках бывших изнеженных аристократов. Они умели готовить пищу на костре и привыкли ночевать под открытым небом. Когда у них закончились деньги, они начали выступать, давая представления.

Во многом им помогали знания, полученные в Авенвересе, городе ученых. Там существовал настоящий дворец науки — огромный лабиринт, занимавший половину острова Авенверес. В этом лабиринте годами жили, не покидая его стен, ученые.

Обитая в лабиринте, Югонна исследовал свойства зеркал и стекол, и сейчас ему очень пригодились эти знания.

«Никогда не предполагал, что превращу свои чисто научные достижения в способ доить кошельки добрых граждан», — признавался он своей подруге.

Та только улыбалась. Областью ее научных интересов были травы. Она знала множество растений — распознавала их виды, помнила сроки их цветения и плодоношения, но главное — хорошо разбиралась в том, какие растения целебны или съедобны, а какие — ядовиты или в лучшем случае бесполезны для человека.

Травница также зарабатывала своими умениями. Все это помогало им существовать безбедно.

Известие о том, что граф Бенойка сулит баснословное вознаграждение тому, кто сумеет развлечь юного Цинфелина и вернуть ему интерес к жизни, всколыхнуло молодых супругов. Югонна сказал: «Это наш шанс! Если мы упустим его, то навсегда застрянем здесь. На такие деньги мы сможем купить корабль и наконец вернуться домой...»

Далесари не нашла, что возразить. За плавание по неведомым морям к острову, о существовании которого не знали даже самые опытные капитаны, в любом случае пришлось бы заплатить баснословные деньги. Да еще поди отыщи отчаянную голову, которая согласится на подобное путешествие. Да, деньги необходимы, и деньги очень большие.

Они вошли в городок и направились к кабачку «Увалень».

— Я попрошу мяса с пряностями, — сказал Югонна мечтательно.

Далесари рассмеялась.

— Мы ведь только что угощались во дворце! неужели ты еще голоден?

— Угощение скудное, да и есть под взглядом этого сумасшедшего парня было как-то неприятно. Лично у меня кусок в глотку не лез.

— Вот как ты заговорил! — Она все еще улыбалась. — А поглядеть со стороны — так уминал за милую душу.

Он обнял ее и прижал к себе.

— Как ты изменилась! В прежние времена нам с тобой и в голову бы не пришло обсуждать столь низменные темы.

— Что ж, когда мы будем дома и вернемся к прежнему образу жизни, мы опять перестанем обсуждать низменные вопросы, — сказала Далесари, смеясь и подставляя ему губы для поцелуя.

Они вошли в кабачок и остановились посреди зала.

Первым, кого они увидели там, был Конан-киммериец.

С Конаном они расстались в пустыне зиму назад. Уезжая, киммериец выразил надежду на то, что никогда больше не встретит Югонну с Далесари и не будет вынужден заботиться о том, чтобы они не угробили себя тем или иным нелепым способом.

И хоть Конан действительно спас им жизнь и сумел избавить их от колдуна, к новой встрече с киммерийцем супруги тоже не стремились.

Они переглянулись, и первым их побуждением было бежать. Но было уже поздно.

Конан замахал им полуобглоданной костью — судя по ее размерам, варвар только что умял целого барашка, никак не меньше.

— Югонна! Далесари! Вот это встреча! — взревел он. — Идите-ка сюда! У меня сегодня удача!

Они подошли поближе и уселись на краешек скамьи.

Конан смотрел на них насмешливо.

— Наверное, вы голодны. Пора мне спасти ваши жизни, бедные цыплята. Начну с того, что отгоню от вас костлявый призрак голода, потом мы разделимся с иссохшим призраком жажды, ну а под конец займемся кровавым призраком нависшей над вами опасности...

Югонна не выдержал и засмеялся.

— Единственная кровавая опасность, которая нам грозила, — это твой гнев, Конан. Но ты, кажется, рад видеть нас снова?

— Ну да, — ответил варвар, обгладывая кость. — А почему бы и нет?

Он повернулся к хозяину и щелкнул пальцами.

— Эй, жирный бездельник! Мои друзья голодны, так что тащи все самое лучшее!

Хозяин, унылый с виду истощенный человек, явился с большим подносом, который он каким-то чудом удерживал на копчиках пальцев.

— А где «жирный бездельник»? — прошептал Югонна.

— Тс-с! — шепнула в ответ Далесари. — Не мешай киммерийцу веселиться! Не видишь, он шутит!

— А-а... — протянул Югонна с крайне озадаченным видом.

От Конана не укрылась эта сценка, и он ухмыльнулся, оценив насмешку.

— Кстати, мы тоже при деньгах, — скромно заметил Югонна.

— Хочешь заплатить за всю компанию? — поинтересовался Конан.

— Просто хочу указать тебе на то, что мы кое-чему научились.

— Это очевидно и без указаний, коль скоро вы еще живы и даже добрались до Аргоса.

Возражать было нечего, и они просто принялись за трапезу. Конан благодушно наблюдал за обоими, ковыряя в зубах кинжалом. Наконец киммериец заговорил:

— А правду ли болтают, будто здешний граф очень болен и едва ли ни при смерти?

— Отчасти это правда, — сказала Далесари.
— Я не люблю уклончивых ответов, — нахмурился киммериец.
— Болен графский сын, — сказал Югонна. — Он утратил интерес к жизни.
— Да, это серьезная хвороба, — с самым озабоченным видом произнес киммериец, после чего расхохотался.

— В тебе нет ни капли сочувствия, — укорила его Далесари.
— Разумеется, нет! — подхватил Конан. — Я считаю его богатым бездельником. Разве не так? Да будь у меня графство, и лошади, и дружина — разве стал бы я зевать и проклинать свою участь? Я бы захватил здешний трон — вот что я бы сделал! Не понимаю, почему такая простая и очевидная мысль не приходит в голову этому... как его зовут?

— Цинфелин, — подсказала Далесари.
— Чем более вычурно имя, тем глупее его обладатель, — отрезал Конан.
— Нет, его что-то действительно гложет, — заметил Югонна. — Он не притворяется. Он и сам не рад, что так вышло.

Конан насторожился.
— Так вы его видели?
— Да, и даже пытались развлечь.
— Судя по тому, как набит ваш кошелек, вам это удалось. — Интерес Конана возрастал с каждым мгновением.

— И да, и нет, — сказала Далесари со вздохом. — Мы показывали фокусы со зрячими зеркалами... Наши зеркала умеют отражать разные воображаемые картины.

— Это магия?
— Очень слабая, — быстро сказал Югонна. — И безвредная. Просто иллюзия.
— Иллюзия может свернуть человеку шею, — пробормотал Конан. — Даже без особого труда...

— Мы вовсе не хотим никому сворачивать шею, — возразил Югонна. — Мы хотим нанять корабль, чтобы вернуться домой, а для этого необходимы деньги. Только по этой и ни по какой другой причине мы взялись развлекать юного графа.

— К тому же нам его жаль, — добавила Далесари. — Он так молод... и довольно симпатичный.

Югонна и Конан уставились на нее с одинаковым изумлением. Девушка покраснела и опустила глаза.

— А что такого?.. — упрямо прошептала она.
В этот момент несколько человек, сидевших возле выхода, поднялись и вышли наружу. Конан проводил их глазами.

— Неприятные малые, — заметил он. — Что ж, друзья мои, приятно было повидаться. Так и быть, заплачу сегодня за всех, но завтра, если ваше дельце выгорит, вы меня угостите.

Конан встал из-за стола и направился к лестнице на второй этаж — он снимал в этом кабачке комнату.

Фокусники попрощались с ним и двинулись к выходу. За разговорами и дружеской трапезой они не заметили, как прошло время. Уже стемнело, наступал вечер — пора было возвращаться во дворец.

Они сделали несколько шагов по улице, завернули за угол, и тут кто-то набросил на голову Далесари мешок из грубой мешковины. Она дернулась, пытаясь бежать, но грубые руки удерживали ее крепко.

— Югонна! — приглушенно вскрикнула девушка, но ничего не услышала в ответ.
Кто-то связывал ей запястья, а когда она попробовала вырваться, ударил ее по голове, так что она на миг потеряла сознание.

Югонна успел заметить карауливших их людей прежде, чем те напали, — но все-таки слишком поздно, чтобы выскочить из ловушки и утащить с собой Далесари. Он ухитрился лишь увернуться, когда на него также пытались накинуть мешок. А затем, выхватив кинжал, храбро набросился на негодаев.

Если бы Югонна действительно был магом или хотя бы могущественным мастером иллюзий, он бы сейчас один расправился с пятью разбойниками, не прилагая даже особого труда. Но, к сожалению, вся магия Югонны заключалась в зеркалах и была бессильна против грубого насилия.

Поэтому ему ничего не оставалось, как попытаться справиться с нападавшими самым обычным способом — ножом и кулаками.

Силы были слитком неравными, и Югонна хорошо отдавал себе в этом отчет. Он знал также, что разбойники сейчас разделятся: один потащит прочь Далесари, а остальные наваятся на Югонну и задержат его, чтобы он не успел прийти на помощь подруге.

Так и произошло. Как ни старался Югонна обойти своих врагов и броситься вслед за похитителем Далесари, ему не удавалось продвинуться вперед ни на шаг. Разбойники, казалось, были повсюду. В узком темном переулке трудно было надеяться проскочить мимо них.

Югонне разбили губу и рассекли ножом бровь, так что кровь теперь заливала ему глаза и мешала видеть. Острая боль поселилась у него в боку — он даже не понял, когда и как это произошло, и уж тем более не мог решить, насколько опасна его рана. Ему было тошно, и голова кружилась, но Югонна не обращал на это внимания. Снова и снова набрасывался он на похитителей, размахивая кинжалом и даже пару раз попав в цель.

— Кром!

Боевой клич киммерийца разнесся эхом по переулку.

Югонна вздрогнул от радости. Он даже не надеялся на чью-либо помощь: здешние горожане — как, впрочем, и любые почтенные горожане, — предпочитали не вмешиваться в подобные происшествия. Особенно если жертвами нападения становились какие-то чужаки.

Да и совладать с этими бандитами было бы не так-то просто. Но киммериец не раздумывая кинулся в битву.

Для начала могучим ударом кулака он сшиб с ног одного из них и тотчас развернулся всем телом навстречу другому. Тот замахнулся на киммерийца мечом. Конан присел, и клинок просвистел у него над головой. Поднимаясь, Конан нанес разбойнику удар снизу вверх, распоров его живот.

Бандит дико закричал и уставился на собственные кишки, вывалившиеся наружу. Кровь стекала по его ногам, пятная мостовую.

Варвар разразился насмешливым хохотом. Югонна понял, что еще немного — и его вывернет.

Третий разбойник метнул в Конана кинжал. Лезвие пропорол киммерийцу куртку не причинив ему самому ни малейшего вреда. Конан, не раздумывая, обрушил меч па голову нападавшего. Голова разлетелась пополам, белая жидкость вытекла вместе с кровью, а тело повалилось, как мешок, к ногам киммерийца. Руки обезглавленного тела пару раз судорожно сжались и разжались и наконец застыли.

Югонна с отчаянным, сдавленным воплем отпрянул к стене. Его тошнило, он боялся даже шевельнуться — и больше всего на свете он мечтал оказаться где-нибудь очень далеко отсюда.

Последний разбойник бросился бежать. Конан устремился за ним в погоню.

Охваченный ужасом, бандит мчался туда же, куда уже скрылся с похищенной Далесари его сотоварищ. Киммериец неуклонно настигал его. Ударяя, разбойник громко стучал сапогами по мостовой; киммериец же, босой, бежал совершенно бесшумно, как кошка. Он и видел в темноте, как кошка, и движения его были легки, несмотря на массивность сложения.

Вот впереди мелькнула спина убежавшего. Недолго думая, Конан бросил кинжал, выхватив его из-за пояса, и попал бегущему между лопаток. Разбойник дернулся так, словно налетел со всего маху на стену, и повалился лицом вперед. Он был еще жив, когда Конан, перепрыгнув через него, настиг последнего, пятого.

Тот приставил кинжал к горлу связанной девушки.

— Ни с места, негодяй, иначе я убью ее!

— Да? — преспокойно отозвался Конан. Он даже не запыхался. — Ну и убивай. Тебе ведь приказано доставить ее живой, не так ли?

— Я убью ее! — повторил разбойник.

Он прижал лезвие сильнее и разрезал нежную кожу на шее девушки. Потекла кровь. Далесари сдавленно закричала под мешком.

Неуловимым для глаза стремительным движением Конан метнулся к разбойнику и ударил его кулаком между глаз. Удар был так силен, что бандит откинулся назад — и приложился затылком к стене здания, возле которого стоял.

Кинжал выпал из его ослабевших пальцев. Конан мгновенно схватил его за руку и дернул. Кость хрустнула, и переулок огласился звериным воплем боли. Конан оттолкнул от себя бандита и напоследок презрительно пнул его ногой.

— Это научит тебя вежливому обращению с дамами.

Он взял Далесари за локоть.

— Ты цела?

Девушка кивнула головой в мешке.

— Развяжи меня, — глухо попросила она.

Конан потащил ее за собой. Когда они добрались до разбойника, убитого ножом в спину, Конан наклонился и выдернул из тела свой кинжал. Он разрезал веревки, стягивавшие нежные запястья Далесари, однако мешок снимать не позволил.

— Незачем тебе видеть то, что здесь произошло, — сказал он.

— Но я хочу видеть! — возразила она. — В конце концов, я рисковала жизнью!

— Ты рисковала жизнью? — удивился Конан. — По-моему, тебя просто хотели убить.

— Ну да.

— Это не одно и то же, — заявил варвар. — Рискует жизнью тот, кто дает на это согласие. Кроме того, то зрелище, от которого я хочу тебя избавить, не стоит даже медной монетки!

— Но я хочу... — начала было Далесари снова.

Конан бесцеремонно потащил ее за собой.

Он надеялся, что Югонна уже ушел от трупов и вернулся в кабачок «Увалень». Но Югонна, парализованный ужасом и болью, продолжал оставаться на месте.

Его левый бок был окровавлен, лицо разбито. Он сидел на мостовой рядом с двумя трупами и тупо смотрел в стену.

Завидев киммерийца, возвращавшегося с девушкой, он вострепнулся.

— Далесари!

Она услышала его голос и вдруг, вывернувшись из рук Конана, сдернула с головы мешок.

— Югонна!

И тут Далесари застыла с раскрытым ртом. Она увидела то, о чем предупреждал ее киммериец. Вид человеческих кишок, разбросанных по мостовой и растоптанных, вид разбрызганного с кровью мозга и изуродованной головы потряс ее.

Она несколько раз судорожно зевнула и вдруг ее вытошнило. Конан едва успел отскочить.

— Ну вот, — проворчал он. — Теперь ты поняла, что я был прав.

Югонна зашевелился со стоном.

— Нужно уходить отсюда.

— Как ты догадался? Ты вообще сообразительный малый, — съязвил Конан.

— Я ранен, — сказал Югонна. — Мне не встать без помощи.

Конан перевел взгляд с Югонны на Далесари и обратно.

— Так кого мне тащить на себе? — осведомился киммериец. — Тебя или твою женщину? Или, может быть, вас обоих?

Югонна вместо ответа попробовал подняться на ноги. К его удивлению, это ему удалось.

Конан не без насмешки наблюдал за его усилиями. Опытным взглядом киммериец уже видел, что рана Югонны не опасна — ему просто распорили кожу на боку. Крови много, да и неприятно, но совершенно не смертельно.

— Возьми мою руку. — Конан протянул ему руку, и Югонна вцепился в его локоть мертвой хваткой. — Все, уходим. Скоро сюда придет стража, а я очень не люблю отвечать на вопросы стражников, особенно ночных — эти раздражительны. К тому же у меня совершенно нет ответов. А у вас?

— В каком смысле? — спросила Далесари.

— В том смысле, что это ведь на вас напали. Кто хотел вас угробить? — резко проговорил Конан.

— Откуда нам знать? — ответил за обоих Югонна. — Мы здесь никогда прежде не были. Возможно, завистники...

— Завистники? — Конан изумленно посмотрел на фокусников. — Кто же может вам завидовать?

— Другие артисты, — с достоинством объяснил Югонна. — Нам ведь удалось то, в чем не преуспел больше никто.

— Нет, — решительно сказал Конан. — Этого не может быть. Для того, чтобы организовать такое покушение, нужно по меньшей мере быть местным жителем. Пять бандитов! Да кто из пришлых знает, где их искать и как нанимать? К тому же у артистов не водится столько денег... Если бы это были завистники, они попытались бы убрать вас своими руками.

— В таком случае, у нас вообще нет ни ответов, ни предположений, — сказала Далесари.

— Ну а у меня есть, — проворчал киммериец. — Кому-то из здешних сановников очень не хочется, чтобы Цинфелин пришел в себя и избавился от своей болезни.

— Цинфелин! — встрепелась Далесари. — Мы должны быть у пего в замке и давать еще одно представление!

— Ночью? — удивился Конан.

— Да, он просил нас прийти ночью. Говорит, по ночам у магии появляется дополнительная союзница — тьма. В темноте, по его словам, просыпаются тайные силы...

— Ничего нового, — буркнул Конан. — Я и сам предпочитаю работать по ночам.

— Работать? — с неподдельным ужасом воскликнула Далесари. — Не хочешь же ты сказать, что по ночам забиваешь сваи или возишь камни на строительстве какого-нибудь храма?

Несмотря на жуть, все трое рассмеялись.

— Нет, — сказал Конан, отсмеявшись. — Когда я говорю о «работе», я имею в виду нечто более... прибыльное, чем таскание камней на строительстве храма. Как бы там ни было, но юный граф взял себе в союзники ночь — а значит, и все силы тьмы; стало быть, и меня.

— Ты хочешь отправиться с нами в замок?

— Не вижу другого способа попасть туда, — сказал Конан. — Нет, способы, конечно, есть, но этот самый простой. Я ведь говорил, что должен отогнать от вас кровавых призраков беды... Так что уж не спорьте со мной сейчас.

— Конан, — нерешительно проговорил Югонна, — я буду тебе очень признателен...

— Мы оба будем тебе признательны, — перебила Далесари.

— Мы оба, — подхватил Югонна. — Нам нужен человек, который поберег бы наши жизни. Похоже, здесь нам угрожает нешуточная опасность.

— Ну так бегите! Не задерживайтесь здесь ни минуты.

— Нет, — хором произнесли супруги.

Югонна объяснил:

— Нам нужны эти деньги, ты же знаешь.

А Далесари добавила:

— Нам жаль молодого графа...

Глава третья

Граф показывает фокусы

— Кто этот верзила? — осведомился начальник дворцовой стражи, когда Конан вместе с обоими фокусниками предстал перед ним. Они успели переодеться в чистое и перевязали рану Югонны. Конан маячил за спинами своих знакомцев, превосходя их в росте по меньшей мере на голову.

— Это? — Югонна повернулся и глянул на Конана. — Наш помощник. Он носит зеркало. И вещи. И иногда — Далесари.

— Он переносит меня через препятствия, — объяснила Далесари. — Через лужи, камни... В общем, там, где трудно пройти.

Конан сильно сопел у нее за спиной.

Начальник стражи махнул рукой.

— Проходите. Граф Цинфелин ждет вас. Я предупрежден насчет двоих фигляров, но коли вас трое...

— Это необходимо для нашего представления, — твердо заявил Югонна.

И они зашагали по коридору. Начальник стражи проводил их глазами и, пожав плечами, отправился спать.

Цинфелин ждал их прибытия с нетерпением. Когда дверь его личных покоев открылась, и показалась Далесари, молодой граф сам бросился к ней навстречу. Он больше не был ни бледным, ни вялым. На его щеках играл лихорадочный румянец, глаза горели, пересохшие губы все время шевелились, как будто Цинфелин вел бесконечный и беззвучный диалог с самим собой.

— Наконец-то! — воскликнул он, хватая Далесари и Югонну за руки и втаскивая их в комнату.

Он тут же осекся, заметив Конана: — А это кто?

— Наш помощник.

— А, хорошо...

Цинфелин сразу же перестал обращать на Конана внимание, и киммериец, устроившись в углу, занял удобный наблюдательный пост, как раз рядом с кувшином, полным вина.

Напрасно Югонна боялся, что юный граф обратит внимание на растерзанный вид обоих фокусников. Хотя в комнате и горел факел, воткнутый в стену, Цинфелин совершенно не замечал ссадин и разбитой губы Югонны, красной полоски на шее Далесари. Он целиком и полностью был поглощен своими мыслями.

— Зеркало с вами? — жадно спросил он.

Югонна вынул из мешка зеркало и установил его перед графом.

— Отлично! — воскликнул Цинфелин, потирая руки. — Превосходно! А сейчас покажите мне, пожалуйста, еще раз некоторые картины.

— Что именно хочет увидеть ваша светлость? — вежливо осведомился Югонна.

Конан шумно отхлебнул вина и, заметив, что Далесари с укоризной посмотрела на него, приветливо махнул ей рукой.

И снова Цинфелин явил полное безразличие к происходящему вокруг него.

— Помните ту картину... маяк возле пролива? — быстро проговорил он. Далесари обратила внимание на то, что юный граф чуть задыхается.

— Маяк? — переспросила она. — Но почему вашу светлость так взволновала именно эта картина? По-моему, она самая мирная и успокаивающая.

Югонна покосился на свою подругу. Вечно ей нужно возражать! Всегда и на все у Далесари имеется собственное мнение! Когда-нибудь это здорово их подведет...

— Его светлость хочет увидеть маяк, — мягко заметил Югонна. — Зачем же рассуждать и тем более возражать? Просто покажем еще раз маяк, вот и все... Лично мне тоже нравится эта картина. Хотя большинство мечтательных юношей, разумеется, выбрали бы русалок.

С этими словами он провел рукой над зеркалом, и там снова за клубился туман, а сквозь разводы и пятна тумана проступила белая башня с фонарем наверху. Серые воды пролива тихо плескали у подножия башни, чайка кружила в воздухе.

Цинфелин так и прирос взглядом к этой картине. Конан привстал, чтобы лучше видеть — что именно так поразило юного графа. Пока что ничего особенного не происходило.

— Хорошо, — прошептал наконец Цинфелин. — Очень хорошо... Я видел все, что мне было нужно... И... — Он перевел взгляд на обоих фокусников, а затем посмотрел прямо в синие глаза киммерийца. — И я хочу спросить вас, вас троих: вы будете моими друзьями?

Они молчали, ошеломленные этим неожиданным вопросом.

— Что? — вскрикнула Далесари, не сдержавшись.

— Я хочу знать, согласны ли вы стать моими друзьями, — настойчиво повторил принц. — Потому что никто из моих прежних друзей не поймет... Они просто не в состоянии понять — в отличие от вас... Но мне нужны преданные люди. Люди, которым от меня ничего не нужно.

— Кроме денег, — спокойно произнес Конан.

Юный граф вздрогнул, а затем расслабился.

— Да, я заплачу вам денег за услуги, — согласился он так, словно речь шла о чем-то несущественном. — Но не это важно. Я хочу, чтобы вы не предали меня. И не ради денег, а ради меня самого.

— Хорошо, — все так же спокойно сказал Конан. — Вы рассуждаете как настоящий король. Как король, попавший в беду. Я согласен вам служить.

— Мы согласны, — поправил Югонна, с укоризной глядя на Конана.

— Рад видеть такое единодушие в моих товарищах, — объявил Конан. — Итак, мы готовы. Можете нам довериться.

— Отлично! — Цинфелин встал и развел руки в стороны. — Вы показали мне отменный фокус, а теперь позвольте и мне показать вам свой. Я потому и попросил вас прийти ко мне ночью, что мой фокус происходит только по ночам. Зато ежедневно. Точнее, еженощно. Смотрите...

Он указал на каменную стену, и вдруг Югонна с ужасом понял, что поверхность стены расплывается, становится зыбкой, как будто погружается в туман. Миг — и из этого тумана выступила живая картинка.

В первые мгновения она представлялась чем-то вроде барельефа, но затем фигуры ожили, зашевелились, обрели собственное бытие, и теперь наблюдателям казалось, что они смотрят на некую сцену, разворачивающуюся в невероятной дали.

Перед их глазами была темная мрачная комната с голыми каменными стенами и единственным узким окном. И к этой стене был прикован человек.

Тяжелые оковы охватывали его запястья и щиколотки, короткие цепи с толстыми звеньями прочно крепились к стене. Грубый железный ошейник смыкался на шее узника, и от ошейника тоже тянулась цепь.

— Смотрите, — прошептал Цинфелин.

Изображение вдруг сделалось еще более отчетливым, и Далесари вскрикнула: узник оказался совсем юной девушкой.

Она была тонкой, как тростинка. Долгое мучительное заточение изнурило ее, но она все еще сохраняла следы замечательной красоты. Огромные зеленые глаза девушки были распахнуты. Она явно ощущала присутствие наблюдателей и пыталась отыскать их взглядом. Затем слабая улыбка показалась на ее лице — она заметила Цинфелина.

Пересохшие губы девушки зашевелились. Она что-то говорила.

Цинфелин, не в силах оторвать от нее взгляд, шепнул своим гостям:

— Я научился читать по губам. Теперь я знаю, что она произносит — ночь за ночью, все то время, что мы с ней видимся. Она умоляет спасти ее. Тот, кто держит ее в заточении, каждый день подвергает ее пыткам. Ее морят голодом, ее мучают жаждой, ее запугивают и принуждают к отвратительным вещам. Пока что она не давала своего согласия на эти вещи... Но рано или поздно она не выдержит. Либо жизнь покинет ее, либо она согласится — и тогда потеряет свою душу...

Девушка вдруг широко раскрыла рот, из ее глаз покатались слезы, она дернула прикованной рукой, как будто хотела удержать ускользающее видение... и картина растаяла. Перед зрителями вновь была голая стена.

— Кром! — пробормотал Конан. — Вот это история. Вы верите в ее реальность?

— Да, — сказал Цинфелин. — Она существует. И... я люблю ее. Я полюбил ее с того самого первого раза, как увидел. Она приходит ко мне и просит, умоляет... Сперва она просто пыталась делить со мной одиночество, но потом... Говорю вам, кое-что из того, что она произносит, мне удастся разобрать.

— Боги, да разве нужны слова! — прошептал Югонна. — Какие потребны слова, если женщина прикована к стене и измучена голодом и пытками? Но как нам помочь ей?

— Я думаю об этом день и ночь, — признался Цинфелин. — Я никому не мог рассказать об этом. Впервые видение посетило меня во время болезни. Наверное, я умирал и находился уже между мирами, поэтому страдающий дух этой девушки сумел отыскать мою душу и соединиться с ней. Я услышал зов, который больше никто не мог услышать! Выздоровление моего тела сопровождалось таким страданием моей души, что... передать это словами невозможно. — Он говорил очень просто, не рисуясь, не щадя себя, но и не пытаясь представить «обычным делом» то, что таковым не являлось. — Как мне было поступить? Когда я немного овладел собой и начал соображать, я решил посоветоваться с самым мудрым человеком в графстве. С отцовским советником — Кернивом. Это действительно очень мудрый и ученый человек. И что же?

— Что? — спросил Югонна вежливо, видя, что юный граф нарочно держит паузу.

— Кернив сказал мне, что, по всей вероятности, девушка эта давным-давно мертва. Что мне является привидение. Что существуют такие призраки, которые мучают живых людей, умоляют их о помощи, сводят их с ума своими жалобами... это необходимо им для поддержания собственных сил.

— Полагаю, он прав, — заметил Конан. — Мне доводилось иметь дело с призраками. Многие из них создают довольно выразительные картинки, чтобы вызвать в человеке ответное чувство, а потом словно бы высасывают из него живую душу, измученную видениями. Да, такое бывало.

— Я уверен, что она — не призрак! — горячо заверил Цинфелин. Давно он не чувствовал себя таким оживленным и здоровым, как нынешним вечером. Наконец-то он мог свободно говорить о том, что лежит у него на сердце и не дает покоя! Наконец-то его собеседники готовы выслушать его и понять, а главное — не счесть безумцем.

— Она выглядит вполне реально, — согласился Конан.

Далесари переглянулась с Югонной, и муж еле заметно кивнул ей. Молодая женщина тотчас вступила в разговор:

— Почему вы выбрали именно нас, ваша светлость?

— Потому что вы показали мне маяк и пролив, — был ответ. — И я понял, что передо мной люди, которые поймут, о чем я говорю.

— Маяк и пролив? — недоумевающе переспросила Далесари.

Цинфелин кивнул.

— Вы не заметили кое-что, когда рассматривали ожившее видение на моей стене, — объяснил он, — потому что слишком были поражены видом несчастной девушки. Так происходило и со мной в первые дни, когда она только-только начала появляться... Но затем я заставил себя внимательнее присмотреться к тому, что ее окружает. Я подумал: вдруг это важно? Вдруг я сумею определить то место, куда ее заточили, и прийти к ней на помощь?

— Вам это удалось? — тихо спросила Далесари.

Глаза Цинфелина сверкнули, а Конан негромко вставил:

— Да, я тоже обратил внимание на эту деталь.

Цинфелин удивленно повернулся к киммерийцу:

— Какую?

— Из окна темницы видны пролив и башня-маяк, — преспокойно заявил Конан. И, видя, как вспыхнуло лицо Цинфелина, усмехнулся: — Я ведь правильно разглядел?

— Да, — пробормотал Цинфелин. — Я просто не ожидал...

— Не ожидали, что кто-то не будет настолько захвачен видением прекрасной девушки в цепях, чтобы не обратить внимания на вид из окна ее апартаментов? — подхватил Конан. — Но я всегда сперва смотрю по сторонам, а потом уж предаюсь созерцанию главного. То, что может оказаться главнее главного, всегда прячется где-нибудь в углу. Загадка очень важна, но куда важнее — ключ к ее разгадке.

— Ее башня действительно находится на берегу пролива? — переспросил Югонна.

Цинфелин утвердительно кивнул.

— Да. И когда я увидел в вашем зеркале тот самый вид... Это значит, что вы побывали поблизости и знаете, где эта башня находится.

— Да, — медленно проговорил Югонна. — Мы были там. Это в дне пути отсюда. Та башня показалась нам слишком зловещей, и мы не стали оборачивать к ней зеркало. Но маяк, чайки над ним и волны пролива — это было достаточно живописно, чтобы поместить изображение в зеркало и потом развлекать публику.

— Для контраста, — добавила Далесари. — Разные веселые и живые картины надлежит перемежать видами печальными, зрелищем безлюдья и одиночества. Это заставляет зрителя острее чувствовать радость жизни.

— Все правильно, все правильно... — пробормотал юный граф, явно думая о своем. — Стало быть, Кернив все-таки заблуждается. Эта девушка существует на самом деле и вызывает к нам о помощи.

Цинфелин взволнованно прошелся по комнате и вдруг остановился, резко развернувшись к своим собеседникам.

— Что мы будем делать?

— «Мы»? — тихо удивился Югонна. Ему явно не хотелось вмешиваться в эту историю.

— Вам ведь нужны деньги, — сказал Цинфелин, улыбаясь одними уголками губ. — Я заплачу вам столько, сколько захотите, если вы поможете мне. К тому же работая за деньги вы будете знать также о том, что делаете доброе дело, а такое сочетание встречается в нашем мире нечасто!

— Согласен, — быстро произнес Конан прежде, чем Югонна успел обменяться с Далесари одним из тех выразительных взглядов, коими супруги довольствовались в тех случаях, когда переговоры были невозможны.

— Да, мы согласны, — кивнул и Югонна.

— Отлично! — юный граф потер ладони.

Конан спокойно предложил:

— Сделаем так. Цинфелин и я отправимся на берег пролива. Конечно, было бы целесообразнее взять с собой Югонну, коль скоро он там уже побывал, но...

— Нет, я полагаю, мы с Далесари останемся в Бенойке и попробуем выяснить, кто насылает на юного графа все эти видения, — быстро сказал Югонна. Он поймал проницательный взгляд Конана и чуть покраснел.

— Мы артисты, нас никто не заподозрит в том, что мы соображаем немного больше, чем обычно ожидают от жонглера. Знать презирает таких, как мы, и не слишком стесняется... И далеко не всякому придет в голову присмотреться к нам и догадаться о том, что и мы получили недурное воспитание...

— Только не надо снова рассказывать о лабиринте, населенном учеными, о ваших лабораториях и о том, какими важными научными вопросами вы занимались, — перебил

Конан.

Он тотчас же пожалел о своих словах. Цинфелин удивленно уставился на фокусников.

— Вы — ученые?

Югонна гордо поднял голову.

— Да, ваша светлость, и у себя на родине мы считались довольно многообещающими учеными... Сфера наших интересов...

Конан простонал сквозь зубы. Кажется, он сам выпустил демона на волю. Следующие четверть часа он в который раз уже выслушивал увлекательное повествование о лабиринте в родном Авенвересе, о разных лабораториях, о чудачках, поглощенных своей работой, о разных важных вопросах, которые обсуждаются в лабиринте.

А затем Конан переменял мнение о теме разговора. Произошло это в тот момент, когда молодая чета перешла к рассказу о смешных случаях из жизни ученых. Впервые за долгое время Цинфелин смеялся. Он смеялся и чувствовал, что возвращается к жизни!

«Что ж, — сказал себе Конан, — с таким парнем я, пожалуй, сумею добраться до башни и даже освободить красавицу, кем бы она ни была! А то, в самом деле, предстояло работать в паре с унылым и хворым наследником захудалого графства — трудно придумать компанию хуже...»

Память услужливо подбросила ему образы тех, чья компания была ощутимо хуже: демон, суккуб, воровка, все время попадающая в руки стражи и требующая от Конана помощи, избалованная дурочка, сбежавшая от родителей, беременная воительница... В конце концов, Цинфелин начал казаться киммерийцу вполне приятным, а когда молодой граф улыбнулся, Конан окончательно утвердился в своем мнении: да, все получится. Цинфелин, скорее всего, не доставит ему слишком много хлопот, и даже напротив — может оказаться полезным.

— Завтра же и отправляемся! — Цинфелин вернулся к главной теме. — Я прикажу седлать лошадей.

— Нет, — остановил его Конан.

Цинфелин поднял брови.

— А как ты предлагаешь добираться до залива? Пешком? А для пропитания мы будем по дороге показывать фокусы и стоять на голове?

— Мы не станем выезжать из замка открыто, — объяснил Конан. — Если здесь действительно есть враги графа...

— Но это невероятно! — перебил Цинфелин.

Однако остановить Конана оказалось не так-то просто.

— В замке имеется тайный враг графа Гарлота, — повторил он. — Человек, который хочет, чтобы династия прервалась. Он преследует какие-то собственные выгоды... Пока мы не знаем, кто он и для чего ему это надо, но сомневаться в его существовании — значит, совершать большую ошибку и подвергать опасности свою жизнь. Мы не станем совершать такой ошибки. И поэтому уедем так, чтобы это стало заметно лишь спустя некоторое время. Так, чтобы поздно было останавливать нас или отправлять погоню. Разумеется, лошади нам понадобятся. Купим их при первой же возможности...

— Есть другой способ, — перебил граф. — В числе гарнизонных солдат у меня имеются верные друзья.

— Вы уверены в них? — спросил Югонна.

— Это простые солдаты! Разумеется, я в них уверен. Лучшим из всех был всегда Рихан. Кажется, он пренебрег запретом и навещал меня, пока я лежал у себя в спальне, погруженный в болезненный сон... Хотя, возможно, это мне только приснилось.

— Будем надеяться, что нет, — кивнул Конан. — Итак, решено. Отыщем Рихана и попросим его подготовить для нас лошадей так, чтобы этого никто из посторонних не заметил. Пусть ждет нас за стенами замка и за пределами города, где-нибудь на дороге.

— А мы? — спросила Далесари. — Что делать нам?

— Останетесь в апартаментах Цинфелина, — предложил Конан. — Вряд ли вас станут

здесь искать.

— В графский покой поутру придут слуги, — возразил Югонна. — Возможно, тебе это неизвестно, Копай, но среди аристократии принято, чтобы слуги...

Конан бесцеремонно перебил его:

— Разумеется, мне хорошо известно, что есть на свете такие господа, которые сами себе прыжку на плече застегнуть не могут. Но я сейчас говорю о другом. Покои графа достаточно просторны, чтобы здесь спрятаться. А когда суматоха, вызванная исчезновением Цинфелина, немного * уляжется, настанет самое подходящее время для того, чтобы попробовать выяснить главное: кто же все-таки пользуется здесь злыми чарами.

Глава четвертая

Тайное бегство

То, как просто Цинфелин доверился совершенно незнакомому человеку, утвердило Конана в первоначальном мнении: до болезни юный граф был храбрым воином и добрым товарищем. Только чистосердечный человек способен так легко вручить свою судьбу в руки друга.

Все последующее только укрепляло это впечатление.

Приняв решение, Цинфелин сразу же начал действовать. Он показал Югонне и Далесари небольшую комнатку позади спальни, где хранилась одежда. Длинные сундуки с плоскими крышками могли послужить идеальной постелью для путников; угощение юный граф лично перетащил туда же из своих жилых комнат.

— Пересидите здесь первое время, — сказал он. — Если услышите, что кто-то направляется в эту комнату, прячьтесь в сундуки. Впрочем, маловероятно, чтобы кто-то решил заглянуть сюда. Мои нерадивые слуги не слишком-то любят перетряхивать вещи и чистить их. Предпочитают пить мое вино и бездельничать.

Он коротко посмеялся, а затем пожелал супругам удачи и почти сразу же забыл о них.

Это Конан тоже отметил с одобрением. Цинфелин решал вопрос и тотчас переходил к следующему, не позволяя мыслям задерживаться в прошлом.

— В замке есть подземный ход, — сказал Цинфелин. — Мы воспользуемся им. О нем знают очень немногие... Но сперва нужно отыскать Рихана.

— Этим займусь я, — предложил Конан, но Цинфелин покачал головой:

— У тебя слишком приметная внешность. Рост, ширина плеч... Стражники наверняка запомнили, как выглядел подручный двух фокусников, приглашенных в мои апартаменты для дополнительного представления. Если ты начнешь разгуливать по замку ночью, это неизбежно вызовет вопросы.

— Ты хочешь сказать, — небрежно осведомился Конан, — что на тебя никто не обратит внимания? Ну, подумаешь, молодой граф, наследник здешних земель, шатается по замку ночами...

Цинфелин пропустил эту фамильярность мимо ушей. Коль скоро им с Конаном предстоит небезопасная поездка, обращение на «ты» предпочтительнее.

Юный граф засмеялся.

— Да, ты совершенно прав, киммериец. Если я начну бродить по замку, никто и бровью не поведет. В моем характере и поведении давно уже замечались странности. Еще одна ничего не прибавит.

— Ладно, согласен, — нехотя кивнул Конан. — К тому же и этот Рихан охотнее выслушает тебя.

— Договорились. Жди меня здесь! — И Цинфелин вышел из комнаты.

Конан переглянулся со своими спутниками.

— Что будем делать?

— Мы идем спать, — зевая, сообщил Югонна. — Далесари устала, да и я едва держусь на ногах. Слишком много впечатлений. Это вредно для здоровья. Передохнем, а завтра начнем шпионить.

Далесари только слабо улыбнулась и скрылась в комнатухе, которую предложил им граф.

* * *

Рихан спал в общей комнате вместе с другими дружинниками, когда Цинфелин пробрался туда и потряс друга за плечо.

Разбудить Рихана всегда было делом непростым, однако Цинфелин не сдавался: он тряс его, щипал, зажимал ему нос, дергал за волосы. Наконец Рихан недовольно проворчал что-то. Цинфелин зажал ему рот ладонью. Вдруг Рихан приглушенно вскрикнул и открыл глаза.

— Это я, — прошептал Цинфелин. — Иди за мной. Я хочу поговорить.

Ты очнулся! — голос Рихана звучал невнятно и глухо.

— Именно. — Цинфелин отнял ладонь от лица друга. — Молчи. Не говори больше ни слова, разбудишь других.

Они выскользнули на двор. Яркий лунный свет озарял обоих. Улыбка медленно проступила на простодушной физиономии Рихана.

— Ты действительно пришел в себя! — зашептал он.

— Да. Шепчи потише.

Рихан кивнул, не сводя с друга глаз.

— Они хотели уморить меня, — продолжал Цинфелин, — но по счастью им этого пока не удалось.

— «Они»? — грозно переспросил Рихан, озираясь по сторонам с таким видом, словно ожидал увидеть «их» в любое мгновение. — Кто?

— Пока не знаю. Тише... Слушай. Мне нужно, чтобы ты взял двух лошадей и держал их наготове на дороге, за пределами города. Я хочу выбраться отсюда. Мне совершенно необходимо побывать в одном месте. Возможно, там я найду ответы на все вопросы. И тогда я точно буду знать имя человека, который желает моей смерти.

— Я согласен! — быстро кивнул Рихан.

— Подожди. — Цинфелин остановил его. — Я не сказал, что ты едешь со мной.

— Но... две лошади? — Рихан выглядел теперь крайне удивленным. — Разве вторая — не для меня?

— Нет. Твое отсутствие было бы слишком заметным. Едва только настанет утро, как другие солдаты сразу же обнаружат, что ты исчез. А мне нужно выиграть время. Чем позднее поднимется тревога, тем лучше.

— Кто же, в таком случае, поедет с тобой?

— Один надежный человек.

Рихан нахмурился. Цинфелин положил руку ему на плечо.

— Мы с тобой по-прежнему остаемся друзьями. Тот человек, что будет со мной... Я его нанял. Он достоин моего доверия, силен и неглуп. Этого достаточно.

— Он не предаст тебя?

— Надеюсь, что нет. Ему нет смысла этого делать.

— Разве что его не подослали твои же враги.

— Рихан, я не могу позволить себе быть таким подозрительным. И ты не будь. Просто сделай то, о чем я попросил, хорошо?

Рихан хмуро кивнул и отправился в сторону конюшен. Цинфелин проводил его глазами. Ему было жаль обижать старого друга, но поступить иначе он попросту не мог.

Цинфелин вернулся к себе. Конан встретил его нетерпеливо:

— Ты готов? Я собрал кое-какие припасы и, уж извини, пошарил по твоим шкатулкам. Вот деньги, которые ты держал у себя в комнате. Немного, надо признать.

— Я обычно и не нуждаюсь в больших суммах, — ответил Цинфелин. — У меня все есть. Еда, одежда. Если мне потребуется новая лошадь или охотничья собака, отец достанет мне любую.

Преимущества титула, — проворчал Конан. — Когда я стану королем, у меня тоже не будет нужды в карманных деньгах. Но пока мы с тобой не короли, а обыкновенные беглецы и искатели приключений, денежки в кошельке нам очень пригодятся.

— Оставь их у себя, — махнул Цинфелин. — Потратишь по собственному усмотрению.

Они вышли из комнаты и тихо двинулись по коридору. Несколько факелов горело в держателях на стене, обычно возле поворотов или около лестниц. Цинфелин хорошо знал замок, в котором прошла вся его жизнь. Он уверенно сворачивал, несколько раз уводил своего спутника в тень, и они пережидали, пока пройдет ночная стража. Затем Цинфелин подвел Конана к лестнице, уводящей куда-то в глубину.

— Это здесь, — промолвил он.

На ступенях лежал густой слой пыли. Было видно, что лестницей не пользовались очень давно.

Конан нахмурился.

— Мы оставим заметные следы.

— Ничего не поделаешь, придется рискнуть, — вздохнул юный граф. — Другого тайного пути из замка нет.

— Надо как-то замаскировать хотя бы то обстоятельство, что нас двое... — Конан задумался на миг, а потом его лицо просияло. — Давай топтаться! На каждой ступени придется оставить десятки отпечатков. Ты понял?

— Да! — весело кивнул Цинфелин. — Пусть решат, будто нас здесь было по меньшей мере человек пятнадцать.

И они начали свой странный спуск в глубину. Со стороны могло показаться, что двое молодых мужчин исполняют какой-то странный танец. Они переступали с ноги на ногу, подпрыгивали и поворачивались, словом, вели себя, как звери, запутывающие след. Продвижение из-за этого очень замедлилось, зато результат был просто поразительным. Казалось, будто по лестнице спустился целый отряд. Тем, кто попытается разгадать замысел Цинфелина, придется поломать над этим голову!

Когда они проделали уже значительный путь, Цинфелин остановился и вытер пот со лба.

— Может быть, хватит? — предложил он. — Вряд ли они спустятся так далеко — а если и спустятся, то вряд ли...

— Нет, — прервал Конан. — Не забывай о том, что в замке находится твой тайный враг. Человек, который сделает все, лишь бы его замыслы не были разоблачены. Он не поленился проделать весь путь до конца. И если хотя бы на одной ступеньке он обнаружит следы всего двух человек, он поймет, что его обманули.

И они продолжили свой «танец».

Когда наконец оба очутились в тоннеле, где род ногами захлюпала жижа, они вздохнули с Облегчением. Первая часть пути осталась позади.

— Тоннель очень длинный, — предупредил Цинфелин. — Тебе придется идти, наклонив голову.

Они двинулись вперед. Больше они ни о чем не разговаривали. Конану не раз доводилось пользоваться подземными ходами, лазами и даже лабиринтами, проложенными глубоко в скальных породах. Он не боялся таких вещей. Сколько раз он оказывался в пещерах — и всегда выбирался наружу! Другое дело — Цинфелин. Такое испытание постигло его впервые. Молодой граф не устранился бы при виде врага, вооруженного, сидящего верхом на коне. Он не испытывал страха перед свирепыми хищниками, на которых

охотился. Он не струсил бы и в море во время бури. Но оказаться запертым в подземную ловушку, очутиться в темноте среди камней и отвратительно воняющей влаги... Это было выше его сил.

Цинфелин вдруг остановился и вскрикнул:

— Нет!

Конан, шедший впереди, обернулся.

— Что случилось?

Он подошел поближе к молодому графу. Цинфелин дрожал всем телом, зубы его постукивали.

— Я больше не могу находиться здесь... Мне страшно! А вон там кто-то следит за нами.

— Здесь никого нет. Бояться нечего. И стыдиться тоже нечего: ни один здоровый, сильный мужчина не в силах долго выдерживать заточение в каменном мешке.

— А ты? Ты, кажется, относишься к этому спокойно!

— Нет, я тоже беспокоен, просто я уже побывал в похожих переделках и помню, как всякий раз мне удавалось выбраться.

Тут Конан прервал свою речь и схватился за оружие.

— Ты был прав, — прошептал киммериец, — там действительно кто-то есть!

Два горящих желтых глаза мелькнули далеко впереди.

Глаза эти пылали так ярко, что на стенах то и дело появлялись полосы света. Они пробегали по влажному камню, а затем гасли, исчезали во мраке.

— Кто это может быть? — прошептал Цинфелин.

Конан пожал плечами.

— Любое подземелье рождает своих собственных чудовищ. У меня нет даже предположений... Да это и не важно. Кем бы ни было то существо, что поджидает нас впереди, оно наверняка смертно.

А у нас есть добрая сталь, чтобы удостовериться в этом.

Глаза приблизились. Теперь беглецы явственно слышали шлепанье лап по разлитой в тоннеле жиже. Неожиданно до них донесся сильный порыв ветра, он принес с собой отвратительное зловоние. На миг Конану подумалось, что они находятся вблизи от выхода, но он тут же отмел эту мысль.

— У этой твари есть крылья, — прошептал он своему спутнику. — Держись позади меня и достань меч. Будь наготове.

Глаза приблизились. Теперь Конан слышал, как тихо скрежещут зубы монстра. Кем бы ни было это чудовище, оно явно предвкушало сытную трапезу.

— Берегись! — крикнул Цинфелин.

Глаза поднялись выше, новый порыв ветра окатил Конана волной отвратительного запаха. Монстр взлетел в воздух и приготовился атаковать.

Конан вскинул меч, держа его над головой. Чудовище, несомненно, хорошо ориентировалось в темноте — в том влажном, беспросветном мраке, который его породил. Оно легко уклонилось от человеческого оружия и, описав в воздухе круг над головой Конана, снова бросилось на человека.

Конан ощутил прикосновение кожистых крыльев. Он едва успел увернуться от когтей, а затем развернулся и набросился на монстра сам. Чудовище было совсем близко. Из его разверстой пасти исходил запах гнили и разложения.

Цинфелин еле слышно всхлипнул. Его охватил постыдный страх — такой сильный, какого юноша не испытывал, наверное, никогда в жизни. Он был готов повернуться к монстру спиной и побежать... И побежал бы, если бы страх утратить честь, да еще прямо на глазах у киммерийца-варвара, не оказался бы сильнее.

И потому Цинфелин остался на месте. «Я — будущий властитель этих земель, — твердил он себе. — Я не имею никакого права бояться здесь кого бы то ни было. Будь то монстр или человек — это существо принадлежит мне, и оно должно мне покориться».

Однако чудовище явно держалось совершенно иного мнения. Оно полагало себя властелином подземелья и очень возмущалось тем невероятным обстоятельством, что пища отказывается сдаться и подчиняться своему предназначению.

Напротив, «пища» атаковала. Раз за разом Конан взмахивал мечом, целясь между двух пылающих глаз. Но монстр всегда оказывался быстрее.

Конан, однако, не чувствовал себя обескураженным. Он внимательно наблюдал за чудовищем. Он знал: любой зверь, даже самый хитрый, все равно глупее человека. У любого противника есть излюбленный набор приемов. Нужно просто знать, каков этот набор, и тогда нетрудно будет предугадать следующий шаг.

Конан заметил, что монстр всегда движется в одном направлении, справа налево. Увернувшись от удара, он наносит собственный удар — неизменно правее места предыдущей схватки.

Что ж, киммериец воспользуется этим!

И в следующий же раз он ударил монстра точно в том месте, где тот должен был появиться! На сей раз быстрота не помогла чудовищу — киммериец оказался быстрее. Конан почувствовал, как сталь разрубает кости и вдруг освобождается: меч прошел сквозь тело чудовища.

С оглушительным визгом рассеченный надвое монстр упал на дно тоннеля, в жижу. Горящие глаза его погасли.

Внезапно Конан понял, чем была эта жижа. До сих пор киммериец не слишком задумывался над этим, поскольку самым главным было двигаться вперед и поскорее покинуть замок.

Но теперь...

— Конечно! — прошептал Конан, осторожно перешагивая через то место, где, как он знал, лежал труп монстра. — Ведь замок стоит на скале! И подземный ход тоже пробит в камне. Откуда же здесь влага?

— Влага — в скале, — сказал Цинфелин. — Или... что ты имеешь в виду?

— Когда выйдем наружу, увидим.

Они быстро побежали вперед. До освобождения из подземного плена оставалось совсем недолго. Скоро до них долетела первая струя свежего воздуха. Цинфелин жадно задышал. Конан гоже с облегчением перевел дух.

Они находились за пределами городка, возле большой дороги — в лесу. Отсюда виден был просвет, где, собственно, и находилась дорога. Луна светила ярко, озаряя окрестности. Конан потянулся.

— Хорошо под небом! — воскликнул Цинфелин.

— Хорошо выпрямиться, — проворчал варвар, с хрустом расправляя руки.

Они сделали несколько шагов и очутились на дороге.

— А теперь посмотрим, правильной ли была моя догадка, — сказал Конан.

Он посмотрел на свои сапоги. Так и есть! Они почти до самых колен были забрызганы кровью.

— Что это? — пробормотал Цинфелин, рассматривая свои ноги.

При свете луны кровь казалась почти черной.

— Так я и думал, — кивнул Конан. — Ты спрашиваешь, что это? Это кровь. Самая обыкновенная кровь. И ошметки разложившихся трупов. Вот что там, в тоннеле.

— Я не понимаю, — прошептал Цинфелин. Даже в лунном свете было видно, как он побледнел. — Ты хочешь сказать, что мой отец... что предки... что я... Ну, что графы Бенойка сбрасывали в этот тоннель всех неугодных и замуровывали их там? Что это на самом деле — застенки, тюрьма?

— Вовсе нет, — возразил Конан. — Если бы это была тюрьма, то там имелись бы по меньшей мере засовы. А мы легко вошли в подземелье, и нам не пришлось даже вышибать дверь. Если туда и сбрасывали какие-то трупы, то это были именно трупы. Никто не погибал там, погребенный заживо. Даже и не думай об этом.

— Но чья же это кровь?

— И к тому же свежая... — добавил Конан.

— Не мучай себя подбором верного выражения, — махнул рукой Конан. — Суть ясна. В подземном тоннеле водятся эти твари. Они питаются кровью и гнилью. Полагаю, та жижа, по которой мы шли, — это сгнившая кровь крыс и прочей отвратительной живности, а также останки тех самых тварей...

— Думаешь, их много?

— Полагаю, их там достаточно.

— Отвратительно! — воскликнул молодой граф. — Я должен позаботиться о том, чтобы уничтожить их! Ведь рано или поздно они размножатся настолько, что вырвутся из подземелья и нападут на обитателей замка!

— Об этом позаботишься потом, а пока следует подумать о наших лошадях. Как полагаешь, Рихан уже добрался до условленного места?

Рихан находился на дороге, сразу за поворотом. При свете луны видно было, что он сидит в седле и держит под уздцы двух прекрасных лошадей.

— Я выбрал лучших, — сообщил Рихан с гордостью.

Конан поморщился.

— Лучших — и самых приметных. О чем ты только думал, Рихан! Да по этим лошадям нас разыщут с легкостью.

— Я думал о том, как бы вам поскорее добраться туда, куда вы собираетесь, — резко возразил Рихан. Он не считал нужным скрывать свое отношение к Конану. И если молодой граф предпочел своему лучшему другу какого-то варвара — что ж, Рихан не намерен изображать восторги по этому поводу.

— Не будем спорить, — примирительно заметил Цинфелин. — Я очень благодарен тебе, Рихан. Возвращайся домой и ложись спать. Пожалуйста, будь осмотрителен. И еще... — Он помедлил немного, но затем все-таки сказал: — В замке, возможно, ты встретишь двух фокусников. Муж и жена, иноземцы. Их одежда разрисована изображениями всяких диковинных существ. Оба довольно симпатичные на вид. Это мои союзники, ты понял? Если у них возникнут неприятности, помоги им. Их зовут Югонна и Далесари.

— Сделаю все, как ты хочешь, — сказал Рихан. Он развернул коня, свистнул и помчался по дороге, направляясь обратно к замку Бенойк.

Конан проводил его глазами и покачал головой.

— Парень обижен.

— Тут уж ничего не поделаешь! — резко возразил Цинфелин. — Я поступил правильно.

— Да, ты поступил правильно... Но он — человек простодушный и обижен до самых печенок. Конечно, это никак не скажется на его преданности. И все же тебе придется хорошо постараться, чтобы загладить свою вину перед ним.

— Я устрою хорошую охоту, — обещал Цинфелин. — Думаю, этого будет довольно.

Они с Конаном сели на лошадей и помчались прочь от Бенойка — вперед, к морю и двум мрачным башням на обоих берегах пустынного пролива.

Глава пятая

Светящиеся следы

Когда Конан и Цинфелин покинули покои юного графа, Югонна и его подруга некоторое время сидели без движения. Слишком много всего произошло за слишком короткий срок. Сперва — приглашение дать ночное представление, затем — видение прикованной девушки и, наконец, решение Цинфелина во что бы то ни стало — разыскать эту неведомую пленницу и спасти ее.

— Ты веришь в то, что она еще жива и существует на самом деле? — заговорила наконец Далесари.

Ее муж пожал плечами.

— В это верит Цинфелин. И, что самое удивительное, Конан не стал его переубеждать, а напротив, взялся помогать ему.

— Что же тут удивительного? Конан — авантюрист, а розыск далекой красавицы — превосходный способ заработать, — едко заметила супруга.

— Конан — очень здравомыслящий человек, — возразил Югонна. — И, насколько я успел его узнать, он не взялся бы за дело, которое ему не по душе, даже если бы ему сулили за это огромное вознаграждение. Как это ни странно, у него есть что-то вроде принципов.

Далесари вздохнула. Она чувствовала себя очень усталой и вместе с тем была слишком возбуждена для того, чтобы сразу заснуть. Ей хотелось узнать все разгадки — немедленно! Похоже, у ее мужа было сходное настроение.

— Ты голодна? — спросил Югонна. — Здесь остались закуски.

Вдвоем они уничтожили все съестное, что находилось в комнате. Затем Далесари вытащила из-за пазухи маленький мешочек. Югонна с любопытством следил за ней.

— Что у тебя здесь?

— Порошок. Помнишь, одно время я разыскивала растения со светящейся пылью...

Югонна кивнул. Он с трудом мог припомнить этот эксперимент. Далесари всегда поражала его способностью заниматься несколькими проектами одновременно. И сколько Югонна ни старался, ему не удавалось удержать в памяти все то, о чем рассказывала ему подруга. Это было еще во времена лабиринта; так что же говорить о временах нынешних, когда судьба и злая воля дяди Далесари, наполовину ученого, наполовину колдуна, занесли их в чужие края! Здесь большую часть времени они были поглощены простой борьбой за выживание.

— Почему ты так смотришь на меня? — улыбнулась Далесари.

Югонна встряхнулся, избавляясь от задумчивости.

— Как я на тебя смотрю? — удивился он.

— Как будто впервые меня увидел.

— Это происходит каждый раз, дорогая. Каждый раз, взглянув на тебя, я испытываю восторг и изумление.

— Ты льстишь.

— Самую малость.

— И лжешь. Почему ты выпучил глаза и разинул рот?

— Неужели я так выгляжу? — засмеялся он.

Она торжественно кивнула. Югонна обнял ее и прижал к себе.

— Потому что ты всегда меня поражаешь чем-нибудь новеньким. Что за светящаяся пыльца? О чем ты сейчас говорила?

Пылая гневом, она высвободилась из его объятий.

— Я так и знала, что ты притворяешься! — воскликнула она. — Ты ничего не помнишь! И плевать ты хотел на мою работу! Если тебя что-то во мне и интересует, так это мое тело! В этом ты ничуть не отличаешься от других мужчин... И не нужно было притворяться, будто ты внимательно слушаешь, когда я рассказывала!.. А я еще поверила! Поверила! На самом деле ты только прикидывался, а сам только о том и думал, как бы схватить меня, затащить на постель и...

— Ну все, хватит, — оборвал Югонна.

Далесари застыла с раскрытым ртом, не закончив фразы.

— Да, я думал об этом, и сейчас думаю, — продолжал Югонна. — И тебе это должно быть приятно.

— Мне? Приятно? Ты пренебрегаешь моей работой! Пренебрегаешь мной как ученым!

— Зато не пренебрегаю тобой как женщиной. Ты поразительное существо, Далесари! Давай, рассказывай скорее про твой порошок. Для чего он предназначен?

— Теоретическая часть тебе, стало быть, неинтересна? — прищурилась она.

— Ради всех богов, Далесари! Теоретическую часть ты изложишь мне потом... Что ты намерена делать с этой штукой?

— Кое-что проверить. Мой порошок выявит то, что скрыто. Если здесь имеется некая посторонняя субстанция, порошок начнет светиться.

— Очень умно.

Она сверкнула глазами в его сторону, но промолчала. Далесари подошла к стене, взяла в рот маленькую трубочку и осторожно выдула немного порошка. На стене проступил светящийся круг. С торжествующей улыбкой Далесари повернулась к мужу.

— Ты видел?

Он молча кивнул.

Она опять рассердилась:

— Мог бы что-нибудь сказать!

— Ты — выдающийся ученый, Далесари. А теперь, уважаемый коллега, не могли бы вы пояснить суть вашего эксперимента.

— Я с первого же мгновения не поверила в то, что видение приходит к Цинфелину просто так. Ни с того ни с сего к человеку не то что видения — к нему даже молочница не приходит. Нужен какой-то толчок, повод.

— Цинфелин же объяснял: он был болен, находился между жизнью и смертью... Очевидно, в тот момент и открылись его способности видеть нечто на расстоянии.

Далесари фыркнула, не скрывая презрения.

— Это толкование подходит для кумушки, которая верит в гадание на костях, и для юного профана, который никогда даже близко не стоял возле нашего лабиринта! Но не для меня. Я сразу поняла, что здесь кто-то основательно потрудился.

— Твое предположение, Далесари?

— Это же очевидно. — Она уставилась на мужа с таким видом, что он сразу понял: до него уже давным-давно должно было дойти, в чем суть происходящего, и она, Далесари, невероятно удивлена его недогадливостью. — Этот круг на стене означает, что стену обработали специальным составом. Дерзну предположить, что этот состав близок к тому, который покрывает наше зеркало ясновидения. Только работает эта система сложнее.

— Боги, что может быть сложнее ясновидения! — простонал Югонна.

Далесари подобрала с блюда последнюю ягоду винограда и сунула в рот с победоносным видом.

— Сложнее! — повторила она, выплевывая косточку на пол. — Сам граф никогда не видел ни пролива, ни башни. Но некто — видел и сумел передать это видение зеркалу. Но не тому, которое у Цинфелина на стене, а своему. Зеркалу, которое хранится у него в покоях. Затем, когда он считает, что время подходящее, он попросту передает видение из одного зеркала в другое...

— Магия? — нахмурился Югонна.

Далесари кивнула.

— Как и в случае моего дядюшки... чтоб он сдох!

— Так ведь они и... — начал было Югонна, но вовремя замолчал. Ему вовсе не хотелось сейчас ворошить прошлое. Слишком неприятные воспоминания. — Что ты предлагаешь? — спросил наконец он.

— Проследить, — быстро ответила она. — Тот, кто наносил на эту стену амальгаму ясновидения, должен был оставить следы. Это неизбежно. Амальгама будет держаться на полу, на стенах много зим — везде, куда упала капелька.

А если он был осторожен и никаких капель не оставил? — возразил Югонна.

— Я не понимаю, — возмутилась Далесари, — ты хочешь, чтобы у нас ничего не получилось?

— Пытаюсь смотреть на вещи здраво.

— Как твой друг Конан? — съязвила она. — Но ведь Конан-то как раз ввязался в это

дело.

— Пойми меня правильно, Далесари, — проговорил Югонна, — я очень хочу, чтобы у нас все получилось. Чтобы мы выследили негодяя и все такое. И твоя хитрость кажется мне просто замечательной. Но что, если у нас ничего не получится?

— Что?

— Я не хотел бы, чтобы ты огорчилась и пала духом. Поэтому и пытаюсь все обсудить заранее.

— Когда у нас ничего не получится, тогда и будем обсуждать.

Далесари взяла еще одну щепотку порошка и распылила вокруг себя. На полу неожиданно вспыхнула маленькая яркая точка.

— Есть! — в восторге прошептала Далесари.

Югонна прикусил язык. Жена в очередной раз оказалась права. Потом она отыграется. Будет напоминать ему, какой он перестраховщик, как он всего боится, как он пытается предвидеть то, чего и не случится... А ведь он всего лишь хотел уберечь ее от лишних огорчений.

Он наклонился над точкой. Никаких сомнений — это был след колдовской амальгамы. Как будто капелька сорвалась с листа.

— Попробуем найти еще в коридоре, — предложила Далесари.

— По-твоему, он шел с мокрой кистью наготове? — спросил Югонна. — Ведь проще было принести эту штуку в сосуде.

— Амальгаму не выдерживает ни один сосуд. Ее приготавливают и сразу же наносят на кисть. И с кистью наготове бегут туда, где нужно создать магическую поверхность, — авторитетно заявила Далесари.

— Откуда ты это знаешь?

— Мне сказал человек, у которого мы купили зеркало.

— Так вот о чем ты с ним разговаривала, пока я бегал в поисках денег!

— А о чем мне было с ним разговаривать? — удивилась Далесари. — Разумеется, я использовала это время для того, чтобы разузнать о зеркалах как можно больше.

Они выскользнули из покоев юного графа и очутились в длинном коридоре, освещенном лишь несколькими факелами. Далесари наклонилась и подула в свою трубочку. Еще несколько ярких капель проступили в темноте.

— Идем, — прошептала она.

Вместе они двинулись вперед по горящему следу.

* * *

Югонна только поражался неустрашимости своей супруги. Далесари, совершенно забыв о том, что в замке им может грозить опасность, бежала вперед. То и дело она останавливалась, чтобы дунуть и посмотреть, куда поведут их горящие капельки.

Они несколько раз сворачивали за угол и вдруг заметили старую лестницу, уводящую глубоко в подземелье. Лестница эта никак не охранялась.

— Как ты думаешь, что это? — спросила Далесари, приостановившись возле нее.

Югонна бросил на лестницу мимолетный взгляд.

— Понятия не имею. Вход в подземную тюрьму?

— Почему здесь нет стражи?

— Наверное, стражи есть — внутри. И такие жуткие, что нет никакой надобности в стражах внешних, — предположил Югонна.

— Странно, — добавила Далесари. — Смотри, сколько народу прошло здесь совсем недавно. Что бы это могло означать?

— Что угодно, — сказал Югонна. И взмолился: — Далесари, милая, я не в состоянии решать несколько загадок одновременно! Давай сперва разберемся с зеркалом.

И они снова двинулись по следу.

Им пришлось пройти еще один небольшой коридор, подняться на пару лестничных пролетов — и тут Далесари остановилась возле тяжелой двери, украшенной богатой резьбой.

— Следы ведут сюда, — сказала она уверенно. — Впрочем, можно попробовать еще раз — чтобы убедиться.

Она прошла вперед и дунула из своей трубочки, но темнота осталась темнотой — ни одной горячей капли не проступило.

— Стало быть, тот, кто приходил в комнату Цинфелина, пока он хворал, и нанес амальгаму на стенку, живет здесь, — проговорил Югонна медленно и уставился на резную дверь, как будто она могла поведать ему какую-то тайну. — И что же нам теперь делать?

— Для начала — выяснить, чьи это покои, — предложила Далесари. — И поискать там второе зеркало.

— А потом?

— Потом? Да с такими доказательствами на руках мы живо избавим графа от его тайного врага!

— Далесари, — осторожно напомнил Югонна, — ведь сейчас ночь. Тот человек, которому принадлежат эти покои, уже наверняка там, внутри. Он спит или забавляется с женщиной. В любом случае — он там, и забираться к нему...

— Что? — Она наморщила нос. — Ну, договаривай! Что ты хотел сказать?

— Забираться к нему сейчас по меньшей мере опасно. Ну вот, я выговорил это, — и он улыбнулся.

Далесари сказала:

— Возможно, у нас нет времени. Надо рискнуть. Я попробую проследить, чтобы никто не застал тебя внутри, а ты проберись к нему — только тихо, — и постарайся запомнить, как он выглядит.

— Но если он меня увидит...

— А если не увидит? Придворные негодяи имеют обыкновение спать, как невинные младенцы. Отсутствие совести — большое преимущество.

Югонна вздохнул. Его жена права. Конечно, забираться в комнаты к могущественному вельможе опасно в любом случае. Оставить вторжение до следующего дня? Но днем их ожидают другие опасности. Кто-нибудь может войти туда и увидеть незнакомцев. Ночью, по крайней мере, большинство людей спит.

— Посторожи снаружи, — сказал Югонна. — Я попробую залезть туда.

Он потянул дверь на себя и, к своему удивлению, она легко поддалась. Это так ошеломило Югонну, что он едва не отказался от своего изначального намерения проникнуть внутрь. Он оглянулся на жену, и она подбадривающе кивнула.

Югонна скользнул в темноту и сразу уловил тяжелый запах благовоний. Кем бы ни был обитатель этой комнаты, он явно злоупотреблял курениями и ароматическими мазями.

В передней комнате спали несколько слуг. Судя по всему, эти бедняги достаточно умаялись, так что тень, прокрававшаяся мимо в спальню их господина, даже не потревожила их сон.

Югонна завидовал Конану, который хорошо видел в темноте. Сам молодой человек вынужден был продвигаться очень медленно, осторожно ощупывая вокруг себя предметы. Вот, вроде бы, стойка для факела... А дальше — столик и мягкое кресло. Еще одно. Скамеечка для ног... Ваза. Проклятье, она чуть не упала!

Югонна выбрался во вторую комнату. Здесь было светлее. Он огляделся по сторонам в поисках источника света и вдруг застыл.

В комнате бодрствовал еще один человек. В первое мгновение Югонна испытала дикий ужас.

Он так и не понял, каким чудом ему удалось не вскрикнуть. Но приглядевшись внимательнее, он понял: то, что излучало слабое мерцание, не было ни окном, ни свечой, а образ, так напугавший его, представлял собой ничто иное, как иллюзию.

Впрочем... иллюзию ли?

Теперь Югонна больше не сомневался. Возле стены стояло высокое, в рост человека, зеркало, а в нем отражалась все та же тюрьма и прикованная девушка. Она то говорила что-то, то принималась плакать, то безучастно смотрела перед собой. Иногда она обвисала на цепях, пытаясь заснуть, но ее хрупкое бытие тотчас прерывалось.

Свет, который освещал спальню, падал в окошко тюрьмы. Если приглядеться, можно было различить башню-маяк и залив.

Югонна покачал головой. Каким извращенным умом надо обладать, чтобы поместить это зеркало у себя в спальне и постоянно смотреть на страдания несчастной девушки! Должно быть, обитателя этих покоев возбуждают подобные картины. Что ж, нередкое явление среди господ, которые либо не могут найти удовлетворение у женщины, либо не могут найти женщину, согласную дать им удовлетворение...

Он повернулся к спящему и разглядел в полумраке мясистый орлиный нос, длинные седые волосы.

Это лицо мгновенно врезалось в память Югонны. Он был уверен, что теперь узнает этого человека в любой обстановке и при любых обстоятельствах.

И в этот самый миг большая напольная ваза, которую Югонна приметил еще входя в комнату, покачнулась и с оглушительным звоном разлетелась на куски. Югонна мог бы поклясться, что даже не прикасался к ней. Он помнил о ней, знал, что ее нужно осторожно обойти...

Почти сразу же в комнате все изменилось. Девушка в зеркале испуганно уставилась на Югонну. Он понял вдруг, что она не только видима для обитателей спальни, но и в состоянии видеть все, что здесь происходит. Наверняка ее мучитель нарочно устраивает здесь, на ее глазах, отвратительные оргии, а у бедняжки даже нет возможности уклониться от невольного соучастия в них.

Как бы там ни было, спящий сразу же проснулся. Маленькие глазки распахнулись и безошибочно устремились на Югонну. Однако лежащий на кровати человек даже не пошевелился. Громовым голосом он закричал:

— Стража!

В передней комнате пробудились и зашумели слуги. Из коридора донесся топот множества ног.

Югонна бросился бежать. В передней на него набросились слуги. Как охотничьи собаки на кабана, повисли они на беглеце. Один пытался добраться до горла Югонны, другой бил его кулаком по спине, третий старался повалить его на пол, четвертый уже бежал за веревкой, чтобы связать пленника.

Югонна отбивался изо всех сил

— Далесари, беги! — сдавленно призывал он.

Единственное, на что он надеялся, так это на здравый ум своей супруги. Наверняка услышав грохот в покоях, она уже сбежала. Кто-то один из двоих должен оставаться на свободе, чтобы вызволить второго.

— Беги! — умолял он, даже не зная, слышит ли его она.

Отчаянным усилием Югонна сбросил с себя западавших и рванулся к двери. В этот самый миг в комнату влетела Далесари. Вооруженная лишь маленькой серебряной трубкой и порошком, она отчаянно бросилась в битву. Набрав полную трубку, она выдохнула порошок прямо в глаза нападавшим. Послышались громкие вопли. Люди кричали от боли, катались по полу, терли глаза.

Югонна с укоризной глянул на Далесари.

— Возможно, ты ослепила их!

— Возможно, — хладнокровно согласилась она и взяла его за руку. — Бежим!

Они бросились бежать по коридору. Задышавшись, Югонна сказал:

— Они ведь ни в чем не виноваты! Это просто слуги.

— Они хотели убить тебя.

- Это их долг.
- Мой долг — спасти тебя.
- С каких это пор?
- С тех пор, как мы познакомились.

Они свернули за угол и снова увидели лестницу, уводящую в подземелье. И тут навстречу им выбежали стражники. Не менее десятка крепких стражей с мечами наготове мчались на зов о помощи.

- Держи их! — взревел тот, что первым увидел беглецов.

Югонна и Далесари оглянулись в поисках спасения, но сзади тоже надвигались преследователи. Они оказались зажаты между двумя отрядами стражников.

- Сюда! — сказал Югонна и потащил подругу за собой в подземный ход.

Они спустились на несколько ступенек. Стражники тяжело топали следом.

- Не оглядывайся! — пробормотал Югонна, задыхаясь.

Они пробежали по подземелью несколько шагов, и тут раздался тяжелый гул.

Казалось, далеко впереди ворочается разозленный великан. Постепенно гул нарастал и приближался.

- Мне страшно, — шепнула Далесари, останавливаясь. — Что здесь происходит?

— Не знаю... Может быть, чудовище. Может, мы разбудили спящее здесь чудовище. Помнишь, я говорил о стражах?..

- Умеешь ты успокоить.

Югонна подумал немного и добавил:

- Если то, о чем я думаю, правда — то лучше бы это было разозленное чудовище...

- А о чем ты думаешь? — спросила Далесари.

Он не успел ответить. С потолка подземного хода посыпались камни. Совсем близко раздался треск, обвалилась тяжелая глыба.

- Обвал! Вот о чем я думаю! — выкрикнул Югонна. — Возвращаемся!

- Впереди стражники.

— Они по крайней мере люди. Захватят нас, сунут в тюрьму... Конан узнает об этом и как-нибудь вызволит нас, если мы будем еще живы... — Югонна попытался улыбнуться в темноте, но Далесари уже не слушала его.

Охваченная паническим ужасом, она помчалась обратно по тоннелю — туда, где еще виден был просвет. Югонна поспешил за ней.

Далесари была меньше ростом, и ей не приходилось нагибаться, находясь в коридоре. Поэтому она бежала гораздо быстрее. Стражники топтались у входа в тоннель, некоторые заглядывали внутрь, но входить никто не решался.

— Там обвал, — переговаривались они. — Этого давно уж следовало ожидать. Кто-то прошел здесь совсем недавно. Человек десять, не меньше... Они, небось, и обрушили своды. Тут ведь даже говорить нельзя в полный голос...

Еще один камень упал с потолка и больно ударил Далесари в плечо. Она пронзительно вскрикнула и, собрав все свои силы, выскочила наружу.

- С добродушным гоготом стражники схватили ее за руки.

— Вот одна птичка и попалась! Воровка! Что ты делала в покоях главного графского советника Кернива?

Далесари молча позволяла им вязать себе руки. Новый взрыв за спиной заставил ее вздрогнуть и обернуться.

Югонны в тоннеле не было. Там, откуда он должен был вот-вот появиться, громоздились завалы камней.

* * *

Далесари провела страшную ночь. Ее отвели в кордегардию и устроили там на лавке,

предварительно связав так, чтобы она не могла двинуться. Стражники свое дело сделали, схватили злоумышленницу, и теперь им оставалось лишь стеречь ее до тех пор, пока более важные персоны не займутся арестованной.

Она сидела, съездившись, и смотрела, как они играют в кости, пьют, устраиваются прикорнуть в углу, — словом, ведут себя как самые обычные люди, которым выпал обременительный жребий ночного дозора. Собственная судьба не слишком беспокоила Далесари. Все страхи за себя отошли на второй план. Ее душу разъедала боль за мужа.

Она своими глазами видела обвал на том месте, откуда вот-вот должен был показаться Югонна. Что с ним? Убило ли его камнем при падении потолка? А может быть он, тяжело раненый, лежит под завалом, стонет, ждет, что к нему придут на помощь? Жив ли он? При одной только мысли о том, какая страшная смерть его ожидает, всякая тревога за собственную участь исчезала.

Далесари находилась в руках людей, ее схвативших. Что ж, она по крайней мере жива и здорова и может рассчитывать на человеческую справедливость. Даже если ее бросят в темницу, для нее все равно останется надежда.

Она попробовала разговаривать со стражниками.

— Добрые господа, — подала голос пленница, — там, под завалами камней, остался мой муж.

Никакого ответа. Стражники продолжали бросать кости и переговариваться между собой.

— Выслушайте меня! — умоляла Далесари. — Вы ведь не звери, а люди, у вас должна оставаться хотя бы капля сострадания!

Один из стражников встал, но вместо того, чтобы подойти к Далесари, он отошел к окну, взял из небольшого сундучка еще пару монет и вернулся к играющим.

— Не везет тебе сегодня! — обратился к нему приятель.

— Да уж, почка не из приятных, — согласился тот.

— Мой муж, — взывала Далесари, — он погибнет... Арестуйте нас вместе, только спасите его!

Наконец начальник стражи уставился прямо на пленницу.

— Если ты не замолчишь, — произнес он с расстановкой, внятно, стараясь сделать так, чтобы до нее дошло каждое ее слово, — то я велю завязать тебе рот, и ты будешь вдобавок мучиться от жажды. Имей это в виду в следующий раз, когда вздумаешь заговорить.

И Далесари замолчала. Слезы катились по ее щекам, по никому из стражников это, похоже, не мешало. Они продолжали игру, обмениваясь безрадостными шуточками.

Поутру в кордегардию явился сам главный графский советник, господин Кернив. Далесари содрогнулась, когда увидела его.

— Так, — вымолвил он, посмотрев на пленницу. — Вот та женщина, которая забралась ко мне в покои. Очень хорошо. А где второй?

— С позволения вашей милости, второй сгинул во время обвала в подземном ходу, — почтительно ответил начальник стражи.

— Еще лучше, — одобрительно кивнул господин Кернив. — Для допроса мне достаточно одной пленницы. Не придется возится сразу с двумя. Надеюсь, никому из вас не пришло в голову выкапывать ее сообщника?

— Разумеется нет, ваша милость! — воскликнул начальник стражи.

— Превосходно! — И господин Кернив улыбнулся.

Далесари содрогнулась при виде этой улыбки, появившейся на тонких бледных губах, точно бедная родственница в доме, где ей совершенно не рады. Двое стражников подняли молодую женщину со скамьи, где она провела ночь, и повели вслед за господином Кернивом. Далесари мучилась сомнениями: будет ли присутствовать при допросе сам граф Бенойка, или же его главный советник сделает все сам.

Но если граф Гарлот не захочет посмотреть на женщину, пытавшуюся забраться в покои его главного советника, — то почему? Не потому ли, что Кернив забрал слишком

много власти в графстве?

Далесари почти не сомневалась в том, что прежде граф Гарлот был достаточно сильным и властным человеком, крепко державшим бразды правления в своих руках. Он начал сдавать после того, как оказалось, что сын его неизлечимо болен, что какая-то странная, необъяснимая хвороба разъедает душу наследника.

Вот тогда-то и началось подлинное возвышение Кернива. Граф Гарлот, скорее всего, еще не понял, откуда исходит главная опасность для его династии.

И Далесари не в состоянии открыть ему глаза. Пока не в состоянии...

Ее привели в комнату с очень низкими потолками. Судя по всему, комната эта находилась ниже уровня земли. Окон здесь не было; единственным источником света служила коптящая масляная лампа. В воздухе застоялся запах сырости.

Кернив опустился на каменную скамью, на которую слуги заботливо положили мягкую подушку. Пленницу бросили на пол у его ног.

Главный графский советник милостивым жестом отпустил стражников.

— Мы потолкуем с этой девушкой наедине, — сказал Кернив с усмешкой. — Боюсь, она застенчива и при посторонних не станет говорить, но мне, своему лучшему другу, она откроет душу. — Он наклонился к Далесари и добавил: — Она вывернет наизнанку свою душу перед старым добрым Кернивом, иначе — клянусь всеми демонами преисподней! — старый добрый Кернив вывернет наизнанку ее тело!

Далесари зашевелилась на полу. Она попыталась встать, но Кернив ударил ее ногой в лицо.

— Не вздумай! — прошипел он. — Твое место — на земле! Валяйся на брюхе, змея, и не поднимай головы!

Далесари затихла. Ярость и ужас грызли ее, но сильнее всего оставалась боль по погибшему мужу.

— Что тебе нужно? — глухо спросила она.

— Итак, ты заговорила! — провозгласил Кернив. — Хорошо. Очень хорошо. Это означает, что разум не покинул тебя. Можешь поднять голову и посмотреть налево, на то, что висит на стене. Тебе хорошо видно?

Он встал и с лампой в руке приблизился к стене. Она как замороженная следовала за ним взглядом. Поначалу Далесари не обратила внимания на убранство комнаты, но сейчас перед ней предстали те предметы, что «украшали» стену. То были большие щипцы, железные ошейники с шипами, тиски и прочие приспособления, с помощью которых из упрямцев выбивали «искренние признания».

— Видишь? — продолжал Кернив. — Это именно то, о чем ты подумала. Я буду с тобой честен, девушка. Сперва я расскажу тебе о том, что произойдет с тобой, если ты будешь упорствовать. И клянусь проклятыми богами, я сделаю с тобой все то, о чем ты сейчас услышишь! — Он говорил вполне искренне и даже как будто нехотя, и это пугало Далесари куда больше, чем открытая угроза. — Я надену на тебя этот ошейник и начну заворачивать его все сильнее, пока шипы не вопьются в твою нежную кожу. Если это не развяжет тебе язык, я зажму твои пальцы в тиски... Мне продолжать?

— Не надо, — выдавила Далесари. — Что ты хочешь узнать?

Он быстро вернулся на скамью, поставил лампу на столик и наклонился к пленнице.

— Зачем ты и твой муж забрались ко мне в комнату?

— К тебе вели следы.

— Какие следы?

Далесари замаялась, и Кернив наотмашь ударил ее по лицу.

— Говори! Какие следы!

— Светящиеся следы, — сквозь слезы вымолвила Далесари. — Следы волшебной амальгамы. Я знаю, потому что мы тоже пользуемся похожим зеркалом... Только мы никогда не предполагали, что таким зеркалом можно пользоваться — так...

— Как? — Казалось, услышанное вдруг позабавило Кернива.

— Для того, чтобы мучить ни в чем не повинных людей... Мы показывали в этом зеркале красоту. Другие иногда подсматривают за женщинами... Это можно понять. В своем роде это вполне невинно. Но любоваться страданиями нечастной девушки...

— Что такого в том, что я люблю страданиями девушки? — удивился Кернив. — Это, в конце концов, приятно. Это возбуждает. Не слишком сильно, но все-таки. Когда мне требуется более резкий раздражитель, я посылаю к ней палача, и он бьет ее на моих глазах. Ты никогда не пробовала? Сочетание боли и похоти рождает ни с чем не сравнимое наслаждение.

— Мерзкий слизняк, — прошептала Далесари. — Может быть, ты хочешь занять ее место — продолжал Кернив. — Я подумаю об этом. Как бы мне сделать так, чтобы ты поняла, чтобы ты до глубины души осознала... Может быть, пальцы тебе переломать? Очень сильное ощущение.

— Мой муж убьет тебя, — сказала Далесари. Она вдруг устала от этих бесконечных угроз.

— Твой муж? Тот дурак, которого засыпало камнями в подземном ходу? — с презрением переспросил Кернив. — Что ж, я подожду, пока демоны преисподней отправят его ко мне для дружеской беседы.

— Может быть, кто-то другой... — прошептала Далесари. — Найдется человек, который освободит меня.

Она думала о Конане.

— Никто тебя не освободит! — закричал Кернив. — Ты сгниешь в подземелье, и ни одна живая душа не узнает о том, как ты умерла!

Далесари молчала.

Кернив перевел дыхание и проговорил совершенно другим тоном:

— Сейчас ты предстанешь перед графом Гарлотом. Ты объяснишь ему, что следила за мной, потому что хотела, воспользовавшись приглашением юного Цинфелина, украсть из моих покоев что-нибудь ценное.

— Я должна выставить себя простой воровкой? — недоумевающе произнесла женщина.

— Для тебя это единственный способ остаться в живых!

— Ты знаешь, почему мы забрались к тебе! — вне себя закричала Далесари. — Ты насылал на Цинфелина видения, от которых он терял сон и покой! Ты похитил девушку и издеваешься над нею!

— Ты сама только что подписала себе смертный приговор... — Кернив зевнул. — Впрочем, другого я и не ожидал. Скажу тебе больше, я все равно избавился бы от тебя, независимо от того, что бы ты сказала. Ты немного усложнила мне задачу. Но лишь немного.

Он свистнул в серебряный свисток, и тотчас явился человек, при виде которого Далесари содрогнулась. Никогда прежде она не встречала подобных людей. Этот был коренастым, с шишковатой головой и непомерно широкими плечами. Он был совершенно обнажен, если не считать кожного фартука, забрызганного темными пятнами. На запястьях он носил широкие медные браслеты.

Он вошел в помещение, приблизился к Кернivu и опустился перед ним на колени.

— Хорошо, — сказал Кернив. — Возьми эту женщину и запри ее в подземелье. Ты знаешь, куда.

— Больше ничего? — глухо спросил палач.

— Пока — ничего... — Кернив усмехнулся. — Подождем.

Палач поднялся, схватил Далесари за локоть и потащил из комнаты. В задней стене открывалась еще одна дверь, а за этой дверью начиналась лестница — бесконечный спуск в подземелье. «Сколько же подземелий в этом замке? — смятенно думала Далесари. — И если тот ход, по которому мы пытались выбраться отсюда, обвалился, — не обвалится ли этот потолок?»

Словно угадав ее мысли, палач ударил ее кулаком в шею.

— Поторапливайся, — приказал он. — Хозяин велел мне пока не трогать тебя, но я подожду...

Подожду, пока он о тебе не забудет, и тогда жди меня. Я приду. А потом здесь «случайно» обвалится потолок, и ни одна живая душа не отыщет тебя.

Шаг за шагом Далесари спускалась все глубже под землю, и ей казалось, что она сходит в преисподнюю.

* * *

В камере было темно. Далесари осторожно обошла комнату, держась рукой за стену, и убедилась в том, что помещение, где ей предстояло провести остаток жизни, очень невелико. Она ощущала под ногами то голый камень, то сгнившую солому и вдруг наткнулась на нечто живое.

От неожиданности Далесари вскрикнула и, не удержав равновесия, упала. То, что напугало ее, пошевелилось и ухватило Далесари за щиколотку.

— Сядь рядом, — прозвучал тихий голос. — Сядь и успокойся. Тебе ничего не грозит. Не от меня.

Далесари, вся дрожа, повиновалась. Чья-то невесомая рука провела по ее плечу.

— Успокойся, — повторил голос.

Постепенно дрожь затихала. Вслушиваясь в голос, Далесари начала понимать, что с ней разговаривает друг. Голос был дрожащий, старческий и очень ласковый.

— Кто ты? — спросила Далесари.

— Я первая, — прошелестел ответ. — Кто ты?

— Ты женщина?

— Опять вопросы... Отвечай на мои! Кто ты?

— Меня зовут Далесари, я показывала фокусы... фокусы с зеркалами, а потом мы увидели одно зеркало в опочивальне Кернива...

— Понятно, — отозвалась неведомая товарка по несчастью.

— Тебе понятно? — удивилась Далесари. — Даже мне не все здесь понятно! К тому же я рассказывала так путано и сбивчиво...

— Здесь замешаны Кернив и зеркала, — был ответ. — В моем деле все то же самое. Зеркала и Кернив... Он очень умен, очень хитер. Он умеет ждать, и этим опасен.

— Расскажи, — попросила Далесари.

— Я стара, теперь уже очень стара... Не знаю, зачем мне сохраняют жизнь. Наверное, забыли отдать приказ о том, чтобы меня убили. Стражник приносит мне еду — раз в два дня. Очень добрый стражник. Подозреваю, он кормит меня за собственный счет. Что ж, я старуха, мне много не надо. Могу поделиться с тобой. Ты хочешь умереть?

— Нет, — ответила Далесари. — Я ведь еще не знаю, уцелел ли мой муж.

— Всегда нужно надеяться, — произнесла старушка.

— Времени у нас много, — сказала Далесари. — Расскажи мне свою историю...

— Что ж, — промолвила старушка. — Насчет времени — не знаю. Человеку всегда кажется, что у него впереди еще много времени, а потом вдруг происходит нечто, и выясняется, что времени-то у него как раз и нет. Вот и я думала: удачно складываются мои старые годы, доживу век в тепле и неге, буду заниматься тем делом, которое так мне по душе — буду растить мою голубку... А обернулось все иначе!

Я была кормилицей в знатной семье. Вырастила двоюродную сестру нынешнего графа Гарлота. У графа есть двоюродная сестра — ты не знала? Все, что осталось от всей его родни. Муж ее погиб при странных обстоятельствах — свалился в пропасть, когда ехал по горам. Никто так и не выяснил, как такое могло произойти, он ведь всю жизнь в седле и всегда в горах...

Ну да ладно. У моей красавицы осталась дочь, и вот к этой-то девочке я и была

приставлена нянкой. До чего хорошая была девочка! После гибели ее отца только на ней одной сосредоточилась вся любовь, вся нежность моей госпожи. Да и я в ней души не чаяла.

И вот однажды случилось нечто ужасное. Я первая заметила... Лучше бы я ничего не замечала. Лучше бы не обратила на это внимание! Захожу как-то раз в детскую. Боги, это было уж зим десять назад, и моей голубке было зим семь. Как вспомню, все в душе переворачивается!

— Ты сидишь в этой тюрьме уже десять зим? — перебила Далесари, не веря услышанному.

— Наверное... Не знаю. Может быть, меньше. Я давно потеряла счет времени, но, полагаю, что так, — ответила старушка. — Обо мне заботятся. Может быть, тот добрый стражник прислан моей госпожой, которая раскаивается в том, что сделала... Не знаю. Не мучай меня вопросами. Я стараюсь не думать об этом. Слушай лучше о том, что случилось. Вот вошла я в детскую, а моя девочка на меня и не смотрит. Играет с куколкой. И девочка хорошенькая, здоровенькая, На щечках румянец, глазки как звездочки, и куколка чудесная... Но что-то во всем этом, вижу, не так. Пригляделась — и все во мне омертвело. Девочка раз за разом повторяет одни и те же движения. Как автомат. Сперва покачает куклу, потом оглядится по сторонам невидящими глазами, потом сядет на корточки и поводит куклу за ручку, а после опять сначала: покачает, оглядится... Колдовство какое-то! Когда такое бывало, чтобы ребенок одно и то же повторял! Бросилась я к ней, чтобы обнять ее, чтобы колдовство рассеять, схватила ее обеими руками, желая к груди прижать... и толь ко воздух обняла.

Исчезла моя девочка! Наваждение это было! Я — кричать; сбежались слуги, прибежала и моя госпожа. Вне себя от горя приказала моя госпожа меня допрашивать. Я рассказала сдуру все, что видела, и меня тут же обвинили в том, что я помогала, дескать, в похищении. Допытывались — кто похититель? А откуда мне знать?

Госпожа моя обратилась к графу, своему двоюродному брату. Тог передал дело Кернivu как человеку более опытному в обращении с преступниками. Кернив! Я только потом догадалась, кто стоит за этим похищением... А тогда я ни о чем не подозревала. Даже думала, что он поможет разыскать пропавшую девочку. Все ему пересказывала по несколько раз. Про привычки ее рассказала, про то, что она любит. Уж не знаю, как он потом все это использовал, но уж наверняка так, чтобы мучить ее.

— Да, это на него похоже, — прошептала Далесари.

Старушка всхлипнула.

— Нет и не будет мне покоя, пока она не освободится. Не знаю, где этот злодей ее содержит.

Далесари крепко обняла ее.

— Знай, скоро придет избавление! Цинфелин и еще один верный человек отправились па поиски. Они теперь знают, что произошло с девушкой и где она находится. Даже если мы с тобой умрем в этом проклятом подземелье, она будет освобождена, в этом я не сомневаюсь!

Глава шестая Возле маяка

Он оглядывался по сторонам и, казалось, не верил собственным глазам. Вот маяк! Тот самый, что виделся в зеркале! Просто удивительно... До последнего Цинфелин боялся ошибки.

Ему казалось невероятным, чтобы иллюзия, представленная в магическом зеркале, все-таки оказалась явью.

Казалось, Конан догадывается о мыслях, что теснились в голове его спутника.

— Ты сомневаешься? — спросил киммериец.

Цинфелин чуть виновато кивнул.

— В зеркале все это выглядело немного иначе... Менее реально...

— И все же мы нашли это место, — произнес Конан. — Смотри, вот маяк возле пролива, и даже чайки, что кружат над ним, точно такие же, как были в видении. А вон там — там башня, где заточена твоя красавица.

— Мы освободим ее? — немного неуверенно спросил юный граф.

— Можешь не сомневаться! — рассмеялся Конан. — Много башен повидал я на своем веку, и не было ни одной, которая бы не покорила мне.

Он осмотрелся по сторонам. Путешественники стояли на холме, что высился над побережьем. Вся картина раскрылась перед ними, словно театральная сцена после того, как поднят занавес. Мрачная башня выглядела совершенно необитаемой. Странное дело — даже чайки, казалось, избегали летать поблизости от нее.

— А что там, внизу, у подножия маяка? — спросил вдруг Цинфелин, указывая на россыпь домиков, видневшихся возле второй башни.

— Наверное, какой-нибудь рыбацкий поселок, — предположил Конан. — Для нас это не помеха. Напротив, у этих людей можно будет разжиться рыбой и другими припасами. Обычно рыбаки не слишком-то жалуют чужаков, но если найти к ним подход, расскажут кое-что интересное касательно второй башни. А если подпоить их... то результат может оказаться и вовсе неожиданный. Так что — отринем сомнения, и вперед!

Он пришпорил коня, и путники спустились на побережье.

Скоро они добрались до поселка. Как и предполагал Конан, основным занятием местных жителей была рыбная ловля. Во всяком случае, именно об этом свидетельствовали развешанные повсюду сети и неизбывный запах копченой рыбы, которым, казалось, пропиталось все вокруг. Цинфелин с непривычки морщился, а Конану хоть бы что.

Киммериец оглядывался по сторонам, словно пытаясь запомнить и осознать каждую мелочь из тех, что попадалась ему на глаза. И с каждым мгновением лицо Конана делалось все более хмурым и озабоченным.

— Что с тобой? — спросил Цинфелин шепотом. — Здесь что-то не так?

— Еще не знаю, — ответил киммериец. — На всякий случай помалкивай, а если придется действовать — делай как я. И не задавай вопросов.

Они проехали между домов. Рыбаки постепенно оставляли свои дела и выходили навстречу незнакомцам. Одни бросали сети, которые до этого чинили, другие выбирались из-под лодок, которые конопатили, третьи с ножами для разделки рыбы показывались из коптилен... Все они выстраивались вдоль главной улицы и таращились на чужаков.

Затем они начали сбиваться в небольшие стайки — назвать эти сообщества «компаниями людей» почему-то язык не поворачивался. Это было похоже на то, как дикие псы сходятся в стаи перед тем, как атаковать крупную добычу.

Пришельцы медленно ехали по улице, стараясь не смотреть ни вправо, ни влево. Цинфелин весь сжался. Никогда прежде с ним такого не случалось. Эти молчаливые простолюдины внушали графскому сыну ужас. Обычный животный ужас, какой испытывает олень, когда видит бегущих к нему охотничьих собак и слышит рожок.

Конан, напротив, небрежно развалился в седле. Он даже не вытащил из ножен меча.

Чуткое ухо киммерийца улавливало обрывки фраз, которыми глухо обменивались местные жители.

— Новички?..

— Нет, не годятся...

— Эти не подходят — они пришли посуху...

— Ты уверен?..

— Я их обнюхал... От них не пахнет морем...

— Они еще живы...

— Когда нам это мешало?

— Нет, не годятся, эти не годятся — эти пришли по суше...

Последняя фраза, хоть и звучала так же загадочно, как и все остальные, все же показала Конану обнадеживающей. «Не годятся»! Интересно, а как выглядят те, которые здешним рыбакам «годятся»?

— Тише, — шепнул, не разжимая губ, Конан своему спутнику. — Ни слова!

Они продолжили путь, не ускоряя шага. Инстинкт подсказывал Конану, что нельзя ни в коем случае бежать от этих людей или показывать свой страх перед ними, какими бы жуткими они ни казались. На краю поселка Конан остановил копя, и его тотчас обступило несколько человек. Цинфелин держался в стороне. Удивительно, но на второго путешественника рыбаки вообще не обратили внимания.

Конан заговорил со старым рыбаком, чья одежда выглядела закопченной и провоняла дымом — даже усы его выглядели так, словно их долго вялили над огнем вместе с рыбой.

— Скажи, друг, где мы находимся?

Рыбак поднял на Конана полусонные глаза и ничего не ответил.

— Кто-нибудь скажет мне, что это за место? — повысил голос киммериец. — Кому принадлежит та башня?

Он указал на мрачную башню.

По-прежнему ответом ему было молчание. Несколько человек начали причмокивать, словно предвкушая трапезу, а старый рыбак сунул в рот свой ус и принялся сосать его.

Цинфелин дернулся в седле, словно намереваясь ворваться в гущу толпы и покарать наглецов добрым ударом меча, но Конан вовремя сделал ему предупреждающий жест и остановил его.

Цинфелин замер.

И снова Конан уловил невнятное бормотание:

— Нет, эти не подходят... пришли посуху...

Конан развернул коня и двинулся прочь.

Цинфелин последовал за ним.

— Ты понял, что там происходит, в этом поселке? — спросил Цинфелин, догоняя Конана.

Киммериец ехал по берегу, погруженный в свои мысли. Услышав голос юного графа, он обернулся.

— Что? — переспросил он. И тотчас покачал головой: — Нет, это пока осталось загадкой. До поры, разумеется. Нет такой загадки, которая бы мне не открылась. За исключением тех, которые я уничтожаю прежде, чем кто-либо успевает открыть рот. Знаешь, как это бывает забавно! Какой-нибудь глупый колдун встает в позу и начинает: «А теперь я открою тебе величайшую тайну из всех, какие только ведомы человечеству!.. Итак, внимли!» И тут я роняю на его голову тяжелую каменную плиту или попросту отделяю болтливую башку от тела... и никаких тайн, все предельно просто. Я жив, а он — мертв.

Цинфелин поморщился.

— Я надеялся, что ты хотя бы сейчас заговоришь серьезно.

— Я серьезен как никогда, — возразил Конан. — Жизнь и смерть — вот те тайны, которыми следует заниматься, а все прочее — просто мусор. Нам не следует тратить время на разгадку секретов, которые, быть может, вовсе не имеют никакого отношения к нашему делу. Мы не можем позволить себе потерять ни минуты! Кто знает — быть может, жизнь твоей пленницы прямо сейчас подвергается опасности.

Цинфелин побледнел.

— Ты прав, — признал он. — Возможно, эти рыбаки с их загадками и невнятным бормотанием существуют лишь для того, чтобы отвлечь нас от главной цели.

— Вот видишь, и ты можешь рассуждать здраво, — обрадовался Конан.

Между тем они приблизились к башне и остановили коней. Огромное сооружение высилось над ними. Казалось, оно намерено штурмовать само небо, чтобы там помериться силами с божественной силой.

Стены, сложенные огромными почерневшими от времени булыжниками, казались неприступными. Островерхая крыша царапала облака, распарывая их брюхо.

Конан заметил, что поблизости от башни нет никакой растительности. И хотя камни постоянно были влажными — от близости моря, и от частых дождей, на них даже не вырос мох.

Кони обоих всадников начали ржать, вставать на дыбы и мотать головами. Животные явно не желали приближаться к этому зловещему месту.

Конан и Цинфелин с трудом укротили своих животных. Конан спешился.

— Попробую узнать, что здесь творится. Может быть, здесь вообще никого нет.

— Никого нет? — удивился Цинфелин. — Как такое может быть?

— Никого, кроме пленницы, — уточнил Конан.

— А разве такое возможно?

— Почему бы и нет?

— Я думал, пленница слишком важна... Слишком важная для негодя, чтобы он оставил ее без охраны.

— Ты переоцениваешь некоторых негодяев, — заметил киммериец. — Башня выглядит устрашающе. Здесь действуют древние чары, которые насылают на человека ужас, едва он только видит эту башню. Помнишь, наши странствующие фигляры не захотели поворачивать свое зеркало в сторону этой башни? А ведь вид здесь довольно живописный! Тем не менее они поспешили отсюда убраться. Так что, не исключено, что пленница находится внутри совершенно одна. Ну, с каким-нибудь стражником, который приносит ей еду. Расправиться с одним-единственным стражником не составит большого труда. А магии, даже насылающей чары ужаса, я не боюсь.

— Надеюсь, ты не ошибаешься, — пробормотал Цинфелин, глядя, как киммериец спрыгивает с седла и уверенным шагом направляется к низкой дверце, ведущей в башню.

Однако открыть дверь Конан не успел. Ему оставалось сделать еще шагов пять до башни, когда дверь распахнулась, и навстречу Конану вышел целый отряд. Человек пятьдесят в доспехах, со щитами и копьями, выступили из башни и окружили киммерийца.

Конан, подбоченясь, смотрел на них. Ему казалось, что кое-кого он узнает... Во всяком случае, в их выправке и манере держаться было нечто знакомое.

— Наемники! — пробормотал киммериец. — Наемники из Гандерланда! Так-так, интересно...

Он прищурился, рассматривая своих будущих противников. И тут его окликнули по имени:

— Конан! Я так и подумал почему-то, что только Конан мог решиться на такое. Ну надо же! Явиться сюда!.. Прямо в пасть к дьяволу!

— Гуннар! — обрадовался киммериец, поворачиваясь к здоровенному детине, чей доспех был украшен богаче, чем у остальных. — Это ты, Гуннар? Рад тебя видеть! Я ведь думал, что ты давным-давно погиб...

Гуннар поморщился, как будто киммериец задел какую-то неприятную для него тему.

— Никто не собирался жить вечно, не так ли? — ответил Гуннар киммерийцу. — Ни один наемник, во всяком случае, вступая в отряд, не предполагает, что боги сохранят его для долгой жизни. И довольно об этом!

— Так ты рад меня видеть? — осведомился Конан.

— Да, — ответил Гуннар, но в его тоне прозвучала странная неуверенность. — Я угощу тебя и твоего спутника элем, если хотите. У нас имеются хорошие запасы.

— Что вы здесь делаете целым отрядом? — поинтересовался Конан. — Вот уж не думал, что вас занесет сюда, на край света.

— А ты что здесь делаешь, Конан? — вопросом на вопрос ответил Гуннар.

— У меня здесь дельце, — уклончиво отозвался киммериец.

— Ну а нас наняли для того, чтобы мы охраняли эту башню, — заявил Гуннар.

— Охраняли? Но что здесь такого, что можно охранять? — Копай не слишком удачно

изобразил удивление.

Цинфелин подъехал поближе, но Конан сделал ему знак, чтобы юноша не вмешивался.

— Ты знаешь наше правило, Конан, — сказал Гуннар. — Нам платят деньги за работу, а мы не задаем лишних вопросов. Наш наниматель хочет, чтобы мы никого не пропускали в башню, кроме него самого. Вот чем мы занимаемся.

— И что, много было желающих сюда забраться? — прищурился киммериец.

Гуннар оглушительно, но как-то безрадостно расхохотался.

— Сказать по правде, ты — первый, — фыркнул он. — Мы здесь пухнем со скуки, но выбора у нас нет. Тот, кто нас нанял, хорошо знает свое дело. А теперь — убирайся, киммериец, и уводи с собой своего дружка! Убирайся, покуда цел! У нас с тобой нет вражды, и никто из нас не желает тебе зла. Однако если ты попытаешься проникнуть в башню, мы тебя убьем. Мы выполним наш контракт, чего бы нам это ни стоило.

— Почему? — спросил Конан. — Неужели плата так высока?

Цинфелин подъехал еще ближе и решился вмешаться:

— Сколько бы ни заплатил вам ваш наниматель, назовите цену — и я дам вдвое больше.

— Ты? — Гуннар смерил юношу взглядом. — Да кто ты такой?

— Я Цинфелин, наследник графства Бенойк. Поверьте, я хорошо понимаю, о чем говорю. Я не даю обещаний, которые не смогу выполнить.

— Ты не сможешь дать нам вдвое больше того, что нам заплатили, — отрезал Гуннар. — Ты не сможешь дать нам даже ту цену, которую платит наш наниматель. И покончим на этом. Мы не желаем вам зла, поэтому просим по-хорошему: уезжайте.

К удивлению Цинфелина, Конан кивнул.

— Хорошо. Будь по-твоему, Гуннар. Уезжаем.

Он действительно сел на коня и двинулся прочь. Цинфелин, недоумевая, последовал его примеру.

Стражники, помедлив, вернулись в башню.

* * *

Когда Конан и Цинфелин остались наедине, молодой граф не выдержал.

— Как ты мог! — взорвался он. — Ты был в двух шагах от нашей цели и отступился! Почему ты не добился у этого Гуннара — какую цену ему предложили? Ведь вы, кажется, знакомы! Он даже считает себя твоим другом...

— У наемников не бывает друзей, — ответил Конан совершенно спокойно. — Только наниматели и товарищи по оружию. Наемник так же легко простит предательство, как другой человек простит кражу конфеты из золотой вазочки. Наемник доверяет только самому себе. Гуннар мне не друг.

— Стало быть, и ты мне не друг? — спросил Цинфелин.

— Не обольщайся, — хмыкнул Конан. — Ты еще не доказал мне, что можешь быть моим другом. Но я не предаю тебя, если ты об этом.

— Да, да, знаю... — пробормотал Цинфелин, думая о своем. — Почему же ты не попытался прорваться в башню?

— Потому что их — пятьдесят человек, — ответил Конан. — Даже я не в состоянии одолеть с наскоку сразу пятьдесят здоровенных воинов, вооруженных, к тому же, до зубов.

— Стало быть, ты — трус! — заявил Цинфелин.

— А ты — белоручка и дурак! — ответил Конан равнодушно. — Хочешь загрести жар моими руками? Ничего не получится. Нужно действовать с умом.

Цинфелин побледнел и закусил губу.

— Ладно, — смягчившись, проговорил Конан, — не кипятись.

— Я убью этого капитана, — прошептал Цинфелин.

— Очень хорошо, — сказал Конан таким тоном, каким кормилица успокаивает капризного ребенка, суля ему луну с неба. — Конечно, убьешь. Нападём на них ночью.

— Ночью? — Цинфелин медленно поднял на Конана глаза. — Но ведь они и будут ожидать ночного нападения!

— Нет, не будут, — Конан покачал головой. — Напротив. Этот капитан меня знает. Он подумает, что я подумую, что он будет ждать меня ночью...

Конан говорил рассеянно. Было очевидно, что его мысли занимает некое постороннее соображение, не имеющее никакого отношения к планам атаки.

Цинфелин решился нарушить задумчивость своего спутника.

— Скажи, что тебя так беспокоит? Неужели предстоящая стычка с наемниками?

— Стычка? — Конан выглядел удивленным. Несколько мгновений он размышлял, словно пытаясь понять, о чем вообще шла речь, а затем покачал головой. — Нет, стычка меня совершенно не волнует. Я думал сейчас о другом. Об одной очень странной вещи. Видишь ли, Цинфелин, несколько зим назад я слышал, будто этот капитан, Гуннар, погиб вместе со всем своим отрядом. Я, конечно, очень рад был увидеть, что это не так... И все же не всякий слух следует отмечать как несущественный. Наемники бывают очень точны в подобных случаях. Еще одно правило. Всегда хорошо знать, кто жив, а кто мертв. Кого могут нанять, а кого уже никогда нанять не смогут...

* * *

Конан и Цинфелин устроили лагерь на вершине холма, так, чтобы видеть все побережье: обе башни, рыбацкий поселок и пролив.

Лошади были рады убраться подальше от этих жутких мест. Сейчас они паслись, пощипывая свежую траву, и выглядели довольными. Чего нельзя сказать об их хозяевах.

— Надвигается буря! — сказал Конан, всматриваясь в горизонт.

Небо было голубым, безмятежным, так что Цинфелин удивленно воззрился на своего спутника.

— С чего ты взял?

— Видишь вон то маленькое облачко на горизонте? — показал Конан. — Скоро оно вырастет так, что закроет все небо, и оттуда вырвутся молнии и громы.

— Откуда ты знаешь подобные вещи? — еще больше удивился Цинфелин.

— Мне доводилось плавать по морю.

Цинфелин только пожал плечами.

— В любом случае, мы мало что можем сделать. Если начнется буря — она начнется. От нас ничего здесь не зависит. Мы ведь не боги, чтобы остановить стихию, — заметил молодой граф.

Конан зловеще ухмыльнулся.

— Поищем какое-нибудь укрытие, — предложил он. — Иначе вымокнем до нитки. Впрочем, хорошо, что мы на суше. Будь мы сейчас на море — тяжело бы нам пришлось.

Цинфелину невольно пришел на ум шепоток рыбаков из поселка: «Они нам не подходят — они пришли посуху»... Молодому человеку показалось, что он вот-вот поймет тайный, страшный смысл этих слов.

Небо постепенно мутнело, наливалось темнотой. Конан не ошибся — облачко, пришедшее с горизонта, разрасталось и чернело. Скоро уже сделалось темно, как ночью, и в этой тьме, прорезаемой безмолвными молниями, стало видно, как вдали появился корабль.

Большое судно, оснащенное парусами и веслами, отчаянно несло на свет маяка. Цинфелин смотрел на корабль во все глаза.

— Они ведь спасутся? — прошептал он совершенно по-детски. Так ребенку непременно хочется, чтобы у сказки был хороший конец.

Конан не ответил. Неожиданно произошла очень странная вещь: маяк повернул лампу,

а после и вовсе погас.

Сквозь рев бури до наблюдателей донеслись треск и скрежет. Корабль налетел на скалы и разбился.

Глава седьмая

Из темноты в темноту

Открыв глаза, Югонна прислушался. Его обступала тьма. Вокруг царила мертвая тишина. В первое мгновение ему подумалось, что он очутился в небытии, завис в безнадежной пустоте между жизнью и смертью... «Неужели так выглядят Серые Миры, о которых столько толкуют люди?» — думал он со странной отрешенностью, как будто речь шла вовсе не о нем, а о каком-то постороннем человеке.

Потом до его слуха донесся еле слышный скрежет. Этот звук едва можно было уловить, и все же он всколыхнул в Югонне надежду. Ничему на свете он, кажется, так не радовался, как этому признаку того, что еще находится в мире живых!

Он попробовал пошевелиться. Очень осторожно. Сперва правая рука. Повреждений нет, и сама рука, кажется, на воле. Затем левая. Эту придавило. Югонна снял, нащупав в темноте несколько камней, и левая рука тоже высвободилась.

Он покрутил головой. В висках ломит, но терпеть можно, а главное — он, кажется, начал соображать, что происходит.

Воспоминания возвращались одно за другим и постепенно становились все более яркими. Они проникли в спальню к вельможе, к главному графскому советнику, увидели там зеркало и отражение в полированной поверхности, покрытом волшебной амальгамой... Женщина. Молодая девушка, прикованная к стене, и мирно спящий на роскошной постели старик.

Кровь вскипела в жилах у Югонны. Пока он тут сидит, заваленный в подземелье, две беспомощные женщины страдают в руках у негодяев! Впрочем, быть может, Далесари все-таки сумела убежать...

Но он никогда не будет спокоен, пока не увидит ее. Ему нужно убедиться в том, что она в безопасности. А потом останется лишь разыскать Конана и открыть ему, кто виновен во всем происходящем.

Так просто... И почти невозможно.

Глаза постепенно привыкали к темноте, и вдруг Югонна увидел рядом с собой нечто живое. Это живое шевелилось и, более того, отчаянно пыталось дотянуться до него. Югонна видел маленькую мордочку, имеющую странное и отвратительное сходство с человеческим лицом, острые длинные зубы, окруженные подобием губ, горящие пронзительным светом глаза... Одна из лап чудовища находилась на свободе, и ее когти тоже изо всех сил тянулись к нему.

Югонна взял камень и изо всех сил ударил по морде чудовища. Раздался визг, похожий на скрежет металла по стеклу, пронзительный и жуткий.

Югонна стиснул зубы и повторил удар. Не хватало еще, чтобы эта тварь добралась до него, пока он лежит тут под завалами камней.

Нужно выбираться как можно скорее. Подземелье кишит чудовищами. Любое из них в состоянии прогрызть ход сквозь камни и вцепиться в жертву, а он, Югонна, не сможет даже пошевелиться.

Он проклял свое слишком живое воображение, когда представил себе, как лежит, придавленный тяжестью, а монстры пожирают его заживо. Он попытался согнуться и снять со своих ног еще один камень. Но отбросить камень было некуда. Туда, где имелся небольшой просвет, руки не дотягивались, и имелся риск ударить самого себя по голове. К тому же глупо и бессмысленно заваливать единственное свободное место — дышать-то он

чем будет? Югонна застонал сквозь зубы. Бесславная гибель! Безвестная и бесславная! Не об этом он мечтал, когда был моложе...

Неожиданно он услышал, как кто-то возится с камнями, пытаясь пробиться к нему со стороны коридора. Югонна замер и насторожился.

Может быть, это стражники? Явились выкопать его и закончить начатое? Что ж, в любом случае оказаться в руках людей, пусть даже и враждебно настроенных, предпочтительнее, чем заживо сгнить в завале.

— Я здесь! — повысил голос Югонна.

Тот, кто снимал камни, остановился. Очевидно, прислушивался.

— Я здесь! — снова крикнул пленник.

Работа возобновилась. Кто бы ни пытался освободить попавшего в ловушку Югонну, он обладал значительной силой и, кроме того, был наделен упорством.

Спустя какое-то время к Югонне начал пробиваться прохладный воздух. Затем в узкий проход всунулась чья-то рука. Пальцы незнакомца коснулись волос Югонны. Он содрогнулся от прикосновения, которое показалось ему неприятным.

— Ты жив? — спросил низкий голос.

— Да, — помолчав, отозвался Югонна.

— Подожди, сейчас откапаю.

Рука исчезла, работа возобновилась. Югонна хотел было помочь, но голос остановил его:

— Не двигайся и ничего не делай. Ты только мешаешь.

Югонна послушно замер. Ну надо же, им еще и командуют! А он, самое забавное, повинуетя, словно мальчишка.

Скоро проход расширился настолько, что незнакомец смог забраться туда.

— Нам повезло, что ты был почти у самого выхода, когда все рухнуло. Если бы тебя завалило глубже в тоннеле, мне пришлось бы провозиться всю ночь, — объявил незнакомец. По его голосу слышно было, что он улыбается.

— «Нам»? — переспросил Югонна.

— Ну да, — подтвердил незнакомец, — ведь мы заодно, не так ли?

— Кто ты?

— Мое имя Рихан. Молодой граф Цинфелин называл меня своим другом, и, смею надеяться, так оно и есть. Я решил присматривать за тобой и твоей подругой.

— Что с Далесари? — вырвалось у Югонны.

Рихан вздохнул.

— Лежи спокойно, иначе камни придавят тебя так, что ты не сможешь потом ходить. А ты нужен мне живой и здоровой, иначе мы не сможем помочь ей.

— Что с ней? — повторил Югонна в ужасе, однако, повинаясь приказу нового друга, остался неподвижным.

— Ее захватили в плен.

— Кто?

— Главный советник графа, разумеется. Он у нас теперь заправляет всеми делами. Очень важная фигура, — с горечью добавил Рихан. — Чем скорее он будет разоблачен, тем лучше для всех нас. Надеюсь, твой друг Конан знает, что делает. Он уехал с молодым графом...

Рихан вздохнул, и Югонна вдруг догадался: молодой человек огорчен тем, что его оставили в замке!

— Хорошо, что хоть ты здесь остался, — сказал Югонна быстро. — Не будь тебя рядом, я бы умер. И некому было бы помочь Далесари. Ты хорошо сделал, что согласился присматривать за нами, Рихан.

— Я не этого хотел, — простодушно буркнул Рихан. Он ухватил Югонну за плечи. — Ты готов? Я попробую вытащить тебя.

Он напрягся и потянул. Югонне показалось, что две равновеликие силы разрывают его

на части. Тяжесть, лежавшая на ногах, тянула вглубь тоннеля, как бы засасывала во тьму, а мощь Рихана, напротив, упорно волокла его к свету.

Югонна попытался оттолкнуться ногами от камней.

Еще несколько рывков, и вдруг Югонна ощутил невероятную легкость. Рихану удалось вытащить его наружу.

Они услышали протяжный отдаленный гул. Тоннель продолжал обваливаться. Совсем близко осыпались новые камни. Потревоженные подвижкой, упали большие булыжники и завалили то место, где совсем недавно находился пленник.

Рихан и его новый приятель очутились в коридоре, когда из тоннеля вылетела туча пыли.

— Вот и все, — сказал Рихан. — Подземелья больше нет. Странно, что оно обрушилось именно сейчас.

— Должно быть, оно было очень старым, — возразил Югонна. — Рано или поздно это должно было случиться. Если за подземным ходом не следили, не укрепляли его...

— Нет, все это на самом деле выглядит необычно, — стоял на своем Рихан.

— В этом замке сейчас творится много необычного, — заметил Югонна. — У тебя есть какое-нибудь подходящее укрытие для меня? Я хотел бы рассказать тебе подробнее обо всем, что с нами случилось.

* * *

Югонна был прав, когда говорил о том, что в графстве Бенойк творится немало странного. Но если бы он знал, как разрослась тьма в этих землях, то никогда бы по доброй воле не ступил сюда и не позволил бы Далесари даже входить в замок.

Граф Гарлот даже не подозревал о том, что происходило в его наследственном владении. Гарлот был самым обыкновенным графом: немного войны, немного политики, немного развлечений.

Несколько раз ему приходилось принимать участие в конфликтах, связанных с Аршанским лесом.

Лес этот, традиционно называемый по имени первого его владельца, впоследствии был разделен между двумя соседями: графством Бенойк и графством Аршан. Бенойку принадлежала лучшая часть леса, так что кораблестроители Бенойка не уставали благословлять своего графа за то, что он отвоевал для них это владение.

Граф Аршана вынужден был мириться с этим обстоятельством. И так продолжалось какое-то время, пока наконец не вспыхнула война.

Повод для войны между графами-соседями назревал давно, особенно если учесть, что в жилах графа Аршана текла зингарская кровь — а зингарцы испокон веков оставались заклятыми врагами офирцев.

Предлог же для начала конфликта был пустяковый. На землях Бенойка убили одного зингарца, родом из Аршана, который — по словам убийц — пытался воровать древесину.

Война началась и длилась несколько зим.

Граф Аршана, не располагая достаточной для ведения боевых действий личной армией, вынужден был нанять отряд Гуннара...

С этого все и началось.

... Иногда к Гуннару приходили обрывочные воспоминания, и тогда он впадал в тоску. Бегал по берегу, тянул руки к горизонту, словно пытался ухватить нечто незримое... Но в конце концов все ускользало от него, и воспоминания, и сама жизнь.

Только обрывочные картины вставали в его мыслях и мучили его.

Он помнил, как граф Аршана нанимал их. Помнил деньги в кожаной сумке, переходившие из рук в руки. Помнил и задание: захватить башню возле пролива, принадлежащую графу Бенойка.

Почему-то башня эта была важна. Да, точно. Она позволяла контролировать пролив. Очень важная башня. И маяк. Кто владеет башней, владеет и маяком, а маяк — это корабли, идущие в твою гавань. Корабли с богатым товаром, с купцами, готовыми платить пошлины. Корабли — смысл жизни и основа процветания Офира.

Должно быть, произошло несколько сражений. Это было весьма обыденным делом и потому не задержалось в памяти капитана. А вот потом... потом случилось нечто странное.

Гуннар помнил этот вечер во всех подробностях. Наверное, потому, что вечер этот стал самым главным в его жизни. Если только то бытие, в которое он был сейчас погружен вместе со своим отрядом, можно было назвать «жизнью».

Гуннар сидел в своей палатке, разбитой прямо на берегу, и играл в кости с друзьями. Им было скучно. Сражения приостановились. Беноек собирал силы, Аршан, кажется, совершенно истощился в этой войне. Осталось поднажать совсем немного — и война лопнет, как мыльный пузырь. Каждый из соперников останется при своем, наемники покинут графства, унося с собой плату за труды, погибшие будут сожжены и присоединятся к сонму умерших предков... и все забудется до следующего конфликта.

Такое случалось уже не раз. И повторилось бы вновь, если бы не старик, заглянувший в палатку к Гуннару тем вечером.

— Скучаете? — вкрадчивым голосом осведомился он.

Что-то было в облике старика такое, что не позволило солдатам обращаться с ним пренебрежительно. Гуннар встал, чтобы поклониться вошедшему, и прочие последовали примеру капитана.

Старик был высоким, с орлиным носом, яркими глазами. Он смотрел так властно, что людям и в голову не приходило противиться его воле. Было очевидно, что он обладает могучей скрытой силой. И Гуннар, всю жизнь потративший на то, чтобы научиться отличать тех, кого можно убить, от тех, кому следует покориться, сразу распознал в старике опасного человека.

— Мы слушаем тебя, — произнес Гуннар почтительно. — Ты пришел нам с каким-то важным делом?

— Я пришел выиграть войну, — ответил старик. — Будьте внимательны и делайте все в точности как я скажу. Вы уже целую луну пытаетесь штурмовать эту башню. Мне нужно, чтобы вы проникли в нее. Там в подвалах спрятаны сокровища. Я знаю это точно, потому что сам служу графу Бенейка, Гарлоту. Я его главный советник.

Наемники загудели угрожающе, начали обмениваться сердитыми и недоумевающими взглядами, но Гуннар остановил их мановением руки.

— Пусть продолжает. Если у вас будут вопросы, вы зададите их потом.

— Я знаю, какие вопросы вертятся на языке у этих недалеких, но славных парней, — усмехнулся старик. — Они спрашивают себя: почему главный советник графа Гарлота пришел к ним, воюющим на стороне его соперника, графа Аршана. Почему я хочу помочь вам забраться в башню, принадлежащую моему господину? Ведь именно это не дает вам покоя?

— Да, — прямо сказал Гуннар. — Мы чувствуем в этом какой-то подвох. Может быть, это хитрость, направленная на то, чтобы погубить нас?

— Нет, если вы сами себя не погубите, — ответил советник графа Гарлота. — Для вашего же блага я надеюсь, что вы поступите в точности так, как я скажу. Мне нужно кое-что из того, что хранится в этой башне. Мой господин владеет одной удивительной вещью. И как же он пользуется этой вещью? Да никак! Он держит ее запертой в сундуке, погребенной внутри башни. Он не прикасается к ней и запрещает другим даже приближаться к этому сундуку. Сам невежда в этих вопросах, он полагает, что не найдет человека, способного использовать эту вещь во благо. Я намерен изменить такое положение дел. Вам понятно?

— Нам понятно, — кивнул Гуннар. — У твоего господина есть нечто, чем ты хочешь

завладеть, а лучший способ осуществить это — воспользоваться нами.

— Что ж, ты схватываешь на лету, наемник, — ответил главный советник графа Гарлота. — Не видишь ли ты для себя в моем предложении чего-либо унижительного?

— Нет, — ответил Гуннар за всех. — Ведь мы работаем за плату. В этом смысл нашего существования. И если ты хорошо заплатишь нам за то, что мы добудем тебе тог сундук, — что ж, мы согласны.

Кругом загудели. Люди ухмылялись, обменивались веселыми взглядами. Как удачно все складывается! Предатель поможет им взять башню, которую они пытались штурмовать несколько раз — и все неудачно; а заодно еще и приплатит за услуги! Эдак они получают свою плату дважды, и от собственного нанимателя, и от врага!

— Да, — медленно промолвил Гуннар, — вот это удача так удача! Какой еще наемник может похвастаться тем, что дважды получал деньги за одну и ту же работу!

— Мне нравится твое здравомыслие, — сказал ему советник графа. — Надеюсь, оно не изменит тебе и впредь.

* * *

Ровно в полночь, когда рогатый месяц выбирался на небо, наемники уже выстроились перед стеной башни. Башня, казалось, спала. Все было глухо. Голые стены, ровные, без окон, уходили высоко в небо. Никаких ворот, чтобы их можно было выбить тараном, никаких ходов. Башня казалась необитаемой, хотя на самом деле там имелся гарнизон. Все окна и воздушные колодцы были проделаны на крыше, а попадали в башню по подземному ходу, ведущему из потайного места.

Сперва Гуннар предполагал, что предатель покажет им, где начинается подземный ход, но у старика и в мыслях такого не было. Он предложил совершенно иной способ.

Гуннар смотрел на месяц. Неожиданно ему подумалось, что черное небо, невидимое в темноте шумное море и этот рогатый месяц будут последним, что запечатлется в его памяти перед тем, как он умрет. Мысль была глупой, и Гуннар поскорее качнул головой, чтобы отогнать ее.

Увлеченный своими странными предчувствиями, он не сразу расслышал то, что говорил наемникам предатель.

— ... отойдите на десяток шагов. В этой склянке содержится вещество, способное уничтожить даже камни. Оно раскрывает стены. Можете смотреть, но заткните уши.

Наемники зашевелились, отходя как можно дальше от стены. Старик спокойно приблизился к башне и поставил перед ней какой-то запечатанный сосуд. Лунный свет отразился на медном горлышке.

Старик произнес несколько слов на непонятном языке.

— Митра! — прошептал один из наемников. — Я узнаю язык... среди нас был один моряк из Стигии, это их язык. Язык злой магии!

— Можно подумать, все стигийцы — маги, — фыркнул другой солдат, не такой суеверный.

— Не все, но этот — точно.

— Этот — не стигиец. Он офирец и служит офирскому графу.

В этот момент раздался ужасный грохот, и часть стены обвалилась. Поднялась туча пыли, рассыпавшиеся в прах камни взметнулись к небесам, и облако затмило даже луну. На фойе рогатого месяца видно было, как ветер несет тучу пыли вдаль и рассеивает ее над морем.

Наемники зажимали уши, жмурились, трясли головами, оглушенные. А когда они наконец пришли в себя, то увидели, что старик стоит, выпрямившись, среди разбросанных камней, и ни одна пылинка не упала на его одежды. На лице старика играла легкая улыбка, глаза насмешливо осматривали перепуганных солдат. Он выговорил еще одно стигийское

слово, а затем повернулся и вошел внутрь башни. Опомнившись, наемники побежали за ним.

Они мчались по винтовой лестнице наверх, туда, где находился немногочисленный гарнизон. Надеясь на неприступные стены башни, граф Гарлот оставил здесь совсем немного солдат.

Наверху закипела битва. Схватка была неравной: пятьдесят наемников против всего десятка людей Гарлота. Впрочем, те дорого продали свою жизнь. Вооруженные короткими мечами и кинжалами, не имевшие времени надеть кольчуги, они разили с яростью хищников, загнанных в ловушку. Один из них прежде чем погибнуть убил ударом в глаз одного из лучших людей Гуннара; другой успел снести полголовы солдату, выбиравшемуся из люка в полу, третий выбросил напавшего на него наемника в окно, прорубленное в верхней части комнаты... Но скоро все они, изрубленные в куски, оказались лежащими на полу, и Гуннар повелел своим солдатам выбросить их вниз, в море.

— Башня наша! — крикнул Гуннар, поворачиваясь к предателю. — Где же наши деньги?

— Идемте за мной, — приказал старик, хладнокровно созерцавший бойню. — То, что мы ищем, находится в подземельях. Возьмите с собой факелы, они нам пригодятся.

Несколько солдат взяли факелы из связки, приготовленной заранее — очевидно, именно для таких случаев, — и наемники побежали вниз по лестнице вслед за своим командиром. Советник графа замыкал шествие. И хотя солдаты шли очень быстро, а старик, казалось, совершенно не торопился, почему-то он от них не отставал ни на шаг.

Наконец они очутились в самом низу, перед тяжелой, окованной железом дверью. Нигде не было видно ни замка, ни засова, и тем не менее дверь не открывалась.

— Проклятье! Здесь какой-то колдовской запор, не иначе! — предположил Гуннар.

— Так и есть, — спокойно сказал советник графа. Он приблизился к двери, отстранил Гуннара и оглянулся на солдат. — Так вы помните, — медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, произнес он, — берите любые сокровища, какие найдете в этом подземелье, но не прикасайтесь к сундуку из красного дерева. Сундук этот — мой, я его хочу, и я получу его любой ценой. А спорить со мной бывает небезопасно, даже если вы молоды и вас много. Не обольщайтесь. Не думайте, что несколько десятков здоровенных парней легко одолеет старика, вроде меня.

— Никто и не думает спорить с тобой, — возразил ему Гуннар. — Мы честные наемники и держим слово. Сундук тебе, богатство — нам. И башня нами взята, так что скоро, богатые и свободные, мы уйдем отсюда восвояси. Не так ли, парии?

Дружный веселый рев наемников был ответом на бодрую речь командира.

— Вот и хорошо, — сказал старик и глянул на Гуннара немного странно. — В таком случае, отойдите.

— Опять склянка с зельем и заклинание? — осторожно осведомился Гуннар.

— Нет, — старик качнул головой, — обойдусь одним заклинанием.

Он поднес к двери сжатый кулак, прошептал несколько слов, а затем разжал пальцы. И дверь медленно, сама собой отворилась внутрь, как бы приглашая войти. За дверью разливалась тьма, чернее темноты, что плескала за стенами башни.

Даже факелы горели здесь тускло, и их огонь, казалось, не в силах был развеять мрак.

Солдаты замешкались у входа, но Гуннар прикрикнул на них, и они один за другим начали входить в подземелье башни. Под ногами ощущалась гнилая солома, какие-то тряпки, палки — должно быть, когда-то здесь устилали полы камышом.

Несколько раз солдаты вспугивали лягушек или крыс, и мелкие существа исчезали с тихим писком в соломе. Затем настал черед большой комнаты с очень затхлым воздухом. Здесь старик пробормотал еще одно заклинание, и внезапно факелы вспыхнули ослепительным огнем. Все кругом озарил яркий свет.

Глаза у людей стали слезиться, в первые минуты больно было смотреть, и многие зажмурились. Но когда наемники наконец смогли видеть, перед ними открылось поразительное зрелище.

Вся комната была засыпана драгоценными камнями. Самоцветы лежали на иолу горстями, кучами. Свет факелов переливался в гранях алмазов, рубинов, изумрудов, сапфиров. Украшения из яшмы, бирюзы, золота и серебра лежали россыпью, как овощи на прилавке у торговки.

В самом дальнем конце комнаты, у стены, находился сундук из красного дерева. Это был совсем небольшой пузатый сундучок, вроде тех, какие берут с собой состоятельные путешественники. В таких возят разные безделушки, без которых якобы «невозможно обойтись в дороге», — вроде зеркал, пудры, побрякушек, носовых платочков и прочей ерунды.

А на сундуке, подобрав под себя ноги, восседал удивительнейший старикашка. Это был горбатый карлик, невероятно жирный. Жир свисал с его боков, лежал подушками на плечах, от жира набухло его лицо, щеки пытались закрыть глаза, пальцы едва могли шевелиться.

— А! — заверещал он пронзительным голосом, от которого звенело в ушах. — Кого я вижу! Сам Кернив пожаловал! Глупый Кернив! Недоучка Кернив! Кем ты возомнил себя, дурак? Властелином мира? И кого это ты с собой привел? Других дураков? Не слушайте его, ребята! Вот кто обманщик из обманщиков!

— Говорящая обезьяна, — попятился от страха Гуннар.

Другие солдаты, хоть и были неустрашимыми воинами, тоже испугались. Такого они не видывали в своей жизни никогда.

— Я? Обезьяна? — возмутился горбатый карлик. — Я человек, как вы или он, — он снова указал жирным пальцем на старика, которого назвал Кернивом. — Посмотрите, что он со мной сделал!

Карлик запрыгал на сундуке, и наемники увидели, что он прикован к стене цепью. Одним концом цепь крепилась к ошейнику на шее карлика, другим — к большому кольцу высоко в стене, так, что до него не мог дотянуться не только карлик, но даже и рослый мужчина. Впрочем, сама цепь была достаточно длинной, чтобы карлик мог передвигаться на довольно большом пространстве.

— Он сумасшедший, — сказал Кернив, презрительно кривя губы. — Вы что, будете слушать его? Забирайте сокровища, которые видите здесь, берите, сколько хотите, и убирайтесь. Наша сделка выполнена. Уходите, куда хотите, — пока еще у вас есть время сделать это.

Гуннар в нерешительности замешкался. Ему вдруг показалось, что Кернив намерен надуть его. До сих пор предатель держался уверенно и с таким достоинством, что наемнику и в голову не приходило заподозрить его в двойной игре, но теперь... Кернив определенно znalся с магией. Гуннар вспомнил киммерийца, с которым некогда сталкивала его судьба.

Конан — так звали того киммерийца — нередко говаривал: «Никогда нельзя верить магу. Все они лжецы и обманщики. Напустят тебе пыли в глаза, обдурят — и хорошо, если в живых останешься. Нет уж. Лично я когда вижу мага, даже не разговариваю с ним. Сразу бью по голове добрым киммерийским мечом. И тебе то же советую».

Гуннар заколебался. А карлик как будто прочел его мысли.

— Этот проклятый старик сперва заточил меня в башню, а теперь явился забрать то, над чем я трудился всю мою жизнь!

— Ты имеешь в виду... — начал было Гуннар.

Кернив прошипел:

— Не смей с ним разговаривать, солдат! Бери сокровища и убирайся отсюда!

— Ты мне не указ! — рявкнул на Кернива Гуннар. — Я буду говорить, с кем захочу!

Кернив насмешливо глянул на него и отвернулся.

А Гуннар снова обратился к карлику:

— Почему же он не забрал твой сундук, когда помещал тебя в эту темницу?

— Тогда он не мог, а теперь может... Время. Прошло много времени, — верещал карлик, крутясь на сундуке. — Вот в чем дело. Прошло немало времени, утекло немало воды! Он стал сильнее, я стал мудрее. И то, что хранится в сундуке, умножилось

многократно. Солдаты! — теперь карлик обращался ко всем наемникам. — Ваш наниматель обманывает вас. Он — предатель. Он уже предал своего господина, графа Бенойка, когда привел вас сюда. А теперь предаст и вас. Кого вы слушаете? Лгуна! Что он предлагает вам? Эти сокровища? Они ничего не стоят! Все эти алмазы, драгоценные камни, все это золото — оно ничего не стоит по сравнению с тем, что хранится в сундуке!

Среди наемников поднялся ропот. Некоторые склонны были согласиться с карликом. В самом деле, все это выглядело довольно подозрительно. С чего это человек графа Бенойка вздумал предавать в руки врагов башню на берегу пролива? Непрístupную башню, едва ли не ключ ко всей войне?

— Не слушайте его, — повторил Кернив. — Спасайте свои жизни.

Но глаза старика странно поблескивали. Он знал людей. Знал: природа наемников такова, что они ни за что не упустят своей выгоды, едва лишь приметят, как мелькает впереди серебристый плащ плутовки-удачи. Они погонятся за призраком. Так они устроены.

Тем лучше. Ему нужны те, кто придет к нему добровольно...

Но пока еще не время. Он должен молчать. Он ни в коем случае не должен выдавать своих мыслей.

— Солдаты! — подпрыгивая и гремя цепью, вопил карлик. — Да в этом сундуке лежит такое, что сделает вас властелинами всего мира! Неужели вы отдадите это глупому, злобному, ограниченному старику? Человеку, который все равно скоро умрет и не сможет насладиться и сотой частью этой добычи? Возьмите все себе!

Кернив поднял руку и направил палец на карлика. Он произнес несколько стигийских слов, от которых мороз пошел по коже у людей, стоявших поблизости и слышавших все.

Карлик съёжился на сундуке и вдруг затих. Цепь со звяканьем упала, ошейник повис в воздухе, слегка покачиваясь. Вместо карлика, только что прыгавшего и размахивавшего руками, на сундуке лежала сморщившаяся шкурка.

Один из солдат вдруг вскрикнул. Он наклонился, поднял с пола горсть золотых монет и сунул в кошель. Затем подобрал десяток драгоценных камней и запихал туда же, еще один браслет он нацепил себе на запястье. Он повернулся к Гуннару.

Я уйду, Гуннар. Я поступлю так, как говорит Кернив. Прости меня — и позволь мне уйти.

— Хорошо, — Гуннар безразлично махнул рукой. — Убирайся. Ты предал нас всех. Ты больше не один из нас, и ни один отряд наемников не возьмет тебя к себе. Об этом я позабочусь.

— Если сможешь, — тихо сказал солдат.

Он повернулся и побежал, торопясь скрыться быстрее, чем Гуннар передумает и бросит ему в спину нож. Но Гуннар уже забыл о дезертире. Его интересовал сундук.

— Не приближайся!

Кернив заслонил собой сундук. Однако Гуннар отшвырнул советника в сторону и ударил его кулаком по голове. Удар оказался так силен, что старик рухнул на пол без чувств. Наемников это совершенно не обеспокоило. Старик вообще перестал занимать их мысли. Они больше не думали ни о его магии, ни о его величественной манере держаться, ни о собственных договорах с этим человеком.

Сундук и таинственное содержимое сундука! Скорее, скорее! Забрать как можно больше!

Драгоценности хрустели под сапогами солдат, навалившихся на сундук. Гуннар, рыча, отбрасывал назад своих соратников.

— Я сам! Пустите! Я сам открою!

Наконец ему удалось откинуть крышку. Она даже не была заперта.

И... сперва ничего не произошло.

Сундук был пуст.

Несколько раз солдаты подходили и заглядывали внутрь. Они ничего не понимали. В комнате как будто сделалось темнее, факелы вдруг начали отчаянно коптить. Но в сундуке

ничего не появилось. Да и откуда?

Тоска овладела людьми. Они бродили по комнате, не в силах покинуть ее, и все ждали чего-то. Они не могли смириться с разочарованием. Как же так? Почему так получилось? Не потому ли, что они поддались на уговоры обманщика? Или же это вышло из-за того, что они нарушили собственное обещание?

Но Гуннару все время казалось, что дело совершенно не в этом. Здесь таился какой-то подвох... И пока его люди разочарованно подбирали драгоценные побрякушки и рассматривали их, Гуннар вернулся к сундуку и наклонился над ним. Ему показалось, что на дне сундука что-то шевелится. Он пригляделся внимательнее.

Да, там, несомненно, что-то было. Что-то живое и едва различимое. Гуннар засунул руку в сундук и прикоснулся к днищу. Он как будто пронзил пальцами нечто живое — так ощущалась бы медуза или какая-нибудь иная студенистая масса...

И вдруг он почувствовал на коже сильное жжение. Он выдернул руку и затряс кистью в воздухе, пытаясь немного облегчить боль. Вслед за рукой Гуннара из сундука вылетела бесформенная черная тварь.

Она росла прямо на глазах, заполняя собой воздух. Вот из темного облака протянулись два крыла, окруженные хлопьями гари, затем явились два красных глаза. Крылатая тьма заметалась по помещению, преследуя людей.

Солдаты пытались скрыться от нее. Они в панике бегали взад-вперед, искали выход, пытались добежать до двери. Но дверь куда-то исчезла. Они так легко вошли в сокровищницу — и теперь совершенно не представляли себе, как из нее выйти!

Чернота падала на них сверху, выпуская когти, она вцеплялась в волосы, охватывала голову крыльями и приныкала к ним ртом. Тот, кого она хватала, медленно опускался на землю. Оставшиеся в живых не понимали, что происходит. Они видели лишь, как тело их товарища с гротескной маской вместо головы сперва дергалось руками и ногами, а затем обмякало и мягко опускалось на пол.

А крылатая тьма опять взмывала в воздух и кружила под потолком в поисках новой жертвы...

* * *

Солдат-дезертир остановился на берегу, тяжело дыша. С него довольно! Хватит этой войны! Он сыт по горло магами и их уловками! Что это Гуннару взбрело послушать предателя? Если бы тот показал им подземный ход — все было бы в порядке. Но ломать стену с помощью заклинания, а потом еще тащить их в ту сокровищницу... У солдата мурашки бежали по коже, едва он вспоминал карлика, сундук, все эти выкрики и звяканье цепи...

Неожиданно отвратительный запах ударил ему в ноздри. Он повертелся по сторонам, пытаясь определить источник вони. Но поблизости ничего не было. А пахло так, словно где-то совсем близко разлагался труп.

Месяц уже исчез с неба, горизонт начинал розоветь. Солдат обернулся к башне, из которой выбрался — как он считал, чудом. Из верхних окон башни вырывались черные клубы. Огня не было, только дым. Ужасный, темный дым, такой густой, словно горели человеческие тела или какое-то тяжелое масло.

Солдат закашлялся и поднял руку, чтобы обтереть лицо. Нестерпимая вонь ударила ему в ноздри. Он присмотрелся и увидел, что его запястье вымазано нечистотами.

— Проклятье! Откуда здесь это? — проворчал он, обтирая руку о песок.

Но вонь не исчезла. Неожиданная догадка пронзила солдата. Он схватился за свой кошель и развязал его. Оттуда полились жидкие нечистоты. С громкой руганью он выбросил кошель и бросился бежать.

Никаких драгоценностей в башне не было. То, что они принимали за бриллианты и

золото, было пометом карлика, заточенного в подземелье.

* * *

Гуннар открыл глаза. Первая мысль, которая пришла к нему в голову, была очень простой и ясной. Они выиграли войну, они захватили башню, и теперь у них новый наниматель, гораздо лучше прежнего. Отряд почти не понес потерь.

Один солдат. Один — за всю кампанию! Удачно вышло.

И денег — полные карманы. Они богачи!

Они служили теперь в гарнизоне башни, что охраняла пролив. Гуннара ничуть не удивляло то обстоятельство, что солдаты, погибшие при штурме этой башни, снова находились в строю. Они ведь не покинули отряд! Они ведь не сбежали отсюда, унося в качестве награды лишь дерьмо! Нет, они остались со своими товарищами и теперь опять служат с ними бок о бок. Это справедливо. Так должно быть всегда.

Умирают лишь дезертиры, верно?

* * *

Это помнил Гуннар. Он не знал, что осталось в памяти у других. Наверное, то же самое.

Во всяком случае, каждый наемник в его отряде твердо знал: их хозяин — господин Кернив, их задача — охранять башню возле пролива, их враг — любой, кто попытается в эту башню войти.

Даже если этот «кто-то» — давний знакомец Гуннара, киммериец Конан.

Глава восьмая

Призрачные моряки

— Смотри! — крикнул Цинфелин, обращаясь к Конану. Молодой граф указывал на море, туда, где в волнах видны были обломки корабля и головы тонущих моряков. — Что там происходит?

— Они погибли или сейчас погибнут, — отвеял Конан. — Корабль затонул, море бурное, волны выше человеческого роста... Лишь немногим удастся спастись.

— И мы не попробуем помочь? — спросил граф.

Конан искоса посмотрел на него.

— А ты не боишься погибнуть сам?

Цинфелин покачал головой.

— Моя смерть будет другой, я уверен.

— Какой?

— Я умру от старости.

— Откуда ты знаешь?

— Видел в волшебном зеркале...

— Никогда не доверяй зеркалам, особенно волшебным, — сказал Конан. — Не доверяй никому. Впрочем, мне можешь верить. Идем.

Они побежали вниз с холма.

Тем временем из поселка вышли рыбаки. Жутко было смотреть, как утлые лодчонки, сражаясь со штормовым ветром и высоченными волнами, что, подобно пастям чудовищ, пытались проглотить людей, бесстрашно плыли навстречу погибающим морякам.

Весла гнулись, люди гребли из последних сил. Моряки хватались за борта лодок, и

местные жители втаскивали их на борт. Поднимали они и тех, кто погиб, и скоро их «улов» переполнял лодки.

Тогда они возвращались, сваливали «добычу» на берегу и снова бросались в море.

Одна из лодок, та, что была побольше других, вышла с сетью. Не обращая внимания на шторм, рыбаки забросили сеть и потащили ее. В ней забились, как огромные рыбы, сразу несколько человек, а еще один лежал неподвижно — этот захлебнулся.

Пока киммериец и юный граф приближались к берегу, они успели увидеть, что рыбаки обходят лежащих на песке спасенных людей и над каждым наклоняются.

— Что они делают? — спросил Цинфелин на бегу. — Тебе понятно?

— Слушают дыхание, — ответил Конан. — Проверяют, кто жив, а кто захлебнулся.

Конан был отчасти прав. Отчасти — потому что рыбаки действительно искали живых среди утопленников. Но когда они находили живого, они не пытались сохранить ему жизнь. Напротив, они обрывали эту жизнь.

И когда Конан с Цинфелином очутились на берегу, живых там уже не было.

Странная и жуткая картина открылась непрошеным наблюдателям. Они увидели, как рыбаки с горящими от жадности глазами высасывают нечто из раскрытых ртов утопленников. И как только это «нечто» оказывалось внутри рыбака, румянец вспыхивал на бледном лице, жизнь возвращалась в глаза, улыбка показывается на синюшных губах.

— Души! — закричал Конан. — Они забирают их души!

Не сговариваясь, оба бросились на рыбаков с обнаженными мечами. Они отдавали себе отчет в том, что сейчас столкнутся с нелюдями, но стоять и спокойно наблюдать за тем, что вытворяют нежити, у Конана и Цинфелина не было сил.

С громким боевым кличем они набросились на рыбаков. Те сперва как будто удивились такой неожиданности. Конан ударил мечом в спину ближайшего к нему живого мертвеца, который наклонился над умирающим моряком, жадно раскрыв рот в ожидании, пока душа погибающего отлетит и окажется беззащитной. Конану не дано было видеть саму душу, но он заметил ужас в глазах лежащего на песке моряка. Тот находился сейчас между жизнью и смертью, и ему, несомненно, было открыто то, что скрывалось от глаз киммерийца.

Тускнеющие глаза со страхом и неусыпным вниманием следили за нависшей сверху физиономией чужака. Вся поза моряка выражала безнадежность и покорность судьбе.

Когда Конан ударил нежить мечом, киммериец почувствовал, что сталь как будто проходит сквозь густой туман или кисель. Ничего не произошло. Плоть рыбака расступилась перед мечом, а затем сомкнулась вновь как ни в чем не бывало. Пожиратель душ даже не заметил атаки.

Конан выругался. По собственному опыту он знал, что нет такой нежити, которую нельзя было бы успокоить. Нужно только выяснить — как.

Моряк задрожал в последней агонии. Вырвавшийся из рук Конана мародер снова навис над ним. Живой мертвец алчно облизывался, вздыхал и глядел на умирающего с поистине родительской нежностью.

Губы его шевелились. Конан заметил, что рот нежити стал очень красным, как будто тот нахлебался крови, и это яркое пятно еще более резко выделялось на совершенно бледном, землистого цвета лице.

Конан вновь нанес удар, на сей раз целя в голову. Такого нежить, увлекшаяся мечтами о скорой поживе, не ожидала. Со злобным шипением он повернулся к киммерийцу. Бледно-желтая жидкость стекала по виску псевдо-рыбака. Конан оскалился и снова ударил его по голове. Раздался отвратительный звук — как будто разбилась тыква, — и голова нежити развалилась на части. Тело, постояв немного, бессильно рухнуло. Пальцы схватились за песок да так и застыли.

На миг Конану показалось, что он различает какие-то бесплотные тени, что заскользили вокруг него в воздухе. Одна или две даже задели киммерийца — их прикосновение было воздушным и нежным; он уловил слабое благоухание — а затем все исчезло.

Умиравший моряк прошептал:

— Спасибо.

И больше не двигался.

Конан огляделся по сторонам. Везде на побережье происходило одно и то же. Несколько нежитей обступили Цинфелина. Они угрожающе скалились и замахивались на него ножами и кулаками. Юный граф отбивался, как мог, но силы были слишком неравны.

— Кром! — С громким боевым кличем киммериец устремился на помощь своему товарищу.

По пути он сбил с ног нескольких нежитей, бросившихся ему наперерез, и наконец очутился возле Цинфелина.

— Они забирают души! — задыхаясь, кричал Цинфелин. — Митра, они хуже, чем я предполагал! Они хуже убийц!

— Бей их в голову! — крикнул Конан. — Остальное бесполезно!

Спина к спине они начали отбиваться от лже-рыбаков. А тех становилось все больше. Казалось, сама ночная тьма насылает их, порождая в своем зловещем чреве.

Конан без устали бил, повторяя один и тот же прием: он делал вид, будто хочет поразить нежить в плечо, а затем в последний миг поднимал меч и опускал его на голову своей жертвы.

Кругом громоздилась уже гора трупов. В отличие от людских тел, эти не внушали ужаса. Напротив, казалось, будто киммериец и его молодой друг совершают какую-то очень важную и полезную работу, вроде чистки рыбы. Да и трупы нежитей имели что-то рыбье. Холодные и скользкие, бледно-серого цвета, они падали на песок, и волны равнодушно лизали их.

И все больше прозрачных теней летало вокруг Конана и Цинфелина.

Киммериец начал замечать еще кое-что. Эти освобожденные души, несомненно, помогали своим освободителям. Вот одна из них облепила лицо нападавшего, и рыбак остановился, замотал головой, как будто внезапно ослеп. Конан замешкался, боясь повредить бесплотной субстанции чужой души, но она легко и с неслышным смешком вспорхнула в воздух, и последнее, что видел в своей псевдо-жизни «рыбак», была сверкнувшая над его головой киммерийская сталь.

Цинфелин отчаянно сражался сразу с несколькими противниками. Юный граф явно не успевал отражать их атаки. К тому же любой удар врага мог оказаться для Цинфелина если не смертельным, то во всяком случае болезненным и опасным; в то время как сам Цинфелин не мог причинить им вреда, если только не попадал по голове и не наносил рану достаточно серьезную, чтобы голова нежити развалилась.

Цинфелин чувствовал, как немеют руки от усталости. Он не привык к подобным схваткам. Во время тренировочных боев с друзьями он учился хитрым приемам, выпадам, отскокам и стремительным атакам; но сейчас от него требовалась простая физическая сила и механическое повторение одного и того же приема: удара сверху вниз по голове.

— Я не дровосек! — пожаловался Цинфелин, хватая ртом воздух.

— Так стань им! — рявкнул Конан. — Потому что, клянусь Кромом, это единственное, что тебя спасет!

Цинфелин покачнулся и едва не упал. Киммериец подхватил его в последний момент.

— Тебя убьют! — прорычал Конан. — Будь осторожнее! Я не намерен погибать вместе с тобой!

Подражая старшему другу, Цинфелин взревел и бросился в яростную атаку на врагов. Меньше всего ему хотелось, чтобы Конан счел его слабым.

Неожиданно Цинфелин споткнулся о скользкий ледяной труп лже-рыбака и рухнул на землю. Тотчас над ним нависло сразу два бледных лица. Цинфелин с ужасом смотрел на жадные, ласковые улыбки, медленно расцветающие на этих лицах. Он понял: сейчас его убьют и разделят между собой его душу.

От одной только этой мысли мороз наполнил его сердце. Дрожащей рукой Цинфелин

поднял меч и направил его острие между глаз одного из лже-рыбаков. Ни один из нежитей, казалось, даже не обратил на это внимания.

Цинфелин попытался нанести удар, но пальцы его разжались, и меч упал на песок. Все, это конец. Сейчас он умрет, и душа его вечно будет страдать и мучиться здесь, на этом мрачном, безрадостном берегу.

Внезапно до него донесся чей-то голос. Тихий, отдаленный зов. Никогда прежде ему не доводилось слышать этого голоса, и тем не менее Цинфелин сразу узнал его.

Это могла быть только она, пленница из башни. Та, которую он видел в колдовском зеркале и которую полюбил, не зная даже, существует ли она на самом деле или же является плодом его пылкого юношеского воображения, чьим-то воспоминанием, созданием чьей-то необузданной фантазии...

Она звала его по имени.

Ощущая в себе удесятеренную силу, Цинфелин схватил свой меч и резко ткнул первого из противников между глаз, так что, словно по волшебству, голова нежити вдруг распалась на половинки. Цинфелин вскочил на ноги и с громким, ликующим хохотом обрушил клинок на затылок второго врага.

Он развернулся, чтобы схватиться с новыми врагами.

Конан мельком глянул на юного графа. Киммериец не знал, откуда тот обрел новые силы, но от души приветствовал это.

— Кром! Ты делаешь успехи, друг! — выкрикнул Конан.

Цинфелин ответил злой улыбкой и молча ринулся на врагов.

Внезапно ему показалось, что их стало меньше. Тьма над головой рассеивалась. Туча уползала за горизонт, туда, где зародилась буря, как побежденный противник уходит в свой стан, дабы зализать раны и собраться с новыми силами.

Немногие оставшиеся на ногах «рыбаки» бросились бежать к своей деревне. Конан не преследовал их.

Цинфелин, криво усмехнувшись, сделал было пару шагов им вслед, но вдруг споткнулся и плюхнулся на песок. Он совершенно обессилел.

Конан устроился рядом с ним. Пот струился по загорелому лицу киммерийца, синие глаза зло блеснули.

— Что скажешь? — спросил Конан.

— Такого со мной еще не случалось, — признался Цинфелин.

— В разгар битвы ты вел себя просто как берсерк, — заметил Конан. — Разил, ничего вокруг себя не замечая, да еще и хохотал при этом.

— Я слышал ее голос, — прошептал Цинфелин, опуская голову. Ему не хотелось рассказывать об этом, и одновременно с тем снedaло острое желание только об этом и разговаривать. — Ты понимаешь, что это значит? Это было чудом! Чудом, которое поставило меня на ноги и спасло мне жизнь!

— Ну, прости, — хмыкнул Конан. — Я не мог одновременно сражаться с дюжиной нежитей и еще присматривать за таким большим мальчиком, как ты. В конце концов, ты — граф.

Цинфелин вспыхнул.

— Я не говорю о тебе или о том, что ты должен за мной «присматривать»! Я говорю о том, что она — та, которую я полюбил в моих видениях, — она существует на самом деле! Она рядом и теперь может говорить со мной!

— Ты слышал ее голос? Ты уверен, что это был именно ее голос? — переспросил Конан.

— А чей же еще? — рассердился Цинфелин. — Едва я услышал его, как силы вернулись ко мне. Я сражался ради нее! Я хотел жить ради нее!

— Что ж, в любом случае, это помогло, — согласился Конан.

Цинфелина бесило равнодушное отношение киммерийца к его великой любви и к чуду, которое сотворила эта любовь. Конан, разумеется, все это знал — он читал в душе юноши,

как в книге, ибо встречал подобное уже не в первый — и нарочно поддразнивал юного графа. Излишняя патетичность может повредить делу, считал Конан.

— Как ты думаешь, — мирным тоном заговорил Конан с Цинфелином, который сидел теперь молча, отвернувшись, и с подчеркнутым вниманием рассматривал волны, — чем на самом деле занимается эта нежить?

— Забирает души людей, — сказал Цинфелин, не поворачиваясь.

— Зачем?

— Чтобы продолжать... «жить», — буркнул Цинфелин. — По-моему, это очевидно.

— Нет, это не очевидно, — возразил киммериец. — Может быть, они делали это не для себя.

— А для кого? — Цинфелин наконец заинтересовался новой проблемой и обернулся к киммерийцу.

— Возможно, у них есть хозяин. Некто, кому требуются живые души для исполнения каких-то планов.

— Кем бы он ни был, сейчас он утратил большую часть своей добычи, — хмыкнул Цинфелин.

— Это точно, — подтвердил Конан.

Помолчав, Цинфелин предложил:

— Нужно проверить среди моряков. Вдруг кто-то остался в живых? Нам сейчас не помешал бы союзник.

— Союзник, в котором едва теплится жизнь? Понятия не имею, чем бы он мог быть нам полезен, — проворчал Конан. — Разве что тебе нравится возиться с больными и умирающими...

— Терпеть этого не могу, — поморщился Цинфелин. — Но... разве не нужно посмотреть? Сели не ради нас, то ради простого долга?

— Согласен, — сказал Конан.

— Если ты согласен, то зачем все эти рассуждения?

— Чтобы посмотреть, как ты злишься.

Цинфелин покачал головой.

— Наверное, я никогда не пойму тебя, Конан.

Киммериец легко вскочил на ноги.

— Ты и не должен меня понимать. Когда ты станешь графом, тебе придется командовать самыми разными людьми. И большинство из них останутся для тебя загадкой, настолько они не будут похожи на тебя. Привыкай уже сейчас.

Они обошли весь берег, останавливаясь возле каждого погибшего и подолгу осматривая его. Увы, признаки жизни подавал лишь один, но и тот вскоре угас.

Цинфелин выглядел подавленным.

— Я никогда не видел такого количества мертвецов, — признался он. — Это какая-то бойня.

— Попробуем предать их тела огню, — предложил Конан. — Работа долгая и трудная, придется набрать много хвороста и притащить сюда десятка три древесных стволов... Не знаю, как управимся.

Мы вдвоем не управимся, — ответил Цинфелин.

— А мы постараемся, — сказал Конан. — Поверь, дело того стоит. Нельзя оставлять тела без погребения. Мы спасли их души от пожирания — одним богам известно, какова посмертная участь тех, кого поглотит здешняя нежить! — теперь завершим начатое.

Цинфелин нерешительно огляделся по сторонам.

— Ты боишься мертвецов? — спросил он наконец. — Ты суеверен, Конан?

— Ничуть, но я уважаю тех, кто погиб достойно.

— А что будем делать с этими? — Цинфелин указал на лже-рыбаков, валявшихся повсюду.

— Пусть их сожрет море, — равнодушно ответил Конан. — После прилива здесь не

останется ни одного трупа. Рыбе будет чем поживиться. Это будет только справедливо.

Остаток дня они валили деревья и таскали их на берег, складывая большой костер. Погибших уложили в ряд, и Цинфелин поджег костер. Пламя сразу охватило всю поленницу. Костер был сложен искусно, а ветер с моря только раздувал огонь. Скоро все умершие исчезли в ревущем пламени.

— Вот и все, — сказал Конан, вновь и вновь ощущая прикосновение невесомых существ. — Они обрели мир и покой. А ты полагал, что это будет невозможно...

— Кажется, ты не признаешь слова «невозможно», — улыбнулся Цинфелин. Он тоже чувствовал умиротворенность.

— Почему? — возразил Конан. — Когда что-то невыполнимо, я так и говорю. Но сложить погребальный костер под силу двум мужчинам, уж поверь мне.

— Верю, — вздохнул Цинфелин.

Они по-прежнему находились на берегу, и башня, где томилась пленница, до сих пор высилась перед ними, такая же неприступная и мрачная, как и в час их прибытия сюда.

* * *

С рассветом Конан и его молодой товарищ попытались проникнуть в башню.

— Возможно, на рассвете силы призраков слабеют, — предположил Конан.

Ты знал этого капитана, — сказал Цинфелин. — На что он способен?

— Я знал Гуннара в ту пору, когда он был еще жив, — возразил киммериец. — Тогда он был способен на многое. Храбрец, ни во что не ставящий ни свою жизнь, ни чужую. Мне было хорошо сражаться с ним бок о бок — и я не позавидовал бы тому, против кого он поднял меч! Но то было давно. В те зимы, когда он был еще жив. Кто знает, каким он стал теперь, когда его изменили чьи-то злые чары!

— Я всегда полагал, — нерешительно начал Цинфелин, — что человек, даже после смерти, даже после того, как на него окажет воздействие злая магия, все равно сохраняет какие-то свои прежние качества.

— Не стоит обольщаться, — возразил Конан. — Маги частенько пользуются этим человеческим заблуждением. Но самые опасные демоны обычно принимают облик чьего-нибудь давно умершего ребенка или погибшей возлюбленной. Такие демоны страшнее всего. Они заманивают в ловушку ничего не подозревающую жертву... Нет, Цинфелин. Если тебе явится с того света твоя подруга, будь уверен: самое лучшее, что ты можешь сделать, — это поскорее снести ей голову и присыпать ее раны пеплом и солью.

Подумав немного, он добавил:

— Впрочем, Гуннар был достаточно плохим — с обычной точки зрения — человеком, чтобы предположить, что после смерти он не слишком-то изменился. Так что ожидай худшего, Цинфелин, и не надейся ошибиться.

Они подошли к башне и начали обходить ее кругом.

— Где-то здесь должна быть дверь, — бормотал Конан. — Возможно, она прямо у нас перед носом, а мы ее попросту не видим.

— Но как же мы войдем, если двери нет?

— Я попробую забраться по стене. Там, наверху, имеются какие-то окна. Возможно, сумею протиснуться.

— Ты? — Цинфелин с сомнением оглядел могучую фигуру варвара.

— А что? — оскорбился Конан. И рассмеялся: — Наверное, ты полагаешь, что по такой стене невозможно вскарабкаться?

— Если говорить честно, то — да, — кивнул Цинфелин. — Она почти гладкая.

— Почти. — Конан весело фыркнул. — Смотри и запоминай, только не пытайся повторить. На такое способны только киммерийцы.

Он сбросил сапоги, сиял с себя тяжелый плащ и остался босой, в штанах и рубахе. Меч был привязан у Конана за спиной.

Ловко, как кошка, он поднялся на уровень первого этажа — точнее, это можно было бы считать первым этажом, если бы башня имела окна и другие признаки того, что она является человеческим жильем.

Ошеломленный Цинфелин стоял внизу, все выше и выше задирая голову по мере того, как киммериец карабкался по стене. Стена эта была совершенно отвесной и со стороны выглядела гладким, но ловкие пальцы Конана находили здесь опору без особого труда. Он ухитрялся вставлять пальцы ног в крохотные щели и хвататься за совсем незаметные выступы, чтобы подтягиваться все выше и выше.

Вот уже он на высоте трех человеческих ростов...

Цинфелин начал было верить в успех их безумного предприятия, но тут башня ожила. Дверь не появилась там, где она, в принципе, должна была быть; и окон в стене по-прежнему не было. Но призрачные наемники возникли как будто из ничего. Они проступали сквозь стены, спускались с крыши по несуществующим ступеням, которые как будто имелись в воздухе.

Цинфелин с ужасом увидел, как прямо перед ним стена вдруг начала бугриться, на ней появилось нечто вроде барельефа. Барельеф этот изображал двух вооруженных воинов с грубо высеченными лицами и бородами. Мгновение барельеф оставался неподвижным, а затем он зашевелился, и вот уже воины высвободились из каменного плена и предстали перед Цинфелином во плоти.

Молодой граф поднял меч, готовясь сразиться с ними. Не сговариваясь и даже не обменявшись взглядами, воины-призраки набросились на него.

Зазвенела сталь. Цинфелину не приходилось даже мечтать о том, чтобы перейти в наступление; он едва успевал отбивать удары, которые сыпались на него справа и слева.

С диким криком киммериец спрыгнул со стены. На миг Цинфелину показалось, что Конан переломает себе все кости, по ловкий и гибкий киммериец приземлился довольно удачно, на мягкий песок, перекатился и, быстро придя в себя после падения, вскочил на ноги.

К нему устремилось сразу несколько призрачных воинов.

Конан, оскалившись, как зверь, бросился в атаку. Казалось, он угадывает каждое намерение своих врагов, и опережает их по меньшей мере на шаг. Звон стали был оглушительным.

Победить призрачных наемников казалось делом совершенно невозможным: никакой удар не мог оказаться для них смертельным. Сталь не в силах была ни отсечь им голову, ни перерубить конечности. Они не знали усталости.

Конан отражал атаку за атакой, теснил своих врагов и все ближе подбирался к Цинфелину.

Молодой граф едва держался на ногах. В самом начале схватки он получил глубокую рану на бедре, и теперь все силы уходили на то, чтобы не упасть. Цинфелин знал, что если он поддастся слабости и опустится на песок, наемники без всякой жалости добьют его.

Конан крикнул:

— Отходи!

Цинфелин подставил меч, встречая очередной выпад врага.

— Беги, Цинфелин! — повторил Конан. — Я задержу их!

Забыв о гордости, раненый молодой человек повернулся к врагам спиной и помчался из последних сил наверх, на заросший травой холм. За ним гнались, но недолго. Тяжелые воины увязали в песке все глубже и наконец застряли. Конан в два прыжка догнал их и мощными ударами одного разрубил почти пополам, опустив меч на основание шеи врага, а другого обезглавил. Здесь, на холме, тела наемников обрели телесность. Призраки вновь стали людьми — они истекали кровью и умирали, как самые обычные люди.

Прочие устремились прочь, и скоро башня поглотила их всех.

Цинфелин лежал на траве и тяжело переводил дыхание. Конан уселся рядом с ним и

принялся вытирать меч.

— Я забыл сапоги возле башни, — заметил киммериец, мельком глянув туда, откуда они только что спаслись.

— Я ранен, — сказал Цинфелин.

Конан повернулся к нему.

— Сильно?

— Не знаю... Ты не мог бы посмотреть?

Он отнял руку от бедра и показал кровавое пятно, расплывшееся по одежде и ладони.

— Сними штаны, — фыркнул Конан. — Я вижу только гору тряпок и что-то неопрятное под ними.

Вместе они стянули с молодого графа штаны. Конан плеснул на рану водой из фляги.

— Порез, довольно глубокий, но страшного я ничего не вижу, — заявил варвар. — Вашу нежную кожу несколько повредили, ваша светлость, но, полагаю, скоро все заживет. Останется шрам, которым будут любоваться лишь избранные женщины. Счастливицы, которых вы допустите на свое шелковое ложе.

— Не надо так разговаривать со мной, — попросил Цинфелин, морщась. — Может быть, я не слишком опытный воин, но, видят боги, я делаю все, на что способен.

— Ты неплохой воин, — неожиданно согласился Конан. — Мне жаль, если моя грубость тебя задела. Я хотел лишь подбодрить тебя.

— На мое ложе будет допущена только одна женщина, — сказал Цинфелин, и видно было, что именно это беспокоит его больше всего. — Та, которую я люблю. Та, что томится в башне.

— Проклятье, я не меньше твоего хочу освободить ее! — рявкнул Конан. — Перестань ныть! Сейчас я перевяжу эту царапину, потом мы отдохнем и поразмыслим, как нам быть. Кое-что показалось мне довольно обнадеживающим.

Он разорвал свою рубаху и перевязал рану Цинфелина, остановив кровь.

— Ненавижу, когда маги издеваются над беззащитными людьми, — проворчал киммериец, зло посматривая на башню. — Есть множество способов доставлять себе удовольствие, к чему избирать столь извращенные?.. Впрочем, мне никогда их не понять. Сумасшедшие люди. Бешеных животных уничтожают, не так ли?

— Я вот о чем думаю, — сказал Цинфелин. — Те наемники... Их невозможно убить, когда они возле башни, но если они отходят от башни хотя бы на полет стрелы, то становятся уязвимыми.

— Те двое бедняг увлеклись в своем желании отправить меня в Серые Миры, — хмыкнул Конан. — И поплатились. Не думаю, чтобы и прочие люди Гуннара оказались такими же идиотами. Нет, дважды этот фокус у нас не пройдет.

* * *

Незаметно приближался вечер. Из припасов, взятых с собой из замка, у двоих приятелей оставалось лишь немного черствого хлеба и пара полосок вяленого мяса. С точки зрения Конана, преступно мало, особенно если учесть, что им предстояла битва.

— Мы должна закончить дело сегодня к ночи и завтра уже отправиться в обратный путь, — объявил Конан. — Я не намерен пускать корни на этом берегу. Это, в конце концов, скучно! Здесь нечем заняться, здесь нечего есть, а до ближайшего кабака еще скакать и скакать...

Цинфелин слабо улыбнулся.

— Мне тоже кажется, что я умру, если задержусь здесь дольше. Здесь даже раны не заживают. Я потеряю все мои силы и в одно прекрасное утро попросту не проснусь.

— Что ж, я рад, что мы с тобой мыслим одинаково, — объявил киммериец.

— Но как нам пробраться в башню? — вздохнул Цинфелин. — Как одолеть призраков?

— С помощью других призраков... — Конан вскочил на ноги и уставился куда-то вниз, на берег. — Ты глянь только, что творится!

Цинфелин с трудом поднялся и посмотрел туда, куда показывал киммериец.

Из наползающих на берег темных морских вод медленно выходили люди в рваной матросской одежде. Один за другим показывались они на берегу и все поворачивались в ту сторону, где находились Конан и Цинфелин.

— Это те моряки, которых мы освободили, — сказал Конан, щурясь. — Говорил я тебе, что следует предать их тела достойному погребению! А ты, помнится, еще называл меня суеверным. Как будто воздать человеку последнюю почесть означает проявить суеверие!

— Прости, — Цинфелин вздохнул. — Я ничего дурного в виду не имел. И... хорошо, ты был прав, Конан! Я признаю это. И готов признать еще тысячу раз.

К сожалению, у нас нет на это времени, — хмыкнул Конан. — Разумеется, в другой раз я прослушал бы тысячекратные извинения. Впрочем, ты вполне можешь заменить их деньгами. Я беру монетами любой страны, где только обитают люди, достаточно цивилизованные, чтобы возвести на своей земле пару хороших таверн.

Он схватил Цинфелина за руку и помог ему спуститься с крутого обрыва на берег.

Призрачные моряки обступили их. Странно, но Цинфелин не испытывал никакого страха при виде этих полупрозрачных фигур. Предостережение Конана насчет того, что самые опасные демоны зачастую принимают облик дружелюбных и дорогих нам людей, почему-то вылетело у Цинфелина из головы. Может быть, потому, что сам Конан смотрел на этих призраков совершенно спокойно.

От толпы отделился капитан. Он низко поклонился Конану и Цинфелину и произнес еле слышно:

— Вы спасли нас, вы оба. Мы благодарны вам. Мы готовы служить вам, пока вы не отпустите нас... Таково было условие нашего окончательного освобождения.

— Что ж, — медленно проговорил Конан, — мы с радостью принимаем вашу помощь. Видите эту башню? Ее охраняют люди, охваченные злыми чарами. Полагаю, эти люди давным-давно погибли. Они мертвы, но продолжают подчиняться чьим-то злым чарам. Они стерегут вход в башню.

— Для чего вы хотите войти? — спросил капитан.

Цинфелин хотел было рассказать о несчастной пленнице, но Конан сделал ему знак молчать и сурово обратился к спасенным душам:

— Как вы смеете задавать нам вопросы! Разве это ваше дело? Вы обязаны помочь нам! Неужели ваша благодарность так ничтожна, что вам непременно нужно знать все подробности?

Капитан замер, а затем низко склонился перед Конаном:

— Нет, господин. Нам довольно и того, что мы знаем о тебе. Ты избавил нас от ужасной участи. Твои намерения в любом случае благородны. Мы с радостью поможем тебе. Говори, что мы должны делать!

— Так-то лучше, — буркнул Конан. — Видите эти стены? Здесь нет никакой двери, а между тем нам необходимо очутиться внутри.

— Здесь есть дверь, — ответил капитан, — и если вы ее не видите, то лишь потому, что еще живы. Многое в этой башне находится не в этом мире, а в потустороннем.

— Вы должны открыть эту дверь, чтобы мы могли войти, — продолжал Конан. — Башню охраняют призрачные воины. Сразитесь с ними. Наше оружие не может нанести им поражение, но ваше в состоянии сделать это. Вы находитесь в одном и том же мире.

— К тому же, — прибавил Цинфелин, — такая смерть поможет этим наемникам избавиться от чар, которые удерживают их между мирами, не живыми и не мертвыми.

«А может быть, наемникам как раз и нравится подобное существование? — подумал Конан. — Впрочем, я не намерен пускаться в долгие рассуждения по этому поводу. Они стоят у меня на пути, и я сделаю все, чтобы избавиться от нежелательного препятствия».

Призрачные моряки дружно выхватили оружие и бросились к башне. Прямо на глазах у

Конана и его спутника, они вошли в стену и скрылись внутри строения.

Конан сделал Цинфелину знак подойти поближе. Они остановились перед самой стеной и прислушались, но изнутри не доносилось ни звука. Башня поглотила второй призрачный отряд, как и первый, и двоим приятелям оставалось лишь гадать о том, что может происходить за стеной.

Внезапно в стене распахнулся проход. Только что Конан видел лишь гладкую кирпичную кладку — и вот уже перед ним зияли, словно зев чудовища, раскрытые ворота. Они были такими большими, что в них могла бы пройти телега, запряженная лошадьми. В черном проеме виднелись человеческие фигуры. Они странно светились в темноте.

— Вперед! — крикнул Конан и устремился гуда.

Цинфелин бросился за ним следом, хромая и изо всех сил стараясь сохранять на лице решительное выражение.

На самом деле он был растерян. Что им предстояло делать? Участвовать в битве призраков?

Эдак они сами потеряют жизнь и ничего не добьются. Цинфелину не хотелось признаваться самому себе, что он попросту боится входить в заколдованную башню, которая столько времени будоражила его воображение и едва не довела его до смертельной болезни.

Вокруг действительно кипела битва. Наемники Гуннара пытались остановить входящих людей, но призрачные моряки набрасывались на солдат и разили их мечами и ножами. Крови не было, крики были едва слышны, однако от всего происходящего мурашки бежали по коже и волосы на загривке вставали у Конана дыбом, как у зверя, почуявшего опасность.

— Скорей! — торопил Конан своего спутника.

— Не могу, — прохрипел Цинфелин. Нога плохо слушается.

Неожиданно кто-то схватил Цинфелина за одежду и дернул. Юный граф скатался на несколько ступенек вниз.

— Конан, помоги! — выкрикнул он.

Киммериец спустился ниже и поднял меч.

— Кто здесь?

Ответа не последовало. Цинфелин ощущал, как чьи-то ледяные пальцы хватают его за горло. Граф несколько раз ударил кинжалом туда, где должен был находиться его противник, но лезвие пронзало пустоту.

Конан наклонился и схватил напавшего на Цинфелина за волосы. Если нож проходил сквозь призрак, как сквозь туман, то живая человеческая рука почувствовала нечто скользкое и холодное, но вполне плотское.

Конан впился пальцами туда, где, по его расчету, должны быть глаза нападавшего. Киммериец не прогадал. Раздался едва слышный, но воспринимаемый всем естественным вопль, от которого закладывало уши и дикий ужас зарождался в душе, существо забилося в руках у Конана. Затем киммериец выпустил его, и оно, завывая, скатилось вниз по ступенькам.

— Что ты с ним сделал? — пробормотал Цинфелин.

— Порвал голыми руками, — ответил Конан. — Это единственный способ задержать их, если они набрасываются. Наши моряки добьют их. И впредь не пугайся так. Они не в силах повредить тебе больше, чем это может сделать любое другое существо.

Он ухватил Цинфелина за локоть и потащил за собой наверх.

Казалось, этой винтовой лестнице не будет конца.

Они сбились со счета и уже не могли сказать, сколько раз обернулись вокруг своей оси, а ступеньки уводили их все выше и выше...

Глава девятая Последняя схватка

Пленницу, захваченную при попытке проникнуть в покои главного графского советника господина Кернива, решено было судить открыто. Граф Гарлот желал показать всем своим подданным, что творит правосудие, не боясь огласки. Что бы ни произошло в его дворце, какой бы приговор он ни был вынужден вынести преступнику, — господин Бенойка не намерен делать из этого тайну. Ему нечего скрывать от своего доброго народа!

Поэтому Далесари была доставлена на Поля Правосудия. Так назывался большой луг, где в добрые времена проходили праздники, а в том случае, когда требовалось судебное разбирательство, устраивались публичные слушания.

Просторная площадка была огорожена, так, чтобы ближе к графу могли разместиться наиболее уважаемые отцы семейств Бенойка. Прочие любопытствующие имели право находиться за оградой и наблюдать за происходящим в свое удовольствие. Обычно граф позволял народу громкими выкриками выражать свои чувства касательно приговора. Считалось, что граф не обращает внимание на вопли толпы и принимает решения по каждому делу вполне самостоятельно, но люди хорошо знали: все их пожелания учитываются, и с их настроениями граф неизменно считается. И в самом деле, не было случая, чтобы Гарлот помиловал того, кому толпа требовала смертной казни, или приговорил человека, достойного, по мнению людей, милосердия.

Рихан привел Югонну на судилище загодя, чтобы им занять места поближе к ограждению.

— Не стоит стоять так, чтобы нас могли увидеть с помоста, — говорил Рихан, — но и совсем удаляться тоже не стоит. Заберемся во второй ряд и будем держаться за чужими спинами. Постарайся не кричать, не падать в обморок — вообще ве́ди себя потише, иначе на тебя обратят внимание, а это уже лишнее.

Под раскидистыми ветвями одиноко растущего посреди луга дерева графские слуги уже собрали помост. Плотники работали вовсю, устанавливая балдахин над тронem, где будет восседать граф Гарлот. Трудились они быстро и слаженно, и было очевидно, что это дело для них не в новинку. Все детали помоста, балдахина и трона хранились во дворце, их осталось только принести и собрать, придав «сцене» надлежащий вид.

Придворные начали съезжаться. Появился и сам «пострадавший» — господин Кернив. На нем было тяжелое роскошное одеяние, в котором он, несмотря на жару, чувствовал себя вполне комфортно.

Некоторые господа явились с супругами, хотя в основном всем приглашенным и почетным гостям вменялось в обязанность приходить на судилища без членов семьи. Женщины допускались на подобные собрания только в качестве зрительниц, их места были за ограждением. Исключения делались лишь для очень немногих — наиболее знатных и влиятельных.

Наконец на помост взошел и сам граф Гарлот. Он выглядел бледным и исхудавшим. Сказывалась тревога, которую Гарлот испытывал за своего сына: сперва непонятная болезнь, потом еще более странное душевное расстройство... а теперь, по слухам, юный Цинфелин и вовсе куда-то исчез.

Тем не менее никакие личные беды не помешали графу Гарлоту исполнять свой долг перед народом. Он поднялся к трону и вскинул руки, призывая к тишине.

Как по колдовству, луг, заполненный пародом, затих. Стало слышно, как вдали гудит шмель, — такая воцарилась тишина.

— Люди Бенойка! — раздался голос графа Гарлота. — Сегодня мне предстоит судить женщину, которую обвиняют в том, что она проникла в покои нашего главного советника — господина Кернива, чьи заботы о графстве неустанны, чьи заслуги перед графством бесспорны! Она пыталась обокрасть его, а может быть, и покушалась на его жизнь! Я позволил присутствовать на этом суде женам многих моих сановников и верных подданных, и сделал это сознательно, в нарушение давнего обычая. Как правило, мы считаем правосудие делом чисто мужским, ибо оно подчас требует от нас твердости и беспристрастности, а зачастую и жестокости. Как известно, сердце женщины мягко и склонно прощать. Женщине

трудно заставить себя быть беспристрастной и тем более — быть жестокой.

«Боги! — подумал Югонна в смятении. — Граф Бенойка — идеалист, если он действительно думает то, что говорит!»

Рихан слушал Гарлота, полуоткрыв рот и глядя на него с откровенным обожанием. За такого вождя радостно отдать жизнь! А сын графа — еще лучше, еще благородней и отважней!

Между тем Гарлот продолжал:

— Но наш преступник — женщина, и я подумал, что наши благородные женщины лучше поймут ее. Поэтому им дозволено находиться здесь и выступать в защиту или в обвинение.

Граф сделал знак страже, и на помост подняли Далесари. Югонна весь напрягся и подался вперед, желая лучше рассмотреть свою возлюбленную. Несколько дней заточения в подземелье сделали свое дело. Далесари утратила свежие краски лица, она сильно исхудала, под глазами у нее появились темные круги, рот печально обвис. Югонна никогда прежде не видел ее такой.

— Она больна? — спросил он Рихана, подергав того за рукав. Как, по-твоему, она больна? Или голодна? Что они с ней делали? Ее пытали?

Рихан покачал головой.

— Мне доводилось видеть такие лица, — тихо ответил он. — Она попросту смертельно напугана. Этот негодяй запугивал ее все то время, что она находилась у него в подвалах. Кроме того, полагаю, она до сих пор не знает, что ты жив...

Тем временем заговорил господин Кернив. Он подробно описал все случившееся в его спальне, заранее попросив прощения у присутствующих женщин за то, что вынужден говорить о столь интимных вещах.

— Если бы не обстоятельства дела, я не стал бы касаться таких тем, как постель, покрывало, да и я сам, коль скоро я не одет надлежащим образом, — галантно заметил он, кланяясь.

Эти слова произвели благоприятное впечатление на слушательниц, многие улыбнулись. Югонна заскрежетал зубами.

Лицо Далесари осталось неподвижным. Она как будто смотрела на что-то, находящееся очень далеко отсюда, и пыталась разобрать детали неуловимой картины.

— Эта женщина — хотя едва ли существо, подобное ей, имеет право носить столь высокое имя, — продолжал Кернив возмущенным топом, — забралась ко мне, когда я спал и был совершенно беспомощен перед любым злоумышленником. Она намеревалась убить меня и лишит нашего доброго графа, — поклон в сторону Гарлота, — одного из самых верных его слуг!

Югонна вздрогнул, явно желая броситься вперед и осуществить намерение, приписанное Далесари обвинителем, но Рихан удержал его за руку.

— Подожди, еще не время, — прошептал он. — Ты ведь не хочешь все испортить?

Он показал на большой, закрытый куском ткани предмет, который висел у него на плече, прикрепленный за лямку. Со стороны этот предмет можно было принять за обычный щит. Югонна вздохнул:

— Так тяжело оставаться сторонним наблюдателем, когда видишь такое!

Один из стоявших поблизости, упитанный человек с блестящей лысиной, воззрился на Югонну с негодованием.

— У меня складывается ощущение, будто вы оба сочувствуете этой негодяйке!

На сей раз Рихан опередил Югонну.

— Возможно, обстоятельства этого дела не вполне соответствуют рассказу господина Кернива.

— Этого не может быть! — отрезал толстяк и возмущенно отвернулся. Он уставился на Кернива с обожанием.

— Он околдовал их всех! — тихо обратился Югонна к своему товарищу. — Иначе чем

объяснить эту всеобщую любовь?

— Погоди, скоро дело изменится... — Рихан усмехнулся. — Спроси лучше, как я вытащил эту штуку из дворца?

Югонна посмотрел на солдата и увидел, что тот просто сияет от самодовольства. И тотчас же фокуснику стало стыдно. С точки зрения Югонны. Мне было ничего особенного в том, чтобы пробраться во дворец, уболтать стражу, отвести глаза двум-трем случайно встреченным в коридорах слугам, проникнуть в комнату юного Цинфелина, где до сих пор оставалось магическое зеркало Югонны и Далесари, и утащить его. Подумаешь!

Однако поразмыслив, Югонна понял, что для солдата это было настоящим подвигом. Рихан не умел скрываться, ловчить и, будучи захваченным врасплох, говорить первую пришедшую в голову чушь. Так что для него это похищение превратилось в настоящий подвиг.

Чтобы сделать Рихану приятно, Югонна спросил:

— Как тебе это удалось? Я думал, такое невозможно!

Улыбка на лице Рихана сделалась еще более лучистой.

— Ну, пришлось проломить голову одному не в меру любознательному охраннику... Но в общем и целом прошло без шума.

— Ты устроил драку? — ужаснулся Югонна.

— Только в самих покоях юного графа, — успокоил его Рихан. — К тому же, трудно назвать это дракой. Тот парень даже кулак сжать не успел. Он просто поинтересовался, зачем я забрался в апартаменты Цинфелина, а я спросил, что он тут делает. Он сказал, что ему приказано охранять имущество юного графа, а я сказал, что во дворце воров нет и быть не может. Тогда он сказал, что из-за болезни Цинфелина здесь развелось много разной сволочи, вроде той, что должны судить завтра — то есть, уже сегодня...

Югонна скрипнул зубами, но Рихан этого не заметил и простодушно продолжал:

— Тогда я дал ему по голове стулом, забрал зеркало, сунул его в чехол от щита и вышел. Меня даже не пробовали остановить, все ведь знают, что я служу в гарнизоне — ну а коли комнаты графа велено охранять, то и...

Он развел руками и ухмыльнулся.

— Так что все просто. Напрасно ты считал, будто мне это не под силу.

— Да, — произнес Югонна, — ты не перестаешь удивлять меня.

Тем временем бесконечная речь господина Кернива — поток жалоб, перемежаемых напоминанием о его, Кернива, заслугах перед графством, — наконец иссякла. Поднялся граф Гарлот. Он обвел глазами собравшихся и остановил взор на Далесари.

— Может быть, ты хочешь что-то сказать в свое оправдание? — осведомился он у обвиняемой весьма суровым тоном.

Молодая женщина не ответила. Она держалась так, словно заранее знала, каким будет приговор, и не старалась сделать ничего, чтобы смягчить свою грядущую участь.

— Она считает меня мертвым, — прошептал Югонна, внимательно следивший за своей женой. — Все остальное ей сейчас безразлично.

— Ей не будет безразлично, когда они потащат ее на виселицу, — возразил Рихан. — Но только тогда поздно будет кричать и оправдываться.

— Жаль, что с нами сейчас нет Конана! — сказал Югонна и тотчас прикусил язык. Похоже, в трудных ситуациях он слишком привык полагаться на киммерийца. Как такое вышло? Когда они только-только встретились с Конаном, то сочли его самым обыкновенным варваром, громилой, в то время как они с Далесари относились к миру ученой элиты. Однако никакая книжная ученость не могла вызволить их из беды.

Гарлот между тем произнес:

— Мне отвратительна сама мысль о том, что женщина может быть подвергнута смертной казни, но я не вижу оправданий для этой злодейки. Нет такого преступления, которое она бы не совершила! Она воспользовалась болезнью моего сына, злоупотребила его доверием, пыталась убить беспомощного во сне человека, а затем бежала от правосудия...

Мое сердце болит при мысли о том, что она будет повешена, но кто приведет мне доводы против такого приговора?

— Пора! — шепнул Рихан.

И в тот же миг Югонна бросился вперед.

— Я! — закричал он.

— Что?! — Граф Гарлот грозно воззрился на него, словно готовясь и Югонну приговорить к смерти за то, что он пытается помешать правосудию. — Ты смеешь возражать мне?

— Простите, ваша милость, — ответил Югонна, — но я слышал вопрос, исходящий от вашей милости, и решился дать на него ответ.

— Что? — еще более грозно нахмурился граф. — Какой вопрос?

— Ваша милость спрашивали, кто возразит против смертного приговора для этой женщины, — громким голосом напомнил Югонна. — И я дал вашей милости ответ: «Я»!

— Ты? Ты готов возразить мне?

— Да.

— Полагаю, у тебя есть основания?

— Да, — снова ответил Югонна.

— Что ж, — граф с видимым усилием взял себя в руки и даже заставил себя улыбнуться, — послушаем. Время у нас еще есть. — И тут тень снова набежала на лицо Гарлота. — Погоди-ка... Не тот ли ты фокусник, что выступал вместе с этой потаскухой? Хоть ты и переоделся, и смысл с лица дурацкий грим, я узнал тебя! Это — второй преступник, сообщник! Человек, за которым гналась моя стража! Он здесь, и готов выступить.

— Ну так позвольте же мне говорить, — не растерялся Югонна. — Вот я в ваших руках, отлично. Я ведь никуда не убегу. Вы хотели схватить меня — я пришел сам и лично сдался на ваше правосудие. И теперь я прошу только об одном: дайте же мне наконец высказаться!

Под громкие выкрики: «Стой! Куда?» Рихан выбрался из толпы и предстал перед судилищем.

— А это кто? — спросил Гарлот.

Рихан молча поклонился.

Югонна усмехнулся:

— Это мой страж. Солдат, который схватил меня и привел сюда. Так что ваша милость может наградить его за расторопность и бдительность.

Гарлот прищурился, глядя на обоих, а затем перевел взгляд на Далесари. Женщина была очень бледна и казалась близкой к обмороку. Что касается Кернива, тот выглядел так, словно ничуть не сомневался в исходе дела. Легкая улыбка порхала на губах графского советника.

— Я знаю, — начал Югонна, — никто из вас не поверит мне, если я буду утверждать, что невиновен, и что эта женщина, моя жена, — тоже не совершила ничего, что было бы направлено против графа и графства. И уж конечно вы будете смеяться, если услышите, что наши действия служили лишь ко благу вашей земли. И тем не менее это так.

— Сказать что угодно можно! — донесся выкрик из толпы.

Югонна даже не повернул головы, чтобы посмотреть на кричавшего. Он заранее знал, что подобные вопли будут непременно.

— Это точно, — согласился Югонна. — Вот и господин Кернив об этом знает и потому болтает все подряд, что только ему в голову взбредет. Удивляюсь, что вы слушаете его, точно пророка. А вдруг он лжет?

— Не забывайся, фигляр, — предупредил граф Гарлот. — Я могу распорядиться казнить тебя и твою шлюху в любой момент.

— Моя жена не шлюха, хотя все остальное абсолютно точно, — сказал Югонна не моргнув глазом. — Но мое время еще не истекло, и я хотел бы продолжить.

— Оправдание стоит того, — кивнул Гарлот. — Хоть вы оба и внушаете мне сильное

подозрение, скажу по правде.

— Я готов представить свидетеля, который не лжет и которого нельзя подкупить, — объявил Югонна.

— Таких свидетелей не существует, — презрительно сплюнул Кернив.

— А вот и нет!

И Югонна сделал знак Рихану. Тот сдернул чехол с того, что все считали щитом, и перед собранием предстало магическое зеркало. Кернив рванулся было к зеркалу, но в последний миг усилием воли удержался на месте и только растянул губы в насмешливой улыбке.

— Это украденное у меня зеркало, — объявил он. — У них хватает наглости похвалиться своей воровской добычей.

— Никто не похвастается, — возразил Югонна, — разве что ты, почтенный Кернив. Это зеркало вовсе не принадлежит тебе. Оно — мое. Мое и этой женщины, моей жены. Многие из приближенных графа Гарлота могли видеть наше зеркало на представлениях.

— Магическое зеркало! — вспомнил Гарлот и внимательно посмотрел на Югонну. — Но если это так, то почему я должен верить тебе?

— Потому что зеркало не лжет. Оно отражает только то, что видит, — был ответ.

— Ты сам признал, чужестранец, что оно магическое, — продолжал настаивать граф. — А магия всегда сопряжена с обманом и иллюзией.

— Это так, — кивнул Югонна. — Но если наше зеркало обладает кое-какими магическими свойствами, то мы — моя жена и я — отнюдь не маги, поэтому не в нашей власти управлять этим зеркалом. Говорю же, оно отражает лишь то, что перед ним было. Я могу вызвать отражение, но не могу создать его.

— В твоих словах есть резон, — признал Гарлот. — Что ж, дозволим тебе выступить! В конце концов, ты защищаешь свою жизнь и жизнь своей подруги, а такое дело требует времени и поддержки. Смерть необратима. Я могу освободить человека из заключения, если получу новые сведения касательно его невиновности, но я не в силах никого воскресить. Поэтому потратим время и выслушаем этого проходимца. Даже проходимцы иногда говорят дело.

— Не говоря уж о том, что они не заслуживают несправедливой казни, — спокойно добавил Югонна, и граф опять нахмурился: ему не нравилось то, с каким достоинством и как спокойно держится этот бродячий фокусник! Можно подумать, он считает себя, безродного фигляра, едва ли не ровней ему, графу Бенойка!

Югонна развернул зеркало так, чтобы граф мог видеть в нем отражение, и провел рукой над мутной поверхностью стекла. Туман тотчас рассеялся, и перед графом предстало отражение комнаты Цинфелина.

— Это спальня юного графа, — громко говорил Югонна, поворачивая зеркало попеременно во все стороны, дабы и прочие собравшиеся могли рассмотреть его. — Здесь, по словам самого Цинфелина, ему являлось видение прекрасной девушки, заключенной в узы. Ночь за ночью предстала перед ним дивная пленница. Она плакала и умоляла спасти ее. Наш юный граф обладает добрым сердцем и пылким нравом. Он не мог спокойно созерцать эти картины. Но он не знал ни имени этой девушки, ни того, где разыскивать ее. И поэтому тоска поселилась в его душе и начала медленно убивать его...

— Поэтому он и заболел, — медленно проговорил Гарлот. Сейчас граф выглядел как человек, который только что очнулся от долгого забытья. — Поэтому он и выглядел безумцем. Ему не давала покоя эта картина...

— Совершенно верно, — кивнул Югонна.

Он протянул руку, делая знак своей жене, и Далесари повиновалась: она медленно приблизилась к мужу и прижалась к нему. Он обнял ее и продолжал говорить, сжимая плечо Далесари.

— Цинфелин тосковал и в то же время ни с кем не мог поделиться причиной своей тоски. Ему бы просто никто не поверил. Какая-то пленница? Ночное видение? Должно быть,

обыкновенный сон, и все дела в том, что юному графу пора жениться. Вот и все, что мог он услышать от своих близких.

Рихан покраснел: Югонна попал в точку. Если бы Цинфелин раскрыл ему душу, Рихан именно это и посоветовал бы своему другу. «Пора тебе, дружище, перестать спать одному и взять в постель какую-нибудь добрую женщину. Глядишь — и девки мерещиться перестанут».

— Но откуда в комнате моего сына могло взяться это видение? — спросил Гарлот.

Югонна живо повернулся к нему и поклонился.

— Вот именно! — вскричал фокусник. — Откуда? Мы знаем, что такие зеркала, как наше, покрыты амальгамой, обладающей колдовским свойством запоминать и воспроизводить отражение. Но наше зеркало находилось при нас. Стало быть, в замке имеется еще одно, а кроме того, у кого-то была амальгама, которую он наносил на стену в комнате Цинфелина. И когда мы нашли следы этой амальгамы, полагаю, истинный преступник пробрался в покои Цинфелина и попытался вытереть стену. Иначе все стало бы слишком очевидно.

— Неправда! — сказал Кернив. — Такого не может быть!

— Но зеркало не в состоянии лгать, — возразил Югонна. — Оно, в отличие от человека, не может меняться. Оно таково, каким было создано изначально, и его природа неизменна. Оно отражает лишь то, что существует или существовало на самом деле.

— Подожди, — остановил Югонну граф Гарлот, — если верить твоим словам, то... То тогда получается, что и та прекрасная пленница, которая завладела сердцем моего сына, — она тоже существует в действительности?

Югонна кивнул.

— Именно так. И, полагаю, Цинфелин сейчас разыскивает ее.

— Митра! — простонал граф.

Тем временем Югонна снова провел рукой над зеркалом, и изображение в стекле изменилось: в спальне Цинфелина появился некий человек. Озираясь по сторонам, он начал водить кистью по стене, а затем растирать нечто ладонями. Приглядевшись, Гарлот узнал в этом человеке самого Кернива.

Изумленный, граф уставился на своего советника.

— Как вы объясните это?

— Ложь! — взвизгнул Кернив. — Неужели вы поверили этим негодяям? Они — воры и убийцы, и самое мудрое было бы отправить их на виселицу!

— Я уже сказал, что не сделаю этого, не разобравшись во всех хитросплетениях дела, — ответил граф, повышая голос. — Помните свое место, советник! Вы можете лишь давать мне рекомендации — и многие из них действительно были мудры и к месту, — но не имеете никакого права мне приказывать!

— Я настоятельно рекомендую вашему сиятельству казнить этих двух негодяев, — повторил Кернив.

Он закусил губу и отвернулся.

Второй «Кернив» — тот, что в зеркале, — продолжал повторять одни и те же движения, размазывая колдовскую амальгаму по стене в спальне наследника графства.

Собравшиеся, как замороженные, смотрели то на зеркало, то на самого Кернива. Многих поражал контраст между гордым лицом Кернива «во плоти» и вороватым выражением, которое это лицо вдруг обретало в отражении в колдовском зеркале.

И в этот самый миг на краю луга послышался громкий стук копыт, и пронзительный женский голос закричал:

— Это он!

Когда Конан и Цинфелин очутились в заколдованной башне, на винтовой лестнице, их окружила тьма. Киммериец хорошо видел в темноте и уверенно поднимался все выше и выше, а Цинфелин последовал за ним, ориентируясь по звуку шагов своего спутника, и старался не отставать. Призрачные воины остались внизу — они сражались с призрачными моряками.

— Сюда! — крикнул Конан. Он увидел наверху полосу света и устремился к ней.

Киммериец не сомневался в том, что пленница содержится в помещении, где должно быть достаточно светло. Ведь если она будет находиться в полной темноте, то ее отражение останется неразличимым для Цинфелина и будет попросту бесполезно.

Он увидел тяжелую дверь из массивного дерева, окованную железом. Дверь эта закрывалась на простой засов — не было даже замка.

А зачем здесь, в этой башне, какие-то замки? Никто посторонний не мог бы проникнуть сюда.

Конан радостно вскрикнул и устремился к двери. Цинфелин, задыхаясь и хватаясь за раненый бок, побежал за своим товарищем.

— Мы нашли ее! — вскрикнул юный граф.

Внезапно Конан остановился. Цинфелин налетел на него и едва не упал.

— Что с тобой? — спросил юноша. — Мы преодолели столько препятствий, и вдруг перед самой целью ты замираешь... Можно подумать, это ты взволнован предстоящей встречей, а не я...

— Здесь что-то не так, — прошептал Конан. — Я это чувствую. Какая-то ловушка.

— Брось! — возмутился граф. — Какая здесь может быть ловушка? Да будь у меня такая башня, в которую никто чужой не в состоянии войти, не стал бы я устраивать ловушки...

— Нет, подожди. Обидно погибнуть на пороге...

Конан оказался прав. Только сообразительность и стремительность варвара, да еще его привычка доверять своим диким инстинктам спасла ему жизнь. Откуда-то сверху на плечи Конана прыгнуло огромное лохматое существо. Оно выпустило когти и вцепилось в руки Конана, а зубастой пастью нависло над его шеей.

— Кром! — взревел киммериец. — Цинфелин, сними с меня эту гадину!

Юный граф взмахнул мечом, стараясь нанести удар так, чтобы не повредить своему товарищу. Но это оказалось не так-то просто: Конан вместе с нападающей на него тварью все время вертелся и метался из стороны в сторону. Наконец киммериец с силой ударился о стену, и чудовище выпустило его из своей хватки. Оно упало на пол и откатилось в угол, но затем тотчас же вскочило на ноги, распрямившись, как пружина.

Цинфелин с ужасом увидел человекоподобную тварь с огромными круглыми глазами желтого цвета. Существо было покрыто бурой шерстью, его длинные руки свисали ниже колен. Негромко ворча, оно двинулось к киммерийцу. К ужасу Цинфелина, Конан рассмеялся и, отбросив меч, шагнул навстречу монстру.

Юный граф отошел в сторону. Он совершенно перестал понимать смысл происходящего. Только что, буквально па его глазах, киммериец окончательно расстался с «оболочкой» цивилизации и превратился в настоящего дикаря, совершенно под стать тому монстру, который оказался его противником.

Но как такое возможно? Ведь Конан только что держался как умный человек, хорошо разбирающийся в тонкостях человеческих взаимоотношений и даже как будто не чуждый придворных условностей. И вот перед потрясенным Цинфелином — два диких существа, готовых схлестнуться в битве не на жизнь, а на смерть.

Из горла киммерийца вырвалось рычание. Шерсть на загривке монстра поднялась дыбом. Конан чуть присел и бросился на лохматую тварь. Они вцепились друг другу в глотки и покатались по полу. Они бились молча, как два хищника за добычу.

Несколько раз Цинфелину хотелось вмешаться и покончить с лохматой тварью одним ударом. Ему казалось — вот самый удачный момент, чтобы вонзить меч в косматую спину

между лопатками. Но мгновение — и там, где извивался и норовил загрызть соперника монстр, оказывался киммериец.

Конан вывернулся из железной хватки монстра и отбежал к стене. Двигаясь боком и подпрыгивая, монстр приблизился к киммерийцу и протянул длинные лапы, норовя снова ухватить противника.

Конан присел, и удар когтистых пальцев пришелся у киммерийца над головой.

Метнувшись вперед, Конан ударил врага головой в живот. Тот согнулся пополам, и тут Цинфелин наконец изловчился и вонзил кинжал, который сжимал в левой руке, чудищу в основание шеи.

Получеловек захрипел. Конан оттолкнул его от себя и швырнул на пол. Истекая кровью, монстр забился на холодных камнях. Конан перевел взгляд на Цинфелина, и молодой человек с удивлением понял, что киммериец улыбается.

Поначалу лицо варвара было искажено дикой ухмылкой, но чем дольше Цинфелин смотрел на своего товарища, тем более человеческой становилась его улыбка.

Наконец Конан тяжело перевел дыхание.

— Долго же ты решался сделать это, Цинфелин!

— Мне показалось, ты хочешь расправиться с ним сам и голыми руками, — возразил Цинфелин, поглядывая на Конана с легкой опаской.

Киммериец расхохотался и подобрал свой меч.

— Честный бой — это прекрасно, Цинфелин, но не в том случае, когда из-за нашего благородства страдает беззащитный человек. Ты еще не забыл о том, кто находится за этой дверью?

Цинфелин побледнел.

— Не слишком ли ты быстро меняешь настроение? Я не успеваю за тобой!

— Я всего лишь хотел убедиться в том, что эту дверь действительно никто не охраняет, — возразил киммериец. — И теперь, когда это действительно так, — он глянул на косматое тело, скорчившееся в луже крови на полу, — нам остается лишь отодвинуть засов.

Цинфелин, не веря, протянул руку к задвижке. Она отодвинулась со скрежетом, дверь медленно отворилась, и молодой человек очутился в комнате, которую так часто видел, находясь в горячечном бреду у себя в спальне, в замке, за день пути отсюда.

Свет попадал в комнату из узкого окна, прорезанного над потолком. Юная девушка с темно-каштановыми волосами — в видениях они казались немного другого оттенка, — стояла возле стены и расширенными глазами смотрела на вошедших. Она показалась Цинфелину тысячекратно прекрасней того явления, что не давало ему покоя столько времени. И тем страшнее выглядели тяжелая ржавая цепь и обручи, что охватывали ее шею, запястья и щиколотки.

Цинфелин бросился к ней и схватил ее за руку. Она закрыла глаза и прижалась к стене.

— Ты боишься? — тихо спросил Цинфелин. — Но чего? Я с тобой! Я здесь, я пришел, чтобы спасти тебя!

Она тихо покачала головой.

— Исчезни... Он нашел новый способ мучить меня. Я не знаю, как он это сделал... и никогда не узнаю. Но у него ничего не получится. Я не стану радостно бросаться тебе на шею только ради того, чтобы ты растаял в полумраке и оказался иллюзией... как многое другое до тебя.

— Нет, нет! — в отчаянии закричал Цинфелин. — Нет, я настоящий! Я пришел освободить тебя!

— Я не верю, — сказала пленница.

— Ну вот что, — вмешался Конан, — нежности, благодарности, поцелуи и прочие приятные штуки — это потом, а пока, Цинфелин, отойди от нее. Как бы мне вас обоих не покалечить.

Он показал тяжелый молот, который неведомо как очутился у него в руках. Заметив удивленный взгляд Цинфелина, киммериец хмыкнул:

— Лежал у входа. А ты, конечно, не заметил. Что ты вообще можешь заметить, когда здесь — она...

Цинфелин повиновался своему старшему другу и отошел в сторону. Конан оглядел девушку с головы до ног.

— Он тебя совсем не кормил, — проворчал киммериец. — Кожа да кости. Не понимаю, что нашел в тебе Цинфелин. Наверное, он провидец и может угадать, какой ты станешь, если тебя хорошенько откормить. Полагаю, ты любишь свинину, нашпигованную чесноком... Впрочем, это не мое дело. Держи руки неподвижно. Подними их над головой, прижми к стене и не шевелись, даже если тебе покажется, что я вот-вот размозжу тебе голову. Ты все поняла?

— Я привыкла повиноваться, — тихо отозвалась пленница.

— Заметь, Цинфелин, — обратился Конан к юноше, — меня она иллюзией не считает.

— Ты слишком похож на палача, чтобы казаться иллюзией, — огрызнулся Цинфелин.

— Неблагодарный, как, впрочем, и все знатные юнцы, — вздохнул Конан и принялся сбивать железные «браслеты» с рук пленницы. Затем настал черед ее щиколоток, а после — и ошейника. Наконец, освобожденная, она рухнула в объятия киммерийца, и он обхватил ее своими могучими ручищами.

— Так это все происходит на самом деле! — заплакала она.

— Ну конечно на самом деле, — утешительно произнес Конан и положил ладонь ей на голову. — Надеюсь, сейчас за нами никто не следит.

— Нет, — отозвалась девушка. — В комнате никого нет. Я всегда чувствую, когда ОН смотрит в зеркало.

— ОН? — нахмурился Конан.

— Мой мучитель...

— Кто ты? — спросил Конан. — Ты помнишь свое имя?

— Лизерана... Так называла меня мать. И еще кормилица. У меня была добрая кормилица... Наверное, она сейчас уже умерла.

Цинфелин решительно отстранил Конана от девушки и заговорил с ней сам.

— Ты можешь идти?

— Идти? — вмешался Конан. — Нам придется скакать верхом!

— Она такая легкая! — откликнулся Цинфелин. — Я возьму ее в седло, конь даже не заметит, что всадников двое.

— Я бы на твоём месте не строил иллюзий, — проворчал Конан. — Некоторые дамы только выглядят хрупкими, а как усадишь их на лошадь — бедная скотина аж приседает от тяжести.

Цинфелин не без удивления понял, что киммериец немало растроган случившимся и под напускной грубостью пытается скрыть свои чувства. Что ж, еще один признак цивилизованного человека. О чем самому Конану, разумеется, лучше не говорить.

Цинфелин взял девушку за руку и повел из комнаты, где она провела столько горьких зим.

— Как я выгляжу? — шепнула она на ухо своему спасителю.

— Ты прекрасна, — ответил он.

«Стало быть, с нею все в порядке, — отметил Конан, слышавший этот краткий диалог. — Только умирающая женщина не интересуется своей внешностью... Впрочем, знал я и нескольких, которые беспокоились об этом даже на краю могилы...»

— Я не видела своего отражения с детских лет, — призналась Лизерана. — Все, что показывали мне зеркала, были другие люди. И... и еще ты. Я видела, как ты хворал, как ты был болен, как ты умирал... Всеми силами я пыталась помочь тебе.

— Помочь? О великий Митра! — удивленно воскликнул Цинфелин. — Ты, беспомощная, измученная пленница — пыталась помочь мне, избалованному графскому сынку?

Они начали медленно спускаться по лестнице. Лизерана спотыкалась на каждой

ступеньке.

Цинфелин боялся даже думать о том, что может ожидать их внизу. Однако весь путь они проделали, не встретив никаких препятствий. Башня была пуста.

Они выбрались наружу и оглянулись. Ничего зловещего теперь не ощущалось в этой местности. Просто пролив, чайки в небесах, серые волны — и пустая башня с зияющим входом на том месте, где когда-то стояли ворота.

Кони паслись над обрывом, пощипывая траву, что росла на склоне холма.

— Едем, — бросил киммериец, устремляясь туда...

* * *

— Это он, он! — вне себя кричала Лизерана. Она сидела на коне в седле перед Цинфелином. Ее длинное платье развевалось, ветер трепал ее волосы. Цинфелин крепко удерживал ее за талию, а девушка протягивала руку к Кернivu в обвиняющем жесте.

Всадники ворвались на Поля Правосудия и двинулись прямо к заграждению. Граф Гарлот повернулся к ним и застыл, неподвижно глядя на своего сына, на незнакомую девушку в седле и на рослого варвара с мечом за плечами.

— Расступитесь! Дорогу Цинфелину! — кричал Конан, орудуя кулаками, чтобы вразумить наименее сообразительных.

Люди шарахались в стороны, позволяя всадникам проехать. Гарлот не проронил ни слова, не сделал ни жеста. Он просто позволил своему сыну действовать — и молча ждал, желая увидеть, что же тот намерен предпринять.

Возле заграждения всадники спешили, и Цинфелин вместе с девушкой перебрался внутрь, туда, куда допускались только избранные. Конан следовал за ним шаг в шаг. Он ни на мгновение не отрывал глаз от Кернива.

«Хвала всем богам! — подумал Югонна. — Но как же вовремя они приехали! Можно подумать, они нарочно подгадали миг своего появления!»

Лизерана остановилась перед Кернивом и еще раз указала на него рукой, а затем повернулась к Гарлоту и громко, отчетливо произнесла:

— Это он! Он — тот человек, который похитил меня, который держал меня в плену, мучил ради собственных низких прихотей — человек, который задумал погубить вашего сына!

— Это правда, отец, — вмешался Цинфелин.

— Но каким образом? — спросил граф.

— Я видел ее в зеркалах... в тех самых зеркалах, которые держит у себя Кернив. Вот зачем эти двое фокусников забрались в спальню к вашему советнику, отец! Они искали доказательства — и они нашли его!

— Да! — вдруг «ожил» Далесари. — Все было именно так, как говорит графский сын! Мы видели следы амальгамы, которую Кернив наносил на стены спальни Цинфелина, мы видели, куда ведет этот след, мы нашли второе волшебное зеркале. Все именно так! Вот почему Кернив так яростно добивается нашей смерти!

— Нет! — вскричал Кернив. — Умри, проклятая ведьма!

Он выхватил из своего широкого рукава кинжал и набросился на Далесари. Все произошло в считанные мгновения. Никто из собравшихся не успел ни удержать Кернива, ни оттолкнуть Далесари в сторону, ни даже просто вскрикнуть от ужаса. Нож вонзился в ямку у основания шеи молодой женщины.

И... ничего не произошло. Далесари продолжала стоять и уверенно улыбаться. Кернив отдернул руку и огляделся по сторонам с таким вороватым видом, что Гарлот внезапно понял: граф Бенойка никогда по-настоящему не знал своего главного советника. Человек с подобным выражением лица не может быть никем, кроме низкого интригана и предателя.

Вокруг зашумели.

— Что это значит? — спросил Гарлот, сурово глядя на съежившегося советника. — Кажется, вы пытались убить эту женщину? Кто дал вам право выносить ей смертный приговор и приводить этот приговор в исполнение — да еще у меня на глазах?

Кернив молчал. Его игра была окончена.

То, что он принял за Далесари, исчезло, растворилось в воздухе, а настоящая Далесари выступила из-за широкой спины Конана, куда спряталась за мгновение перед тем.

— Вы видели, как создаются иллюзии, — громким голосом произнес Югонна. — Это произошло у вас на глазах. Зеркало отразило и повторило то, что уже существовало на самом деле, — в данном случае образ моей жены. Кернив показывал графу Цинфелину другую женщину... Женщину, которая страдала по его вине!

Лизерана преклонила перед Гарлотом колени.

— Я обвиняю этого человека в том, что он украл... украл мое детство! Он держал меня в заточении, он пользовался мною для того, чтобы терзать душу Цинфелина! По его вине в слезах зачахли мои родители, и одним только 'богам известно, что случилось с моей доброй няней.

— Я знаю, где она, — подала голос Далесари. — Она жива, и в нашей власти ее освободить... Ее осудили за участие в похищении этой юной девушки, — обратилась Далесари к графу. — Но теперь, когда все разрешилось...

Гарлот поднял руку.

— Мне отвратительно слушать все эти подробности, — проговорил он так, чтобы его голос гремел на все Поля Правосудия. — И я прекращаю суд. Все ясно, и все решено. Преступник сам изобличил себя. Я сожалею лишь об одном: о том, что допустил сюда женщин. Все случившееся — не для их нежных глаз и ушей.

«Да, он идеалист, — опять подумал Югонна, с восторгом глядя на графа. — А это означает, что скоро здесь будут устроены грандиозные празднества по случаю свадьбы Цинфелина. И нам с Далесари не худо бы задержаться. Может быть, ошастливленный юноша вспомнит о тех, кто ему помог, и в свою очередь поможет нам достать хороший корабль...»